

Серия
«Гуманитарные науки»

И.И. Пляхимович

ОСНОВЫ
КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ:
ТЕОРИЯ ИНСТИТУТА

Минск
ИООО «Право и экономика»
2008

УДК 342.4(476)(043.3)
ББК 67.4
П40

Серия основана в 2008 г.

Рецензенты:

А.А. Головки, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, кафедра конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета

Д.М. Демичев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права факультета права Белорусского государственного экономического университета

Пляхимович, И.И.

П40 Основы конституционного строя: теория института. / И.И. Пляхимович; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2008. – 160 с. – (Серия «Гуманитарные науки»)
ISBN 978-985-442-586-3

**УДК 342.4(476)(043.3)
ББК 67.4**

© Пляхимович И.И., 2008
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2008

ISBN 978-985-442-586-3

ВВЕДЕНИЕ

В Республике Беларусь идет становление отрасли конституционного права, независимой от ранее существовавшего советского союзного центра. В 1994 г. принята Конституция суверенного белорусского государства. Ее первый раздел именуется «Основами конституционного строя» и состоит из норм, регулирующих самые важные общественные отношения в сферах политики, экономики, социальной жизни, культуры. Все нормы конституционного права имеют основополагающее значение для правовой системы. Тем не менее, даже среди этих норм есть более и менее важные. Положения раздела I белорусской Конституции образуют главную структурную часть конституционного права – институт основ конституционного строя. Исследованию данного института и посвящается настоящая работа.

С начала 90-х гг. XX века в Беларуси стали происходить поистине революционные изменения, связанные с преобразованием общественного строя. Такая принципиальная трансформация является редким феноменом социальной жизни. Конституционное право отреагировало на данные процессы заменой понятия общественного строя новым понятием конституционного строя. Вместо социалистических ценностей, закреплявшихся первыми разделами советских конституций, на передний план вышли принципы приоритета человека, незыблемости и внегосударственной природы его прав и свобод, правового государства, разделения властей, политического плюрализма, свободы экономической и культурной деятельности. Перечисленные принципы выступают самым популярным объектом изучения постсоветской науки. В то же время они являются лишь отдельными частями такого конституционно-правового феномена, как основы конституционного строя. Новизна, масштабность и существенность этого феномена объясняют в равной мере исключительную актуальность и сложность его научного осмысления.

Сложность и глобальность объекта нашего исследования состоит в

том, что основы конституционного строя являются предельными основаниями государства и права. В силу своего главенствующего положения нормы об основах конституционного строя абсолютны – не существует юридических норм, которые служили бы их причиной, предопределяли их содержание. Выражением предельности основ конституционного строя выступают два правовых принципа, предполагающих друг друга и являющихся частью основ конституционного строя – верховенство (суверенность) конституции и суверенность источника государственной власти. Обоснование данных принципов невозможно в рамках правовой логики и требует выхода за пределы права.

После распада СССР значительно ослабилось воздействие идеологического фактора на науку. В постсоветских государствах формируется новый политический курс и идеология. Идеологические взгляды в значительной мере начинают базироваться на оппозиционных марксизму западных ценностях. Соответствующая переориентация происходит и в фундаментальных основах науки. Попытка многих постсоветских ученых-гуманитариев перейти на западные немарксистские теоретико-методологические установки имела, как нам представляется, определенные отрицательные последствия. Во-первых, необоснованно отрицались некоторые верные идеи марксизма. Во-вторых, в качестве ориентира брались и такие концепции, в оценке научной значимости которых не были едины даже западные ученые. Отрицание марксистской теории лишило систему отечественного гуманитарного знания прочного основания, децентрализовало ее, сделало эклектичной и неспособной выполнять свои функции. Такое состояние науки стали считать чуть ли не ценностью и называть плюрализмом идей. Думается однако, что в отличие от западной науки, характеризующейся плюрализмом знания, когда признаются различные теории в силу их равной доказуемости, наша наука оказалась в принципиально ином положении. Его можно назвать плюрализмом незнания, при котором различные концепции существуют, ибо не отвергаются, а не отвергаются они потому, что потеряны каноны научности и доказательности.

Замена марксистских оснований нашей гуманитарной науки запад-

ными парадигмами не была и не могла быть осуществлена успешно. Дело в том, что советская наука представляла собой достаточно стройную единую систему. Попытка включить в нее чужеродные теоретико-методологические компоненты вызвала рассогласования в системе – новые основания были неадекватны огромному массиву знаний, выводимых логическим путем из прежних фундаментальных основ (марксизма). Заменить же указанный массив знаний положениями, которые соответствовали бы новым основаниям науки, невозможно не то что за пару лет, а даже за два десятилетия. Кроме того, требуется немало времени и для изучения отечественными учеными еще совсем недавно чуждых и близко не знакомых им зарубежных концепций.

В результате в постсоветской, в том числе белорусской, гуманитарной науке стало заметным явление, которое мы определяем как «парадигмальную декларативность». Заключается она в том, что, заявляя ту или иную западную концепцию теоретико-методологическим базисом конкретного исследования, авторы на самом деле не руководствуются ею, а используют прежние (в частности, марксистские) хорошо им знакомые подходы. Таким образом, помимо декларативной, то есть фактически не задействованной в логических связях парадигмы, в работах наблюдается и фактическая парадигма – теоретико-методологические идеи, реально определяющие логику исследования. Так что марксизм фактически выступает одной из ведущих основ сегодняшней постсоветской науки, включая и белорусскую.

В начале 90-х гг. XX века произошло снижение уровня теоретических разработок в области основ конституционного строя. Исследователи занимаются изучением прежде всего отдельных правовых принципов. В стороне остается системный аспект основ конституционного строя – их принадлежность к одному конституционно-правовому институту. Труды ученых чрезмерно привязываются к положениям законодательства, текучесть которого приводит к их устареванию. Существует потребность в исследованиях высокого уровня обобщенности, не теряющих своей актуальности и после реформы законодательства. Научные изыскания должны служить обнаружению объективных зако-

нов, а не сводиться к комментированию конкретных юридических норм. Мы убеждены, что лицо науки определяется главным образом степенью решенности наиболее общих вопросов по принципу «Больше теории – больше науки».

Конституционалисты зачастую слишком увлечены ценностными суждениями о значимости прав человека, демократии и т.п. Этому способствует суть конституции, призванной закреплять общесоциальные ценности. Однако не следует забывать, что ценности требуют своего обоснования. Кроме того, они не остаются неизменными. Конституционное право ведущих государств вступает на такую стадию, когда привычные принципы не могут приниматься без оговорок. Многие из тех ценностей, в которых еще совсем недавно на Западе усматривалась сущность конституционализма, неизбежно в скором времени уступят свое место новым установкам нового, постиндустриального общества.

Слабое внимание уделяется изучению самой науки. Во-первых, должным образом не востребуется богатое научное наследие советской науки государственного права. Вышедшая несколько лет назад монография О.Е. Кутафина «Предмет конституционного права», в которой рассматриваются советские и современные подходы к решению целого комплекса теоретических вопросов отрасли, дает основания заключить, что советская государственно-правовая наука в значительной степени сохраняет свою актуальность и сегодня. Во-вторых, для большинства работ по конституционному праву характерно отсутствие методологической рефлексии – правоведы зачастую неосознанно используют исследовательские приемы.

Определяя направление настоящего исследования, автор стремился по возможности продолжить позитивные традиции отечественной конституционно-правовой науки и избежать присущих современному ее этапу недостатков.

Место данной монографии среди других прошлых и современных исследований в области основ конституционного строя определяется некоторыми ее особенностями. Значительной частью объекта нашего исследования является сама наука. Лишь на базе четкого уяснения до-

стижений и просчетов предшественников возможно формирование творческой позиции по тому или иному научному вопросу. В работе предлагается не просто обзор литературы по теме, а предпринимается попытка ее научного анализа: определяются этапы научной мысли и классификации научных подходов, раскрывается суть теоретических построений ученых, дается критически-конструктивная оценка их идей. Значение данного анализа состоит не только в осмыслении ранее сформированных подходов к институтам основ общественного и конституционного строя, но и в возможности выхода на общие закономерности функционирования и развития отечественной конституционно-правовой мысли. Назрела потребность в комплексном изучении состояния постсоветской науки, соотношения ее с советским и зарубежным научным опытом, в определении ее методологических ориентиров и пути дальнейшей эволюции.

Акцент в работе делается на изучении не отдельных правовых норм, а основ конституционного строя как единого явления. В поле нашего зрения попадают наиболее глубокие и сложные вопросы: основы конституционного строя как институт, предмет данного института, его внутренние и внешние связи, соотношение с другими конституционно-правовыми институтами, содержание основ конституционного строя Республики Беларусь, отражение в них общественного строя. Обоснование единства института основ конституционного строя требует выделения из его состава большинства норм о гражданском обществе и включения их в самостоятельный институт конституционного права. Одним из ведущих направлений монографии является проследивание соотношения институтов основ конституционного строя и гражданского общества.

Наше исследование основ конституционного строя столкнулось с необходимостью рассмотрения самых важных вопросов теории конституционного права: предмета и системы отрасли, сущности конституции. Эти вопросы занимают большое место в монографии.

В процессе исследования применялись диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический, историче-

ский методы. Ориентация монографии на преимущественное раскрытие институциональных характеристик конституционно-правовых образований предопределила большую роль системного метода.

Методологическая сущность работы обусловлена нацеленностью на самые глубокие стороны изучаемых феноменов и связана с привлечением не только конституционно-правового, но также философского, социологического, теоретико-правового материала, постоянным использованием приемов обобщения и идеализации. В результате работа имеет ярко выраженный теоретический характер не только по предмету, но и методологическим признакам.

ГЛАВА 1

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

1.1. Советская наука государственного права об основах общественного строя

В первых советских конституциях нормы об основах общественного строя не выделялись в отдельные главы. В литературе правильно отмечалось, что одним из важных факторов, влияющих на научную разработку основ общественного строя, является закрепление их в конституционном законодательстве [120, с. 35]. П.И. Стучка, Г.С. Гурвич, А.Г. Гойхбарг, Е.А. Энгель и другие представители начального этапа в развитии советской юриспруденции в своих работах, посвященных анализу конституции и государственного права, не давали понятия общественного строя. Соответствующие социально-экономические и политические отношения рассматривались ими вне государственно-правовой формы [121, с. 9].

Появление государственно-правового понятия основ общественного строя связано с принятием Конституции СССР 1936 г. и конституций союзных республик [48; 44; 55, с. 5–6]. Разработка данного понятия, обозначаемого по аналогии с названием первой главы Конституции термином «общественное устройство», велась, как отмечал В.А. Ржевский, прежде всего в учебной литературе. «Так, почти во всех учебниках и учебных пособиях по советскому государственному праву вопросы общественного строя (устройства) рассматривались в отдельных разделах или главах. Однако даваемая в них характеристика основ общественного устройства преследовала главным образом учебные цели и не могла заменить их всесторонней научной разработки» [120, с. 39]. Первыми исследователями государственно-правовых норм об основах общественного строя были А.И. Денисов, А.Х. Махненко, Я.Н. Уманский, А.И. Ким. Особенностью их идей, помимо учебной

формы изложения, была чрезмерная привязка к тексту Конституции, на что правильно обратил внимание О.Е. Кутафин [55, с. 6]. Причиной тому, по всей видимости, был недостаточный уровень развития советской теории государственного права в 30-х–50-х гг.

Показательны слова И.М. Степанова, который даже в 1984 г., анализируя степень изученности основ общественного строя, писал, что советская наука располагает по данному вопросу небольшой библиографической базой, выраженной главным образом в учебниках и курсах лекций [134, с. 15–16].

В советской науке имелось лишь три монографии, специально посвященных основам общественного строя. Это работы В.А. Ржевского «Общественно-политический строй СССР как воплощение суверенитета советского народа» (1974 г.), «Общественный строй развитого социализма» (1983 г.) и О.Е. Кутафина – «Конституционные основы общественного строя и политики СССР» (1985 г.). Анализ данных трудов будет предложен ниже, а пока отметим, что единственным из советских государствоведов, главной темой научных изысканий которого выступали основы общественного строя, был В.А. Ржевский. Две указанные его монографии явились, по нашему мнению, наиболее глубокими теоретическими разработками рассматриваемой проблемы в советской науке государственного права. На заслуги В.А. Ржевского в этой области указывали И.Е. Фарбер и И.М. Степанов [139, с. 8; 134, с. 21–22]. О.Е. Кутафин не ставил, вероятно, задачи решать общие проблемы института основ общественного строя, посвятив свою работу рассмотрению преимущественно отдельных элементов: политической и экономической систем, социальных отношений, основ государственной политики.

Ни один институт советского государственного права не имел такого идеологического значения, как основы устройства общества. Это выражалось не только в чрезмерно распространенных суждениях ученых-государствоведов о «преимуществах» социалистического строя, но и в обилии литературы популярного жанра, имевшей чисто идеологические и воспитательные цели. Иллюстрацией могут служить книги В.А. Карпинского «Основы общественного и государственного строя

Советского Союза», «Общественное и государственное устройство СССР», «Как управляется наша страна». Эти работы, подобно сборнику материалов для комсомольских политкружков «Беседы об общественном и государственном устройстве СССР», издавались и переиздавались на протяжении 40-х–50-х гг. во всех крупных городах СССР, в том числе и в Беларуси. Такую же направленность имели многие работы А.И. Денисова, например, «Конституционные основы общественного устройства СССР», «Общественное устройство СССР». Политическому просвещению служила и брошюра Г.В. Барабашева «Общественно-политический строй социализма».

Основы общественного строя как совокупность правовых норм принадлежат к числу базовых понятий государственно-правовой науки. Однако данное понятие не является самым общим и глубоким в этой науке. Та или иная трактовка основ общественного строя всегда самым непосредственным образом зависела от решения более общих вопросов государственного права. Среди таких вопросов – предмет отрасли и сущность конституции. Что касается предмета государственного права, то спорным было включение в него социально-экономических и духовно-культурных отношений, которые как раз и составляют большую часть сферы регулирования основ общественного строя. Определенная позиция исследователя в вопросе о предмете государственного права обуславливала признание или отрицание института основ общественного строя.

Тесная связь исследований советскими учеными основ общественного строя и предмета государственного права требует дать краткую характеристику последнего вопроса. Проблема включения социально-экономических и других неполитических отношений в предмет регулирования государственно-правовых норм об основах общественного строя и государственного права в целом составляла, как представляется, одно из главных направлений изучения основ общественного строя в советской государственно-правовой науке.

Считаем возможным свести все идеи, высказанные в советской науке государственного права по поводу предмета изучаемой ею отрасли, к трем подходам.

Первого подхода, который в литературе часто называли «широким», придерживались М.П. Карева, М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе, Г.С. Гурвич, С.М. Равин, В.М. Чхиквадзе, Ц.А. Ямпольская, В.А. Рянжин, В.А. Ржевский. Самым видным представителем данного направления был В.Ф. Коток. Именно его работой «О предмете советского государственного права» (1959 г.) было положено начало острой и длительной дискуссии советских ученых по поводу характера отношений, регулируемых государственным правом. обстоятельный разбор данной дискуссии не входит в задачу настоящего исследования. Отметим лишь, что она явилась, по нашему мнению, одной из самых ярких страниц в истории советской науки государственного права, продемонстрировав ее силу и раскрыв творческий потенциал лучших советских государствоведов.

Предмет государственного права, по В.Ф. Котоку, включает отношения, составляющие основы каждой из регулируемых правом сфер общества: политики, экономики, культуры, социальных связей. Следовательно, отношения, определяемые государственным правом, не имеют сферной специфики – не охватываются полностью ни одной общественной сферой [50, с. 58]. Специфика государственного права заключается в регулировании отношений на уровне основ, и при этом сферная принадлежность данных отношений не имеет значения. Все иные отрасли права опосредуют те же отношения, что и государственно-правовая отрасль, но на менее существенном уровне. К государственному праву относятся все нормы Конституции, в том числе положения о социально-экономических отношениях.

Концепция В.Ф. Котока, как представляется, не лишена смысла. Вместе с тем она столкнулась со следующим положением теории государства и права: каждая правовая отрасль имеет специфический предмет, куда входят отношения определенной сферы общества (определенного содержания, качества). Самое значительное противоречие в позиции В.Ф. Котока, на наш взгляд, заключалось во включении в предмет государственного права основ всех главных общественных отношений при сохранении акцента на государственно-властных отноше-

ях. Это выразилось в объединении всех сторон предмета ведущей отрасли права понятием «суверенитет народа (наций)» [49, с. 62]. Подобным решением В.Ф. Коток нарушал свой тезис о регулировании государственным правом основ отношений независимо от сферы их функционирования.

Взгляды В.Ф. Котока на предмет государственного права позволяют уяснить отношение этого ученого к институту основ общественного строя. Данный институт как нормы о самых глубоких аспектах политических и социально-экономических отношений полностью включался В.Ф. Котоком в государственное право и признавался ведущим государственно-правовым институтом. В.Ф. Коток противостоял сторонникам узкого подхода к предмету государственного права, которые, исключая из этого предмета социально-экономические отношения, не признавали тем самым основы общественного строя в качестве государственно-правовой категории. «У науки советского конституционного права нет оснований для отказа от правовой характеристики общественного строя и ограничения лишь анализом отношений государственного властвования», – подчеркивал В.Ф. Коток [51, с. 111].

Узкий подход к предмету государственного права имел небольшое число сторонников. Наиболее обоснованное и радикальное его воплощение связано с именем А.И. Лепешкина. Идеи этого ученого разделял В.О. Тененбаум [135, с. 49–58]. Частично с А.И. Лепешкиным соглашались Б.В. Щетинин и Л.А. Григорян [150, с. 145; 54, с. 112–113].

А.И. Лепешкин решительно возражал против включения В.Ф. Котоком и другими учеными социально-экономических отношений в предмет государственного права. Он призвал на помощь тезис теории государства и права о том, что предмет регулирования отрасли – это определенные общественные отношения, качественно отличающиеся от других видов общественных отношений. Исходя из этого, исследователь делал вывод: «Советское государственное право призвано... регулировать ту область общественных отношений, которая связана с укреплением политической основы государства, организацией и деятельностью органов государственной власти в центре и на местах, вза-

имоотношениями этих органов с гражданами в связи с реализацией последними своих прав и обязанностей» [61, с. 18]. Причем к правам и обязанностям граждан здесь относятся только политические права и обязанности [61, с. 21–22, 481].

Концепция А.И. Лепешкина породила что-то вроде скандала в советском государствоведении. Она требовала отказа от казавшегося очевидным суждения о том, что все нормы Конституции входят в отрасль государственного права. А.И. Лепешкиным было предложено исключить из этой отрасли положения Основного Закона СССР 1936 г. о социально-экономических и управленческих отношениях.

Подход А.И. Лепешкина ясен и, мы полагаем, вполне логичен. Он основан на положении тогдашней теории государства и права о предмете отрасли: отрасль права выделяется по сфере (содержанию, качеству) общественных отношений, а не степени их общности или существенности. Однако, исходя из концепции А.И. Лепешкина сложно четко отграничить государственное право от иных публичных отраслей, также регулирующих политические отношения. Кроме того, в данной концепции упускались из виду реально существующие связи политических отношений с социально-экономическими.

Узкий подход к предмету государственного права позволяет легко предугадать отношение его сторонников к институту основ общественного строя. Данный институт отрицался. Точнее, отрицались его нормы об экономических, социальных и прочих неполитических отношениях. Лишь нормы, регулирующие политические связи, относились к государственному праву. Такие нормы объединялись А.И. Лепешкиным в государственно-правовой институт «суверенитет народа» [61, с. 73–74]. По сути это основы политического строя. Из содержавшей 12 статей главы 1 «Общественное устройство» Конституции СССР 1936 г. А.И. Лепешкин относил к государственному праву, в частности, к институту суверенитета народа, три первых статьи. Они закрепляли, соответственно, социалистический характер государства, роль Советов как политической основы СССР и принадлежность власти трудящимся.

В «Курсе советского государственного права» А.И. Лепешкин ино-

гда употреблял термин «общественный строй». Таким образом, ученый не отрицал реальности такого явления, понимая его как систему отношений, закрепленных главой 1 Конституции. Согласно мнению А.И. Лепешкина, «общественный строй» («основы общественного строя», по используемой нами терминологии) охватывается Конституцией, но не государственным правом [61, с. 133].

Для нашего исследования представляет большой интерес позиция А.И. Лепешкина относительно отраслевой принадлежности тех норм главы 1 Основного Закона СССР, которые не включались им в состав государственного права. Речь идет о нормах, посвященных государственной, кооперативно-колхозной и личной формам собственности, социалистической и частной системам хозяйства, планированию хозяйственной жизни, обязанности граждан трудиться и принципу распределения благ по труду. А.И. Лепешкин высказал мысль о всеобщем правовом значении данных норм, то есть о том, что они принадлежат не какой-либо одной отрасли права, а «являются исходными для всех отраслей... права» [61, с. 19]. Эта интересная идея не получила у ее автора своего развития. Думается, что А.И. Лепешкин все же затруднялся в определении роли указанных норм в системе права. Он допускал суждения, запутывающие его позицию. Становилось не ясным, имеют положения Конституции о социально-экономических отношениях надотраслевой характер или же входят в состав определенных отраслей права [61, с. 20]. Сомнений не вызывает лишь невключение А.И. Лепешкиным данных положений в отрасль государственного права.

Развитие идей об основах общественного строя осуществлялось и благодаря работам тех советских ученых, которые предложили третий, альтернативный подход к предмету государственного права. Этому подхода придерживались Я.Н. Уманский, М.Г. Кириченко, И.Е. Фарбер, Ю.П. Еременко, Ю.И. Скуратов и другие. Лидером данного направления следует назвать, пожалуй, С.С. Кравчука.

Подобно сторонникам узкой трактовки предмета государственного права, представители данного подхода исходили из общетеоретического положения о регулировании каждой отраслью права общественных

отношений определенной сферы (содержания, качества), а не какого-либо уровня отношений независимо от сферы общества. В отличие от авторов узкого подхода они отстаивали принадлежность всех норм Конституции, в том числе о социально-экономических и других неполитических отношениях, к отрасли государственного права. Общетеоретическая позиция представителей данного подхода требовала от них обосновать качественное единство политических, экономических, социальных, духовно-культурных и иных отношений, которые включались ими в предмет государственного права. Необходимо было отыскать не логическую связь отношений по типу общее – особенное, сущность – явление, как это делалось в наиболее радикальных вариантах широкого подхода [128, с. 10], а причинно-функциональную связь, то есть реальное взаимодействие.

Единство отношений, регулируемых государственным правом, С.С. Кравчук усматривал в том, что они имеют политическую значимость. Неполитические связи опосредуются государственным правом лишь постольку, поскольку они связаны с политикой [52, с. 99–105].

С.С. Кравчук не сомневался в государственно-правовой природе основ общественного строя. Еще в 1956 г. по поводу термина «общественное устройство», в смысле главы 1 действовавшего тогда Основного Закона СССР, С.С. Кравчук писал, что «этот термин прочно вошел в науку государственного права», против чего ученый не выдвигал никаких возражений [52, с. 96–97].

Мы полагаем, что С.С. Кравчуку не удалось доказать специфику государственного права, исходя из его предмета. По сути дела, критерием выделения этой отрасли служит у С.С. Кравчука целевая направленность государственно-правовых норм, в частности, обеспечение необходимых условий для функционирования государственной власти [108, с. 36]. Сам ученый, видимо, не осознавал того, что руководствовался иным критерием структурирования права на отрасли, нежели предмет регулирования. Но даже критерий целевой, а именно политической, направленности отрасли государственного права, представляется спорным. У С.С. Кравчука получалось, что, например, права лица в

области культуры служат прежде всего его участию в политике, а не культурной деятельности.

Считаем возможным заключить, что дискуссия советских ученых привела к построению следующих теоретических моделей отрасли государственного права: «основополагающего государственного права», регулирующего основы всех общественных отношений: публичных, частных, политических, экономических и т.д.; «сферного государственного права», имеющего своим предметом лишь одну сферу отношений – политику; «целевого государственного права», направленного на обеспечение условий для формирования и осуществления государственной власти и регулирующее именно с этой целью отношения в разных публичных сферах общества.

Широко известная в советской науке концепция «конституционных отношений» И.Е. Фарбера представляла собой тот же третий подход к предмету государственного права. Данная концепция была изложена в одной из самых сильных, по нашему мнению, теоретических работ в советской государственно-правовой науке – «Вопросы теории советского конституционного права» (1967 г.), – написанной И.Е. Фарбером в соавторстве с В.А. Ржевским. Все разнообразие отношений, входящих в предмет государственного права, было обозначено И.Е. Фарбером одним термином – «конституционные отношения». Ученый писал: «Конституционные отношения – это фактические отношения между классами, нациями, народом и государством по поводу власти, суверенитета и свободы личности. Такие фактические конституционные отношения и служат специфическим предметом регулирования для государственного права» [140, с. 5].

Насколько нам удалось установить, И.Е. Фарбер первым в советской науке государственного права употребил термин «конституционный строй» [106, с. 185]. «В своей совокупности, – отмечал ученый, – они (конституционные отношения – И.П.) образуют конституционный строй как основу общественно-политического или государственного строя» [140, с. 25]. Конституционный строй представляет собой общественные отношения, складывающиеся на определенном этапе развития социума. Такой этап связан с формированием капитализма и принятием

первых конституций [140, с. 25–26].

Можно сделать вывод, что конституционный строй, по И.Е. Фарберу, – это не какой-то институт в государственном праве, а предмет данной отрасли в целом. Указанный термин не имеет в концепции И.Е. Фарбера самостоятельного значения, поскольку тождествен по своему смыслу преимущественно использовавшемуся исследователем термину «конституционные отношения». Словосочетание «конституционный строй» И.Е. Фарбер, надо полагать, заимствовал у В.И. Ленина, о чем мы скажем ниже.

Термин «конституционный строй» широко использовал Ю.П. Еременко в работе «Государственное право социалистических стран» (1976 г.). В этом усматривается влияние идей И.Е. Фарбера, который редактировал указанное издание. «Конституционный строй» у Ю.П. Еременко имел те же признаки, что и понятие конституционных отношений И.Е. Фарбера. Однако Ю.П. Еременко предпочитал термин «конституционный строй». Достоинство его работы видится нам в четком указании на те сферы общества, в которых складывается конституционный строй. По Ю.П. Еременко, «конституционный строй» – составная часть общественного строя» [30, с. 44]. «Будучи по своей природе явлением политическим, – продолжает ученый, – конституционный строй не ограничивается политическими отношениями. Сюда входят также экономические, идеологические, культурные отношения» [30, с. 50]. Степень регулирования последних определяется их политической значимостью [30, с. 52]. Все отношения, составляющие конституционный строй, и являются предметом государственного права [30, с. 54].

И.Е. Фарбер, Ю.П. Еременко, а также другие советские ученые, изредка упоминая о «конституционном строе», указывали на его необходимые признаки. «Одной из особенностей конституционного строя, – писал И.Е. Фарбер, – является достаточное развитие правового регулирования форм и способов осуществления власти в государстве, что объясняется ростом государственного аппарата, значительным увеличением населения под властью одного государства, сложностью конституционных отношений. Круг лиц, обладающих властью, расширяет-

ся, и на практике возникают вопросы, требующие юридически обоснованного разрешения, а не просто решения по произволу того или иного лица, обладающего достаточной фактической властью» [140, с. 27–28]. Советские ученые не считали конституционный строй достоянием лишь буржуазных стран. Любое государство, в котором принята конституция, имеет и конституционный строй. Однако содержание его различно в зависимости от типа государства. В буржуазных государствах он базируется на частной собственности, политической свободе и неприкосновенности личности, разделении государственных властей [30, с. 42]. Социалистический конституционный строй предполагает общественную собственность, государственное планирование экономических процессов, единство государственной власти, руководящую роль коммунистической партии [133, с. 24].

Подчеркнем, что понятие конституционного строя не связывалось советскими учеными с институтом основ общественного строя.

Широко известно ленинское определение сущности конституции, которое можно было найти в любом советском учебнике по государственному праву. Заметим, что в данном определении понятие «конституция» отождествляется с «конституционным строем». В своей работе В.И. Ленин процитировал следующее положение эсеровской газеты «Знамя труда» по поводу решения партии эсеров не участвовать в деятельности реакционной III Государственной думы (1907 г.): «Пусть целый ряд партий, вплоть до кадетов, трудовиков и социал-демократов, поддерживает своим участием в картонной опереточной Думе фикцию конституционного строя» [60, с. 334]. Далее В.И. Ленин подвергает эсеровское представление о конституционном строе сокрушительной критике: «Верно ли, что III Дума есть «фикция конституционного строя»? Нет, это неверно. В руководящем органе говорить такие вещи могут только люди, не знающие азбуки, преподанной почти полвека тому назад Лассалем. В чем сущность конституции...? ... Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в клас-

совой борьбе» [60, с. 345].

Таким образом, в начале XX века в России соперничали два понятия конституционного строя, или конституции, что в смысле приведенных цитат одно и то же. Первое понятие, которого придерживались в том числе эсеры, связывалось с представительным правлением, недопущением абсолютизма государства, юридическим равенством индивидов. Другое понятие было разработано Ф. Лассалем, взгляды которого и отразил В.И. Ленин. Конституционный строй при этом понимался как любое устройство государства, закрепленное в конституции.

Ленинское определение сущности конституционного строя (конституции) представляется нам далеко не безупречным. Дело даже не в том, что вряд ли правильно сводить основной закон к отражению воли только классов, отрицая политическую силу иных социальных групп [41, с. 48]. Высказывание В.И. Ленина не объясняет специфику конституции, являясь скорее указанием на сущность всего права. Разве не выражали соотношения классовых сил нормы, регулировавшие, например, порядок функционирования публичных институтов в Древнем Риме, акты о феодальных вольностях, а также любые другие источники права? Классовая борьба стала реальным фактом жизни общества уже с разложением первобытнообщинного строя, хотя конституции стали приниматься лишь в эпоху капитализма.

Некоторые суждения В.И. Ленина дают основание предположить, что он употреблял термин «конституционный строй» и в либеральном (первом) значении. В его работе «Против бойкота» (1907 г.) читаем: «Да, наша буржуазная революция, в целом, как и всякая буржуазная революция, есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это истина. Это – полезная истина для разоблачения quasi-социалистических аллюров той или иной буржуазно-демократической программы, теории, тактики и т.п.» [59, с. 14]. Конституционный строй здесь, по всей видимости, – это юридическое равенство всех людей и политическая свобода. В.И. Ленин был убежден, что этих ценностей недостаточно для создания совершенного общества. Уничтожение эксплуатации человеческого труда, гармония в отноше-

ниях людей друг с другом и обществом достижимы только при обеспечении фактического равенства и экономической свободы путем ликвидации частной собственности. Буржуазная революция не в состоянии решить эту задачу, ибо ограничивается установлением гарантий политико-юридического характера, то есть конституционного строя. Замену частной собственности на общественную и соответствующее преобразование всей экономической сферы может осуществить лишь социалистическая революция, – считал В.И. Ленин. Последняя, следовательно, есть нечто большее, чем формирование конституционного строя. Как же называлось в марксистско-ленинской литературе то, что создается социалистической революцией? Соответствующим термином, надо полагать, явился «общественный строй». Общественный строй в таком понимании – это конституционный строй (политические отношения) плюс экономические отношения, обеспечивающие не свободу частной деятельности, а безраздельное господство публичных интересов.

Иногда общественный строй сводился лишь к экономическим (и другим неполитическим) отношениям. Основанием для этого служили некоторые высказывания К. Маркса, в которых он не включал в общественный строй политические отношения [65, с. 402]. Отсюда становится понятным, почему некоторые советские авторы давали двойное наименование государственно-правовым нормам об основах общественного строя – «общественно-политический строй». Заметим, что единый термин «общественный и конституционный строй» не использовался для обозначения указанной группы правовых норм. Такое наименование не лишено смысла, если общественный строй понимать как отраженные в конституции экономические (и другие неполитические) отношения, а конституционный строй – политические отношения. Однако поскольку экономические и политические отношения в равной мере закрепляются конституцией, то нерезонно называть конституционным (то есть установленным конституцией) строем только регулирование политических отношений.

Большинство советских государствоведов использовали термин «общественный строй», в который включали и социально-

экономические, и политические отношения.

Основной вывод, который мы делаем, заключается в следующем. Противопоставление конституционного и общественного строя имеет давнюю историю в государственно-правовой мысли. Конституционный строй при этом трактуется как гарантированная конституцией политическая свобода, невмешательство государства в социально-экономическую сферу. Общественный строй предполагает санкционированный конституционными нормами полный государственный контроль над экономическими, социальными и политическими отношениями.

К 80-м гг. дискуссия о предмете государственного права во многом исчерпала себя. Победу одержал третий подход, разработанный прежде всего С.С. Кравчуком. При исследовании норм об основах общественного строя вопрос насчет единства регулируемых ими политических и социально-экономических отношений считался решенным положительно. Однако это не означало автоматического признания их принадлежности к предмету одного института государственного права. Опосредование нормами об основах общественного строя отношений в самых разных сферах социума породило вопрос: следует ли распределять данные нормы по нескольким государственно-правовым институтам (выделив, скажем, институт основ политических отношений, институт основ экономических отношений и т.д.) или речь должна идти о едином институте (подотрасли) государственного права [134, с. 18]? В результате сформировались две противоположные позиции.

В.А. Ржевский отрицал у основ общественного строя качество единого института государственного права. Причиной тому служила, по всей видимости, несводимость соответствующих отношений к какой-либо одной сфере общества. В.А. Ржевский писал об основах общественного строя как о совокупности важнейших государственно-правовых институтов [120, с. 71]. Такими институтами ученому представлялись основы государства (Советы – политическая основа СССР, социалистическая собственность – экономическая основа СССР и т.д.), устои народовластия (принадлежность народу собственности, сувере-

нитета и власти), основные принципы внутренней и внешней политики государства и другие институты [120, с. 70–71].

Логика рассуждений В.А. Ржевского может породить сомнение: стоит ли вводить в научный оборот единое понятие основ общественного строя, если оно не отражает адекватной общности государственно-правовых норм? На данный вопрос пытался ответить сам исследователь, когда отмечал, что группировка подобных норм возможна не в рамках института, а «в рамках соответствующего нормативно-правового массива, обеспечивающего соединение разнородных социальных связей в единство особого рода – функциональное единство взаимодействия различных отношений (например, организационно-управленческих и экономических)...» [120, с. 65].

Таким образом, основы общественного строя, по В.А. Ржевскому, – это не институт, а государственно-правовой массив. В отличие от института, он может регулировать разнородные (разносферные) отношения.

Главной характеристикой государственно-правового массива основ общественного строя у В.А. Ржевского выступает предмет регулирования («объект», «сфера»). Ученый стремился доказать специфику предмета данного массива или, другими словами, – отличие предмета всей совокупности государственно-правовых институтов основ общественного строя от иных институтов государственного права. В.А. Ржевский отмечал, что «наиболее существенные, важные и социально значимые отношения закрепляются Конституцией, приобретая специфические черты объекта конституционного регулирования – основы общественного строя» [120, с. 68]. Следовательно, правовой массив основ общественного строя регулирует самые существенные отношения в обществе.

Далее В.А. Ржевский поясняет, что те отношения, которые определяют сущность общества и составляют поэтому предмет правового массива основ общественного строя, существуют не во всех сферах социума. Они функционируют только в экономике, социальной сфере, политике и культуре. Например, отношения по поводу личных, семейных благ хотя и входят в предмет государственного права, но не оказывают значительного влияния на сущность общества, поэтому и не регулируются

ются основами общественного строя [120, с. 55]. Придерживаясь марксистской теории, В.А. Ржевский считал ведущим элементом предмета основ общественного строя отношения в сфере экономики. В закреплении экономических, а также непосредственно определяемых ими социальных отношений усматривалась главная особенность правового массива основ общественного строя. Государству как части политической сферы отводилась менее значимая роль в предмете данного массива.

Нормы об основах общественного строя, по В.А. Ржевскому, регулируют экономические, социальные, политические, культурные отношения не во всем их объеме, входящем в предмет права, а лишь на самом существенном уровне. Менее значимые из этих отношений опосредуются государственно-правовыми институтами, чьи нормы не включаются в массив основ общественного строя, а также иными отраслями права. Существенный уровень указанных отношений В.А. Ржевский связывал, вероятно, с деятельностью крупных социальных субъектов, а не индивидов. Сказанное объясняет невключение им в массив основ общественного строя конституционных норм о статусе личности. Данный массив – это нормы о государстве, народе, классах, социальных группах, КПСС, общественных объединениях, трудовых коллективах, хозяйственных организациях. Но главным в содержании основ общественного строя была не деятельность этих субъектов и не сами данные субъекты, а безличные социальные связи, составляющие основы структуры (организации) общества как масштабного образования.

Оценивая концепцию В.А. Ржевского, можно сделать вывод о ее глубокой обоснованности, не имевшей, думается, аналогов среди работ советских государствоведов, писавших об основах общественного строя. Восприятие этой концепции, однако, затруднено сложной формой ее изложения. Данное обстоятельство иногда приводило к недоразумениям в понимании идей В.А. Ржевского другими учеными. К примеру, видный советский государствовед И.М. Степанов по поводу монографии В.А. Ржевского «Общественный строй развитого социализма» писал: «Не совсем, однако, ясным остается одно: признаются ли здесь основы общественного строя... целостным конституционно-

правовым институтом». И далее И.М. Степанов допускает неверное предположение: «Хотелось бы думать, что признаются, ибо вся выстроенная в монографии система аргументов и доказательств ведет именно к этому» [134, с. 22].

Мысль В.А. Ржевского относительно отсутствия у основ общественного строя единой институциональной природы заслуживает определенного внимания. В то же время не все положения его концепции представляются нам безупречными. Во-первых, он не указал четко на те институты государственного права, в которые входят нормы правового массива основ общественного строя. Ясна лишь их несводимость в концепции В.А. Ржевского к традиционным институтам правового статуса личности, территориальной организации государства, государственных органов. Во-вторых, уязвимо суждение ученого об отсутствии у основ общественного строя качества единого института только по причине регулирования отношений в разных сферах общества. Нормы о правовом статусе личности также регулируют отношения во многих общественных сферах: политические права существуют в сфере политики, экономические – в сфере экономики, культурные – в сфере культуры и т.д. Однако это не мешало В.А. Ржевскому признавать данные нормы единым государственно-правовым институтом. В-третьих, автор допускал противоречивые суждения насчет соотношения массива основ общественного строя со всеми иными нормами государственного права. В целом концепция В.А. Ржевского позволяет предположить, что названный массив регулирует основы не всех отношений, входящих в предмет государственного права, а лишь некоторых, а именно главных из них. Так, отношения в сфере территориальной организации государства, статуса личности даже на уровне своей сущности, самых общих черт не включались В.А. Ржевским в основы общественного строя, так как не относились им к числу главных общественных отношений [120, с. 64]. Отсюда логично предположить, что правовой массив основ общественного строя не соотносится с остальными государственно-правовыми институтами как общее с особенным. Но вопреки этой логике исследователь отмечает, что основы общественного строя – это общие принципы, которые находят свое

проявление в конкретных государственно-правовых институтах. Наконец, в-четвертых, В.А. Ржевский не уделил должного внимания обоснованию необходимости выделения в системе государственного права наряду с институтами особого неинституционального образования – основ общественного строя.

Позиция В.А. Ржевского насчет основ общественного строя как правового массива не получила поддержки в науке. Большинство советских государствоведов не сомневались в том, что речь должна идти о едином институте. Особо подчеркивали это Я.Н. Уманский, С.С. Кравчук, И.М. Степанов, В.О. Лучин, О.Е. Кутафин. Последний писал: «Основы общественного строя составляют круг однородных и взаимосвязанных общественных отношений. Совокупность правовых норм, регулирующих эти отношения, образуют правовой институт «основы общественного строя...» [55, с. 33]. Следовательно, экономические, политические и прочие отношения, взятые на уровне их основ, – это отношения одного рода. В чем заключается их однородность, О.Е. Кутафин не говорил, хотя это можно было бы сделать, учитывая, что В.А. Ржевский те же отношения, наоборот, считал «разнородными социальными связями».

Помимо вопроса о (не)признании основ общественного строя единым институтом, мнения В.А. Ржевского и большинства других советских авторов по иным аспектам этой совокупности норм совпадали.

Следующим вопросом, который изучался в советской науке применительно к основам общественного строя, была система данного государственно-правового института. Первый этап исследования основ общественного строя имел своим результатом, вероятно, раскрытие именно системного аспекта. Это выразалось в том, что советские государствоведы определяли основы общественного строя преимущественно через их элементы. По всей видимости, элементная трактовка основ общественного строя была обусловлена недостаточно высоким уровнем государственно-правовой теории в то время. Системный (в том числе элементный) подход, безусловно, содействовал познанию основ общественного строя. Однако он не мог привести к раскрытию сущности

данного явления, поскольку сущность относится к более глубоким уровням реальности, нежели те, которые в состоянии отразить системная методология.

Для советских ученых критерием выделения элементов служила главным образом та сфера общества, в которой складывались отношения, регулируемые определенной группой норм института основ общественного строя. Соответственно этому, система основ общественного строя трактовалась как совокупность следующих элементов (субинститутов): политической системы, экономической системы, социальной структуры, духовно-культурных отношений.

С.С. Кравчук предлагал включить в институт основ общественного строя основы положения гражданина в обществе и государстве [22, с. 76–78]. Эта идея в принципе нашла поддержку и у А.Х. Махненко [55, с. 6]. Оба автора не включали весь институт государственно-правового статуса личности в основы общественного строя. Речь шла лишь о двух-трех нормах главы 1 Основного Закона СССР 1936 г., закреплявших в качестве элементов «общественного устройства» право личной собственности граждан и их обязанность трудиться.

Полагаем, что взгляды С.С. Кравчука и А.Х. Махненко входили в значительное противоречие с позицией остальных советских исследователей относительно понятия основ общественного строя. Согласно господствовавшему мнению, которого придерживался и В.А. Ржевский, нормы об основах общественного строя закрепляют структуру (организацию) общества в целом, а не личности и обладают верховенством в государственном праве по причине приоритета общественного интереса перед индивидуальным.

Предложение С.С. Кравчука и А.Х. Махненко осталось без внимания в советской науке.

Раздел I Конституции СССР 1977 г. назывался «Основы общественного строя и политики СССР» [47]. Политика здесь понималась в узком смысле слова – как деятельность государства по управлению общественными процессами. В этом плане О.Е. Кутафин заметил, что в Конституции СССР говорится «об основах политики СССР как поня-

тии, отличном от основ общественного строя» [55, с. 211]. С момента принятия Основного Закона СССР 1977 г. исследуемый нами институт и в науке стал обозначаться «основами общественного строя и политики государства».

Специально хотелось бы остановиться на месте государства в системе основ общественного строя, согласно советской государственно-правовой науке. Разногласий здесь не было. Государство, во-первых, включалось в основы общественного строя; во-вторых, оно не рассматривалось в качестве самостоятельного элемента, ему отводилась роль части политической системы общества. Такие взгляды советских авторов базировались на марксистской теории, в соответствии с которой государство есть не более, чем выражение общественных, прежде всего экономических, отношений. В результате государство считалось теснейшим образом связанным с обществом, однородным с ним образованием [121, с. 22–23]. Укоренению подобного воззрения на соотношение общества и государства способствовала и практика огосударствления общественной жизни в СССР. Невозможно было представить социалистическую экономику, социальные, духовно-культурные отношения, не говоря уже о политике, без участия государства.

Государство характеризовалось советскими учеными прежде всего с помощью трех понятий: исторического типа государства, сущности и формы государства. Два первых, главных понятия как раз и отражали связи государства с обществом, то есть его внешние, общественные (социальные) черты. Понятие исторического типа государства было наиболее общим, философско-социологическим к нему подходом. Оно указывало на принадлежность государства к той или иной общественно-экономической формации путем определения его связи с экономическими отношениями. Социальная сущность государства – это его связь с социальной сферой, в частности, с экономически господствующим классом как элементом социальной структуры. Форму государства, по мнению советских авторов, образуют его внутренние черты, которые выражаются в отношениях внутри государственного механизма и не выходят в общественную среду. Форма государства в отличие

от его исторического типа и сущности непосредственно не определяется общественными (негосударственными) отношениями, сохраняет относительную самостоятельность как собственно государственное явление [120, с. 58]. К форме государства относили виды государственных органов, их взаимоотношения (ведущую роль Советов и т.п.).

Важно отметить, что в институт (массив) основ общественного строя включались нормы, опосредующие внешнегосударственные и внутригосударственные отношения (на уровне их главных черт).

Итак, знания, которые в итоге накопила наука государственного права советского периода, сводились в области основ общественного строя к следующим главным положениям:

нормы об основах общественного строя являются государственно-правовыми, так как все регулируемые ими отношения входят в предмет государственного права;

основы общественного строя – ведущая структурная часть государственного права, представленная положениями, закрепляющими не статус личности, а структуру всего общества и его сфер;

основы общественного строя, по мнению абсолютного большинства ученых, – единый государственно-правовой институт. Этому взгляду противостояла концепция В.А. Ржевского об основах общественного строя как совокупности государственно-правовых институтов;

система основ общественного строя – политическая система, экономическая система, социальная структура, духовно-культурные отношения, государственная политика;

государство в плане наиболее существенных сторон своей организации является частью политической системы основ общественного строя;

конституционный строй – понятие, не имеющее самостоятельного значения, и потому почти не используемое. В рассуждениях советских ученых не было непосредственной связи между понятиями конституционного строя и института основ общественного строя.

Некритическим был подход ученых к нормам советских конститу-

ций – предложений по их совершенствованию не выдвигалось.

1.2. Основы конституционного строя в современной белорусской и российской конституционно-правовой науке

Новый этап в исследовании основ общественного строя начинается с принципиальными изменениями конституционно-правового регулирования после распада СССР. В Беларуси и других постсоветских государствах были приняты конституции, отказавшиеся от прежних подходов к закреплению устоев общества. Ни один из принятых в 90-е гг. основных законов не сохранил термина «основы общественного строя». Первые разделы белорусской, российской и ряда иных конституций стали называться «Основами конституционного строя». Содержание этих разделов в корне изменилось. В науке стал преимущественно употребляться термин «основы конституционного строя», но некоторые ученые используют прежнее обозначение – «основы общественного строя».

В Беларуси нет специальной научной литературы по основам конституционного строя. Что касается учебных изданий, в которых затрагивается данная тематика, то некоторые из них характеризуются фактологическим изложением конституционного материала без его теоретического анализа; другие же ориентируются в трактовке основ конституционного строя на взгляды российских авторов. Раскрытию содержания раздела I Основного Закона Республики Беларусь служат труды Г.А. Василевича «Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства (комментарий к статьям Конституции Республики Беларусь)» и «Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий)». Однако автор указанных работ не преследовал цели исследовать общетеоретические вопросы конституционного строя и его основ. Довольно популярной темой изучения белорусских ученых является закрепленный в Конституции правовой, демократический и социальный характер Республики Беларусь. Соответствующие нормы содержатся в разделе I Конституции. Такой проблематике

посвящают свои труды А.А. Головки, С.Г. Дробязко, А.Г. Тиковенко, В.Г. Тихиня и другие авторы. Тем не менее основы конституционного строя не исследуются комплексно, как единая структурная часть отрасли конституционного права.

Недостаточная разработанность тематики основ конституционного строя объясняется, среди прочего, относительной неопределенностью стратегического курса развития общества, отсутствием четкой модели желаемого общественного строя и его правового оформления. Однако нормы Конституции Республики Беларусь об основах конституционного строя являются или, по крайней мере, должны являться действующим правом. Научное осмысление данных норм будет служить их реализации, установлению адекватных связей между основами конституционного строя и остальными конституционно-правовыми институтами, а также иными отраслями права.

Схожесть правового регулирования основ конституционного строя в Беларуси и России, единое советское научное наследие делают необходимым проведение анализа современного положения российской науки. Научная мысль России об основах конституционного строя более богата по сравнению с белорусской. Просматриваются различные подходы, ученые спорят по тем или иным вопросам. Однако всё это находится в зачаточном состоянии. По нашему мнению, российская наука еще не решила многие принципиальные вопросы основ конституционного строя. Достаточно сказать, что источниками знаний об основах конституционного строя в целом выступают, за редкими исключениями, только учебники и учебные пособия по конституционному праву. За последние годы их издано в России довольно много, и большинство таких работ содержит специальные разделы, посвященные основам конституционного строя.

Данная тема исследуется лишь в одной монографии. Речь идет о работе О.Г. Румянцева «Основы конституционного строя России» (1994 г.). Книга изобилует рекомендациями о совершенствовании конституционного законодательства, причем не только в сфере основ конституционного строя. Видимо, в этом проявился опыт практической работы

автора в составе Конституционной комиссии при подготовке первоначального («официального») проекта Конституции Российской Федерации. О.Г. Румянцев пытается создать свою концепцию основ конституционного строя, вводит в неё философские и нравственные принципы. Отдавая ему должное за серьезную проработку многих практических проблем современного конституционного развития России, приходится констатировать нерешенность вопросов понятия, предметной специфики, институциональной природы и других аспектов основ конституционного строя.

Один из ведущих конституционалистов постсоветской России В.Е. Чиркин уделил внимание основам конституционного строя в работе «Конституционное право: Россия и зарубежный опыт» (1998 г.). Данной тематике в книге посвящена лишь одна глава, но мы считаем ее лучшим изложением основ конституционного строя в современной российской литературе. В.Е. Чиркин затронул в своей работе значительную, если не большую, часть вопросов основ конституционного строя. Им доказано, что современная конституция не может не закреплять общественное устройство, высказано отношение к термину «конституционный строй» и содержанию обозначаемого данным термином понятия, очерчена система основ конституционного строя, а также метод конституционно-правового регулирования общественных связей в области основ конституционного строя. В то же время рамки главы не позволили В.Е. Чиркину рассмотреть некоторые важные вопросы, на которых мы остановимся ниже. Но главное в том, что у нас вызывает существенные возражения его концепция института «основ общественного строя».

Изданы труды российских ученых В.И. Лафитского «Основы конституционного строя США» (1998 г.) и М.А. Исаева «Основы конституционного строя Норвегии» (2001 г.). Несмотря на названия, эти работы посвящены не отдельному институту или группе принципов конституционного права, а всем нормам конституций соответствующих государств. Затрагиваются положения и других источников конституционного права. Авторы не поясняют своего отношения к понятию основ

конституционного строя.

В Московской государственной юридической академии защищена докторская диссертация Е.К. Кубеева «Основы конституционного строя Республики Казахстан» (1998 г.). Принципы конституционного строя Казахстана близки применительно к тем, которые закреплены Основным Законом белорусского государства, поэтому данная диссертация представляла для нас интерес. Однако понятию основ конституционного строя в целом диссертант уделил совсем небольшую по объему часть своего исследования. Работа посвящена в основном отдельным принципам и нормам первого раздела казахской Конституции. По словам диссертанта, он опирается на анализ теоретических взглядов ученых-юристов по изучаемой проблеме [53, с. 4]. Тем не менее мы не нашли в работе заявленного анализа. Е.К. Кубеев лишь воспроизводит несколько определений основ общественного и конституционного строя советских и современных российских авторов и при этом прямо указывает, что «не берется за то, чтобы показать недостатки или достоинства вышеприведенных определений» [53, с. 17].

В западной конституционно-правовой литературе исследуемая тематика широко не представлена. Соответствующие идеи зарубежных конституционалистов рассмотрены в названной работе В.Е. Чиркина, поэтому мы не останавливаемся на их анализе.

Обращаем внимание на недостаточную разработанность в науке проблем предмета конституционного права, системы этой отрасли, сущности конституции. Современная белорусская и российская конституционно-правовая наука базируется при изучении названных проблем на идеях основоположников марксизма, советских ученых, а также западных конституционалистов. Эти идеи не всегда достаточно конкретны для четкого формирования конституционно-правовых понятий; частично они устарели и не соответствуют современному этапу развития; иногда не отражают специфики отечественного конституционного права.

Прежде чем исследовать существующие в российской литературе взгляды на основы конституционного строя, покажем, как сейчас трак-

туется предмет конституционного права. То или иное решение этого вопроса по-прежнему предопределяет принципы подхода ученых к понятию основ конституционного строя.

Как представляется, в российской конституционно-правовой науке нет значительных разногласий по поводу сущности предмета конституционного права. Абсолютное большинство ученых воспроизводят подход, который сложился ещё в середине XX века в советской науке и рассматривался в предыдущем разделе настоящей работы в качестве третьего подхода к предмету государственного права. На таких позициях стоят, например, В.Е. Чиркин, М.В. Баглай, Е.И. Колюшин, Е.М. Ковешников, М.И. Кукушкин, В.А. Рыжов и многие другие. Поменялись акценты и приоритеты в оценке отношений, которым отводится роль предмета конституционного права, но суть осталась прежней. К примеру, Р.В. Енгибарян и Э.В. Тадевосян в учебнике «Конституционное право» (2000 г.) пишут, что ведущая отрасль права «закрепляет и регулирует основы системы государственной власти в целях обеспечения основных прав, свобод и ответственности человека и гражданина» [29, с. 17]. Ни Р.В. Енгибарян с Э.В. Тадевосяном, ни другие ученые не сомневаются в регулировании конституционным правом не только политических, но и связанных с государственной властью экономических, социальных и духовно-культурных отношений. Этим они, по сути, высказывают своё несогласие с узким подходом А.И. Лепёшкина и присоединяются к точке зрения С.С. Кравчука. Лишь Е.И. Козлова, включая отношения в указанных сферах в предмет конституционного права, не упоминает о связи данных отношений с государственной властью [37, с. 6]. Такое мнение можно расценить как широкий подход, известный ещё со времен В.Ф. Котока.

О недостатках подходов В.Ф. Котока и С.С. Кравчука мы говорили в предыдущем разделе работы. На специальном примере хотелось бы показать противоречия в суждениях тех современных авторов, которые пытаются обосновать предмет конституционного права в господствующих сегодня традициях концепции С.С. Кравчука. В.Е. Чиркин, анализируя отношения, составляющие предмет ведущей отрасли права,

отмечает, что «для конституционного права главное в этих отношениях... определение способов и пределов участия различных коллективов (социальных, национальных, общественных объединений и других), а также личностей в государственной власти, давления на неё, борьба за государственную власть... конституционными методами.... Таким образом, – заключает В.Е. Чиркин, –... современное конституционное право регулирует основы социально-экономической структуры общества, его политической системы и духовной жизни, обеспечивая условия для осуществления государственной власти, борьбы за неё, участия в ней социальных и иных общностей, а также личностей. В этих целях (хотя и не только в этих, а например, и для всестороннего развития личности, её свободы и границ этого) оно устанавливает основы правового положения личности» [146, с. 27]. Вряд ли можно обосновать положение о том, что права человека, скажем, на вступление в брак и создание семьи, тайну личной жизни и неприкосновенность жилища, свободное художественное и техническое творчество и многие другие предоставляются с целью участия личности в политике. Чувствуя это, В.Е. Чиркин вынужден был сделать в скобках последнего из процитированных нами предложений оговорку о наличии у конституционного права и других целей помимо политических. Однако именно эта оговорка разрушает концепцию ученого, и вопрос о критерии единства отрасли конституционного права остается открытым.

Думается, что российские конституционалисты ведут дискуссию о целесообразности регулирования конституционным правом тех или иных отношений и прежде всего – неполитических (невластных). Это вовсе не одно и то же с сущностью предмета конституционного права. Данную мысль хотелось бы подчеркнуть, поскольку в литературе наблюдается смешивание этих двух проблем. Сущность предмета конституционного права предполагает ответ на вопрос, каковы те общественные отношения, которые в принципе могут регулироваться конституционным правом; или, другими словами, регулирование каких общественных отношений, независимо от того, целесообразно такое регулирование или нет, будет именно и только конституционно-правовым

регулируемым.

О.Е. Кутафин в своей работе «Предмет конституционного права» (2001 г.), анализируя соответствующие взгляды ученых, не проводит различия между указанными проблемами [56, с. 18–28]. В результате у читателя может сложиться мнение, что, например, М.В. Баглай, точка зрения которого рассматривается О.Е. Кутафиным, является продолжателем узкого подхода А.И. Лепёшкина к предмету конституционного права, так как не допускает мысли о конституционно-правовом регулировании социально-экономических и духовно-культурных отношений. На самом же деле М.В. Баглай, как нам представляется, придерживается подхода С.С. Кравчука. Российский ученый не отрицает отнесения социально-экономических и прочих невластных отношений к предмету конституционного права. Он лишь считает это уделом тоталитарных государств. «Но в подлинно гражданском обществе, которое сейчас складывается в России, – отмечает М.В. Баглай, – это становится невозможным: гражданское общество независимо от государства и стоит над ним, оно строится на признании свободы и инициативы человека и объединений людей...» [3, с. 6]. Следовательно, М.В. Баглай выдвигает тезис о несоответствии конституционно-правового регулирования общественных (невластных) отношений целям гражданского общества, демократического государства и свободного человека. Однако он вовсе не отрицает объективную возможность такого регулирования.

Наиболее сильным оппонентом М.В. Баглая выступил В.Е. Чиркин. Придерживаясь того же подхода к сути предмета конституционного права, В.Е. Чиркин сформулировал и убедительно обосновал противоположную позицию по вопросу о целесообразности конституционно-правового опосредования невластных отношений. Проанализировав множество конституций, В.Е. Чиркин пришёл к заключению о расширении объекта конституционного регулирования в современном мире. «В сферу конституционного регулирования, – подчеркивает исследователь, – включены основы экономической, социальной, политической систем общества, его духовной жизни. Расширение объекта конституционного регулирования – глобальное явление» [146, с. 25].

Подобные идеи В.Е. Чиркина не вызывают у нас возражений и представляются более убедительными, нежели концепция М.В. Баглая. Поскольку позиция В.Е. Чиркина достаточно обоснована, в настоящей работе не предпринимаются попытки найти дополнительные аргументы в её подтверждение и вопрос о необходимости конституционно-правового регулирования невластных отношений не исследуется.

Сделаем некоторые выводы. Нетрудно заметить, что очерченная дискуссия в российской науке ведется по поводу отношений, составляющих значительную часть предмета регулирования норм об основах конституционного строя. Советские ученые спорили, стоит ли включать в государственное право нормы не только об основах общественного строя (в части социально-экономических отношений), но и о политических правах и обязанностях личности. В современной России никто из конституционалистов не сомневается в конституционно-правовой природе последних. Поэтому дискуссия касается исключительно основ общественного (конституционного) строя. Второй раз за историю советской и постсоветской науки предпринимается попытка отказаться от основ общественного (конституционного) строя в конституционном праве. Однако причина этого на сей раз иная, нежели в СССР. Сегодня ни один ученый не выступает против включения отношений в области основ общественного (конституционного) строя в предмет конституционного права. Сформулирована лишь точка зрения о нецелесообразности конституционно-правового регулирования указанных отношений (М.В. Баглай).

Ещё одним направлением, фактически присутствующим в российской науке, являются попытки определить понятие основ конституционного строя в соотношении с советским понятием основ общественного строя и другими конституционно-правовыми институтами. Данная тематика породила многочисленные вопросы и неясности. Отсутствует четкий подход, в литературе царит разногласия. Основы конституционного строя, по нашему мнению, – наименее изученная и самая проблемная группа норм в современном конституционном праве. Полагаем, что существующие о ней представления и вообще взгляды на си-

стему конституционного права не совсем адекватно отражают правовую действительность. Поскольку российская литература об основах конституционного строя – это прежде всего учебники, то становятся очевидными те проблемы, с которыми сталкиваются студенты при изучении данной темы. Нам не известен такой учебник, где можно было бы найти прямой ответ, например, на следующие вопросы: Когда и для чего термин «конституционный строй» возник в науке? Чем конституционный строй отличается от конституции, если последнюю в духе ст. 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. трактовать не только как документ, но и практику ограничения власти? Почему в параграфах, посвященных основам конституционного строя России, упоминается в том числе о многих законодательных актах, регулирующих деятельность общественных организаций, партий, вопросы социальной помощи гражданам и т.п., тогда как в соответствии со ст.16 Конституции Российской Федерации положения именно её первой главы составляют основы конституционного строя?

В российской литературе просматриваются три подхода к понятию основ конституционного строя. Заметим – именно просматриваются; они, как правило, четко не сформулированы, не доведены до логической завершенности, не лежат на поверхности, требуют для своего выявления специального анализа.

Наибольшее распространение получил подход, согласно которому основы конституционного строя – это те же советские основы общественного строя по предмету регулирования и месту в системе конституционного права. Но соответствующие нормы наполнены принципиально иным, демократическим содержанием. Предмет института основ конституционного строя в данном подходе – отношения, составляющие структуру (организацию) общества и государства, но не личности. За основами конституционного строя признается качество единого и ведущего конституционно-правового института. Остальными, подчиненными институтами называются институты правового статуса личности, территориальной организации государства, государственных органов. Следует подчеркнуть, что российские ученые отдали предпочтение той

трактовке основ общественного строя, которой придерживались большинство советских авторов и не восприняли учение В.А. Ржевского об основах общественного строя как правовом массиве. Основы конституционного строя – главная часть конституционного строя. Конституционный строй в данном подходе – это не только все нормы конституции, но и других источников конституционного права. То есть конституционный строй не является институтом, а совпадает с отраслью конституционного права в целом [29, с. 130]. По мысли сторонников данного подхода, конституционным строем являются не только нормы права, но и регулируемые ими реальные общественные отношения. При этом выделяются два значения термина «конституционный строй». В первом значении под конституционным строем понимаются любые отношения, закрепляемые конституцией. Во втором – лишь такие отношения, которые характеризуются гарантированностью прав человека и ограничением государственной власти [29, с. 128–129].

Полагаем, что наличие двух указанных значений не является чем-то новым для науки. Из предыдущего раздела настоящей работы известно, что те же значения придавались термину «конституционный строй» в России начала XX века.

Названный подход прослеживается в идеях В.Е. Чиркина, О.Е. Кутафина, В.О. Лучина, Е.И. Козловой, О.Г. Румянцева, Е.М. Ковешникова, Ю.А. Дмитриева, И.В. Мухачева и других. Несмотря на тождество понятий основ конституционного и общественного строя, ученые, как правило, употребляют первый термин. Ю.А. Дмитриев и И.В. Мухачев используют оба термина [56, с. 22]. В.Е. Чиркин высказался против «основ конституционного строя», так как «он неясно выражает ту реальность, которую нормы конституционного права... призваны регулировать» [146, с. 131]. Он предлагает сохранить прежнее обозначение – «основы общественного строя».

Сторонники рассматриваемого подхода к понятию основ конституционного строя включают в данный институт все конституционно-правовые нормы о статусе невластных коллективных субъектов (партий, общественных объединений и т. п.). Получается, что отношения с

участием указанных субъектов регулируются институтом основ конституционного строя в полном объеме, а значит, не обладают верховенством над нормами других институтов конституционного права по типу связи общее – особенное. Даже при регулировании определенных отношений в полном объеме институт основ конституционного строя мог бы остаться ведущим, но лишь если признать регулируемые им отношения определяющими в предмете конституционного права. Но вряд ли возможно обосновать приоритет отношений, например, по поводу регистрации общественных объединений, прекращения их деятельности, источников их доходов перед отношениями по поводу конституционных прав человека [109, с. 179].

Сказанное демонстрирует несовершенство данного подхода.

Второй подход исходит из разграничения понятий основ конституционного и общественного строя. Основы конституционного строя, утверждается здесь, – это важнейший конституционно-правовой институт, определяющий сущностные черты человека (незыблемость прав и свобод), а также государства (подчинение его праву). Данный институт не закрепляет экономические, социальные и прочие фундаментальные для всего общества связи, образующие его структуру, а определяет лишь принципы государственно-властных отношений и отношений государства с личностью. Следует согласиться с В.Е. Чиркиным, что подобное суждение вряд ли соответствует содержанию главы 1 Конституции России, в которой идет речь и о принципах структуры общества [146, с.131]. «Основы конституционного строя» в данном подходе имеют и второе значение, тесно связанное с первым. Это регулируемые конституцией реальные общественные отношения, для которых характерна гарантированность прав и свобод граждан и ограничение государственной власти путем её разделения на несколько самостоятельных ветвей. Основы общественного строя как нормы о фундаментальных отношениях, составляющих структуру общества, считаются здесь уделом тоталитарных государств, где нет подлинной конституции и конституционного права.

Противопоставление конституционного строя общественному уже

имело место в истории российской мысли, о чем написано в предыдущем разделе работы. Тогда предпочтение было отдано общественному строю.

В отличие от своих основ, конституционный строй в целом не признается авторами рассматриваемого подхода отдельным конституционно-правовым институтом, ибо включает все нормы конституции (а возможно и всех других источников конституционного права).

Сторонником данного подхода является М.В. Баглай, хотя не все его идеи полностью укладываются в рамки этого подхода. Наиболее «чистое» воплощение подобные взгляды нашли в статье А.М. Яковлева «Конституционный строй: Социальный и правовой аспект» (1995 г.). Понятие конституционного строя у А.М. Яковлева производно от понятия конституции. Ученый дает новую для российской науки дефиницию конституции, включая в число атрибутов (то есть неотъемлемых признаков) конституции её соответствие социальной реальности и ограничение ею государственной власти [153, с. 4–7]. На Западе подобная дефиниция известна более 200-т лет. Ей был придан нормативный характер еще в 1789 г. во французской Декларации прав человека и гражданина, статья 16 которой гласит: «Всякое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет Конституции» [39, с. 56]. На основе этого положения А.М. Яковлев и предложил определение конституции. Конституционный строй, по А.М. Яковлеву, – это и есть та реальность, которой соответствует конституция [153, с. 7]. Из рассуждений ученого следует отрицание существования в СССР и других социалистических странах конституции и конституционного строя. А.М. Яковлев не употребляет термина «основы конституционного строя». Но поскольку он относит к главным признакам конституции и конституционного строя ограничение государственной власти (прежде всего путем её разделения) и гарантии прав и свобод, то можно предположить, что эти признаки и составляют у автора основы (то есть самое главное) конституционного строя.

Если под конституцией понимать, подобно А.М. Яковлеву, лишь

определенные основные законы, то как быть с фактом наличия основных законов, не закрепляющих, скажем, разделения властей? Каждая существовавшая ранее и существующая ныне социалистическая страна имела (имеет) основной закон под названием «конституция», базировавшийся на совсем иных принципах, нежели указанные в ст. 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Причем многие из принципов этих основных законов строго реализовывались [107, с. 82; 115, с. 17]. Помимо содержательного различия социалистические основные законы имели и общие черты с конституциями капиталистических стран. Схож был предмет их регулирования, виды конституционных институтов, структура конституций.

Полагаем, что учению о конституции в современном его состоянии не хватает, во-первых, общего подхода, исходя из которого можно было бы объяснить наличие единой юридической сущности у конституций государств с различным общественным строем. Во-вторых, недостаточно четко проводится разграничение между конституцией и предшествовавшими ей правовыми актами, регулировавшими публичные отношения.

М.В. Баглай представляет систему конституционного права в принципе тем же перечнем институтов, которые даются и сторонниками первого подхода [3, с. 30]. Думается, это порождает некоторые проблемы. Основы конституционного строя у М.В. Баглая – институт, исчерпывающийся нормами главы 1 Конституции Российской Федерации [3, с. 98–99]. В какой институт тогда включать конституционно-правовые нормы о статусе политических партий, общественных объединений, хозяйственных организаций, об этнических и прочих социальных группах, содержащиеся в иных источниках конституционного права? Но даже если бы ученый не ограничивал институт основ конституционного строя главой 1, то это не решало бы проблему. Дело в том, что данный институт считается М.В. Баглаем ведущим. Включение же в него всех конституционно-правовых норм об указанных субъектах означало бы признание вторичности по отношению к ним института прав и свобод человека. Согласно мнению М.В. Баглая, которое осно-

вано на статье 2 главы 1 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека – «высшая ценность» и «суперпринцип» всего конституционного строя [3, с. 100].

Выделяемый нами третий подход к понятию основ конституционного строя можно усмотреть в известном учебнике «Конституционное (государственное) право зарубежных стран» под редакцией Б.А. Страшуна. Основы конституционного строя понимаются здесь только в одном значении, аналогичном второму значению этого термина в предыдущем подходе – то есть как характеризующиеся определенными признаками реальные общественные отношения. В отличие от предыдущего подхода, понятие конституционного строя не выводится непосредственно из понятия конституции, да и последняя трактуется иначе. В число её атрибутов не включается соответствие социальной реальности. Следовательно, возможно существование фиктивных и реальных конституций [41, с. 46]. Не настаивают авторы рассматриваемого подхода и на том, что конституция по своей сути содержит нормы о разделении властей. Отсюда выводится положение о наличии конституции во всех, в том числе тоталитарных государствах [41, с. 45–46]. Формулируется и понятие фактической конституции: это реально существующие отношения, регулируемые юридической конституцией [41, с. 46].

Основы конституционного строя в рассматриваемом подходе отграничиваются от основ общественного строя. Между этими понятиями в учебнике нет никакой связи. Мы опять должны заметить, что здесь учебник не оригинален, ибо самостоятельность понятий основ конституционного строя и основ общественного строя имела место еще у советских авторов (И.Е. Фарбер, Ю.П. Еременко). Основы общественного строя считаются конституционно-правовым институтом, не занимающим, однако, главенствующего положения в системе конституционного права. Предмет данного института включает те же отношения, что и предмет одноименного советского института. Но этим отношениям уже не придается главного значения. Главными считаются отношения в области прав человека, поэтому закрепляющий их институт правового

статуса личности ставится на первое место в конституционном праве.

В системе конституционного права авторы данного подхода наряду с институтами правового статуса человека, основ общественного строя, территориальной организации государства, государственных органов и некоторыми другими, более мелкими институтами выделяют ещё институт формы правления [41, с. 8]. В результате часть норм о государстве исключается из института основ общественного строя. По нашему мнению, такое решение явилось причиной многочисленных затруднений, которые стал испытывать авторский коллектив при изложении материала. Крайне сложно определить, какие конституционные положения о государстве включать в основы общественного строя, какие – в форму правления, а какие относить к другим институтам. Подобные проблемы наиболее сильно проявились в особенной части того же учебника, когда пришлось рассматривать правовые положения конкретных стран в строго определенных главах учебника, соответствующих заявленным в общей части конституционно-правовым институтам. В результате почти в каждом пункте о политической системе как части основ общественного строя той или иной страны появились оговорки типа «характеристики казахского государства, а также относящиеся к нему конституционно-правовые принципы частично затрагивались нами выше, а подробно будут рассмотрены в последующих параграфах настоящей главы» [42, с. 589–590]. То есть что-то изложено выше, что-то ниже, а что рассматривать в данном пункте – не совсем ясно.

Все конституционно-правовые нормы о негосударственных коллективных субъектах (партиях, общественных объединениях и т.д.), в том числе содержащиеся не в самих основных законах, включаются, надо полагать, в институт основ общественного строя. Тем самым в учебнике снимается вопрос, на который не ответил М.В. Баглай.

Важным в рассматриваемом подходе видится определение системы конституционного права как состоящей не только из институтов, но и общих принципов [41, с. 7]. В отличие от институтов, общие принципы не делят отрасль права на части, а объединяют её. Однако авторами не рассмотрен вопрос о соотношении общих принципов и институтов:

включаются эти принципы в институты или существуют наряду с ними, имеют ли они отличный от институтов предмет регулирования.

Институт основ общественного строя в данном подходе опосредует только основы государства, но все черты, составляющие организацию общества (негосударственной части социальной реальности) и входящие в предмет конституционного права. Получается некоторое несоответствие. Во-вторых, единство института основ общественного строя сомнительно и по причине объединения в нем норм о государстве и обществе, то есть о принципиально различных, даже оппозиционных феноменах. Советская модель института основ общественного строя была в этом плане более обоснованной: одновременное включение в основы общественного строя положений о государстве и обществе отражало фактическую монолитность огосударствленной социальной жизни. В-третьих, в данном подходе не приводится доказательств ведущей роли института правового статуса человека в системе конституционного права. При этом необходимо учитывать, что текст большинства конституций открывается вовсе не разделом о правах человека.

В период работы над проектом Конституции России О.Г. Румянцев предлагал включить в нее раздел о гражданском обществе. Оптимальная структура Конституции представляется ему следующим образом: 1. Основные принципы конституционного строя; 2. Права, свободы и обязанности человека и гражданина; 3. Гражданское общество; 4. Федеративное устройство; 5. Система государственной власти; 6. Заключительные и переходные положения [122, с. 72–76]. Подобные идеи высказываются и другими учеными. Однако речь в данном случае ведется о гражданском обществе как разделе, структурной части конституции. Остается не ясным, составляют ли нормы такого раздела самостоятельный конституционно-правовой институт, и если да, то каковы его характеристики и соотношение с остальными институтами конституционного права.

Таким образом, если модель основ общественного строя в советской науке государственного права была в значительной степени единой, то этого не скажешь о современной науке. Идеи, разделяемых все-

ми или абсолютным большинством конституционалистов, совсем немного. Главное же в том, что эти идеи не получили пока основательной теоретической проработки. Исследование основ конституционного строя и в современной науке непосредственно определяется взглядами ученых на общие вопросы конституционного права. Спор ведется не о сущности предмета конституционного права, как это было в советской науке, а о целесообразности регулирования данной отраслью невластных социально-экономических и политических отношений, способных по своим свойствам входить в предмет института основ конституционного строя. Дискуссия о соотношении понятий основ конституционного и основ общественного строя высвечивает три подхода. По нашему мнению, ни с одним из них полностью согласиться нельзя.

ГЛАВА 2

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

2.1. Философско-социологические основания понятия конституционного строя

Даже поверхностный взгляд на раздел I «Основы конституционного строя» Конституции Республики Беларусь обнаруживает нормы о целостных признаках таких масштабных образований, как государство, народ, национальные общности, демократия, собственность, культурное наследие, религия [45]. Названные явления разносторонне характеризуют наиболее крупный социальный феномен – общество. Отсюда следует, что объектом регулирования первого раздела белорусской Конституции выступает общество в его целостности.

Изучением самых существенных черт общественной жизни занимаются философия, в частности социальная философия, и социология. Ознакомление с философскими и социологическими теориями общества лишний раз убеждает в исключительной сложности данного предмета исследования, что признают и сами представители этих отраслей знания [17, с. 133]. С ещё большими трудностями сталкивается юридическая наука, ибо пытаясь найти опору своим правовым концепциям в философско-социологических учениях, она выходит тем самым за пределы своей предметной области. Прежде всего это относится к общей теории права и конституционно-правовой науке. «Человеческое общество, пожалуй, самый наисложнейший организм, известный мирозданию!» – сделал заключение видный советский и современный теоретик права С.С. Алексеев [1, с. 51]. На трудности раскрытия философского значения категорий, употребляемых в правовых дисциплинах, указывал и один из лидеров советской науки государственного права И.Е. Фарбер [139, с. 8].

За основу в настоящей работе взята следующая трактовка обще-

ства, сформулированная нами исходя из дефиниции известного российского социолога Г.В. Осипова [132, с. 105]. Общество – это обширная система отношений индивидов и их групп, поддерживаемая организациями и институтами, основывающаяся на производстве материальных и духовных благ.

От понятия общества требуется перейти к «общественному строю», который можно считать философско-социологическим базисом понятия конституционного строя. Общественный строй в философско-социологическом смысле включает в качестве своей части отношения, составляющие конституционный строй.

Термин «общественный строй» состоит из двух частей: «общественный» и «строй». Что же такое «строй»? За ответом мы обратились к Словарю современного русского литературного языка [126, с. 1065–1067]. Этот источник даёт множество связанных между собой значений слова «строй», которые можно сгруппировать следующим образом:

1. система как аспект объекта: элементы, структура, целое;
2. совокупность более или менее существенных особенных черт объекта, причем не только системных;
3. совокупность черт объекта, характеризующих высокий уровень его развития, причем черт не только существенных или системных;
4. состояние, положение объекта, то есть объект, взятый во всех своих чертах на ограниченном отрезке времени.

Такие же значения на основе Словаря можно выделить у слова «устройство». Однако есть у него и одно специфическое значение: искусственно созданное человеком средство труда, а не конечный продукт потребления.

Термин «общественный строй (устройство)» был заимствован советским законодателем из философских и социологических учений. Он часто встречался, например, в работах основоположников марксизма, где отождествлялся с «общественно-экономической формацией». Общественно-экономическая формация, по К. Марксу, – это «общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером» [64, с. 442]. В совет-

ской литературе отмечалось, что в отличие от таких категорий, как производительные силы, государство, право и других, отражающих различные стороны жизни общества, общественно-экономическая формация охватывает все стороны общественной жизни в их органической взаимосвязи. Итак, общественно-экономическая формация – это все общественные отношения, взятые в совокупности (системе) и существующие лишь на определенном этапе. Следовательно, общественно-экономическая формация может включать разнородные общественные отношения, даже противоположные по своему характеру. Однако и разнородные отношения в пределах одной формации имеют некоторую единую природу, позволяющую отличать данную формацию от других и обеспечивающую её целостность. Те общественные связи, которые в рамках данной формации являются однородными и господствующими, составляют сферу её сущности и называются общественно-экономическим укладом. Как известно, суть общественно-экономической формации усматривалась в производственных отношениях. В марксизме понятия формации (общества) и производственных отношений иногда даже отождествлялись. Так, в работе «Наёмный труд и капитал» К. Маркс писал: «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом...» [64, с. 442]. Думается, здесь мы имеем дело с определением общества через его сущность. К. Маркс отождествлял с производственными связями не всё общество, а лишь его главный компонент.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что общественно-экономическая формация – это тип общества. Следовательно, формация соотносится с обществом как особенное с общим. Чуть ли не каждый советский ученый, рассматривая понятие формации, считал своим долгом отметить его типологический характер как важное достижение марксистской теории. В.Г. Афанасьев, к примеру, говорил об этом так: «Они (К. Маркс и Ф. Энгельс – И.П.) показали несостоятельность и внеисторических, абстрактных взглядов на общественную жизнь, показали, что нет общества вообще, а есть конкретно-историческое общество...» [2, с. 265]. Действительно, основоположники марксизма выде-

ляли различные типы общества, или общественно-экономические формации: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую. В марксизме четко сформулирован и критерий типологии (классификации) – специфика способа производства материальных благ.

Сам по себе типологический подход не может вызывать возражений. Однако мы не сомневаемся в том, что в марксистской теории исследованы не только типы общества, но и общество вообще. Воспроизведем слова К. Маркса: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей» [65, с 402]. Вопрос, возможно ли существование общества, не являющегося продуктом взаимодействия людей, выглядит риторическим. Нет, невозможно. Любая общественно-экономическая формация, будь-то рабовладельческая или капиталистическая, порождается взаимодействующими субъектами. Так что в процитированном нами положении К. Маркс давал характеристику общества вообще. Полагаем, что к понятию общества вообще относятся и следующие общеизвестные идеи марксизма:

объективность законов социума;

реализация этих законов через сознательную деятельность людей;

закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил;

сущность общества составляют производственные отношения.

Этот перечень можно было бы продолжить.

Суждение о неправомерности понятия общества вообще не согласуется с самими основаниями марксистской философии и современной науки, признающих, как известно, наличие в мире общего, особенного и единичного. Более того, главная задача науки в том и состоит, чтобы выявить общие признаки объекта, распространяющиеся на все формы его проявления. Иной подход способен лишь парализовать научные исследования. «Было бы серьезной, самоубийственной ошибкой, – пишет К.Х. Момджян, – если бы наука, признав существование конкретных человеческих обществ, сделала вывод о том, что «общество вообще», лишенное осязаемого телесного бытия, представляет собой фикцию...»

[69, с. 103].

Мы далеки от мысли о непонимании советскими учеными того, что не только понятие общественно-экономической формации, но и категория общества вообще отражают действительные признаки социальной реальности. Но открыто об этом не писали. К примеру, в работе В.Г. Афанасьева встречаются слова «общие закономерности истории» [2, с. 265]. «История» здесь и обозначает, вероятно, общество. Основное внимание в советской литературе уделялось не общим чертам социума, которые, однако, авторы вынуждены были называть, а именно типам общества – общественно-экономическим формациям. Это делалось для противопоставления «эксплуататорских» формаций коммунистической. Создавалась картина отсутствия единых законов у разных общественно-экономических формаций. Сам К. Маркс главный упор делал на исследование типов общества с целью обосновать необходимость замены одного типа (капиталистического) другим (коммунистическим). В работах В.И. Ленина этот упор был усилен по причине непосредственной нацеленности автора на практические преобразования. Революционная практика России и соответствующий политико-идеологический фактор содействовали преувеличению и догматизации в советской науке типологического подхода К. Маркса.

Отождествление общественно-экономической формации и общественного строя приводит к тому, что последний также должен пониматься как общество на определенном этапе своего развития. Подобное научное значение термина «общественный строй» соответствует четвертому выделенному нами этимологическому значению слова «строй».

В советской философской литературе преимущественно употреблялся термин «общественно-экономическая формация». Термин «общественный строй», если и использовался, то, как правило, лишь вскользь [27]. В некоторых работах по историческому материализму нам не удалось его встретить вовсе, в отличие от «общественно-экономической формации» [26]. Что касается социологии, то она, как известно, долгое время в СССР не признавалась. В одной из немногих социологических работ – «Лекции по

социологии» Ю.А. Левады – нет упоминания ни об «общественном строе», ни об «общественно-экономической формации» [58].

Советская наука неизменно базировалась на марксистском учении о формациях. Однако, как известно, типология общества разработана не только в марксизме. Поэтому мы считаем, что общественным строем можно называть и иные явления. Типы общества исследовались в том числе такими мыслителями, как Д. Вико, Ж. Кондорсе, О. Конт, Г. Гегель. Например, О. Конт выделял три стадии общественного развития, исходя из духовного (мировоззренческого) критерия, а не способа материального производства: теологическую, метафизическую и позитивную [131, с. 88]. Соответственно этим стадиям представляется правомерным говорить о теологическом, метафизическом и позитивном общественном строе.

Наиболее известными теориями типов общества помимо марксистской являются цивилизационная (локально-историческая) и индустриально-технологическая. Обе теории включают идеи не только о типах общества, но и об обществе вообще. Иначе им пришлось бы опираться на какую-либо иную общую теорию социума и находиться с ней в подчиненных отношениях. Данное положение хотелось бы выделить применительно к цивилизационному (локально-историческому) подходу, поскольку в литературе он почти всегда противопоставляется понятию общества вообще. Суть цивилизационного подхода, как правило, трактуется так: человечество подразделяется на несколько совершенно самостоятельных единичных образований, каждое из которых имеет уникальную историю [143, с. 64]. Авторы цивилизационной теории Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби говорили в основном не об отдельных обществах, а их системах (совокупностях) [123, с. 73], которые также имели единичный характер, ибо каждая из таких систем считалась уникальной. Полагаем однако, что в теории цивилизаций имеется не только единичный, но и типологический (особенный) подход, равный по степени обобщенности формационному подходу марксизма. Особенное в понятии цивилизации просматривается в идеях А. Тойнби и Н. Данилевского. Первый делил все общества на два основных типа:

доцивилизационные и цивилизационные. Эти типы характеризуют не общие, а особенные черты общественной жизни подобно общественно-экономическим формациям. Н. Данилевский считал, что лишь немногие народы смогли создать цивилизации [123, с. 72]. Следовательно, есть общества (их типы) цивилизованные и нецивилизированные, могущие существовать одновременно в отличие от типов А. Тойнби. Каждый из типов общества Н. Данилевского и А. Тойнби можно называть общественным строем, хотя такой термин в цивилизационной теории не использовался. Н. Данилевский употреблял термин «культурно-исторический тип», А. Тойнби – «цивилизация», О. Шпенглер – «культура» [123, с. 72; 137; 151].

Наиболее популярной сегодня концепцией общественного развития является индустриально-технологическая. Например, в «Основах социологии» французского автора А. Мендра типология общества дается именно по данной концепции [67, с. 161]. В литературе отмечается, что индустриально-технологический подход не выступает единой теорией, включая несколько близких концепций: «стадий экономического роста» У. Ростоу, «единого индустриального общества» Р. Арона, «постиндустриального общества» Д. Белла, А. Турена, З. Бжезинского, «конца идеологической эры» Д. Белла, Р. Арона, М. Липсета [131, с. 320; 67, с. 161, 188]. В рамках индустриально-технологического подхода выделяются три основных типа общества: аграрный (доиндустриальный), индустриальный и информационный (постиндустриальный). Критерий данной классификации имеет экономическую природу, как и у К. Маркса. Однако им выступают не специфика отношений людей в процессе материального производства, а характер техники и технологии.

Отождествляя строй общества с его типом, мы получаем аграрный, индустриальный и информационный общественный строй. Теоретики индустриально-технологического общества также не употребляют термина «общественный строй». Какое же слово играет у них ту же роль, что «общественно-экономическая формация» в марксизме? Таким словом является «общество», употребляемое с предикатом, указывающим на типологический (а не общий) характер его значения. Это видно уже

из названий трудов классиков индустриально-технологического подхода. Так, название работы Р. Арона «Dix-huit Lecons sur la societe industriele» содержит термин «индустриальное общество»; Д. Белла «The coming of Post-Industrial Society» – термин «постиндустриальное общество».

В современной философии и социологии словосочетание «общественный строй» в значении типа общества встречается редко. Оно иногда используется лишь сторонниками марксизма. Но даже те ученые, которые применяют марксистский подход, отдают явное предпочтение термину «общественно-экономическая формация». В этом они следуют за К. Марксом, для которого именно «общественно-экономическая формация» была строгим научным термином. Социологические словари, изданные в России за последние годы, как правило не упоминают об общественном строе. Лишь в социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г.В. Осипова есть термин «социальный строй». Он определяется как «система общественного, государственного устройства, характеризующаяся определенными производственными, общественными отношениями и политической системой общества» [129, с. 348].

Таким образом, понятие общественного строя, отражающее тип общества, правомерно отождествлять не только с общественно-экономической формацией, как это имело место в работах основоположников марксизма и советской литературе, но и с индустриально-технологическим обществом (постиндустриальным, например), типами общества в цивилизационной и других теориях. Во-вторых, в отмеченном значении термин «общественный строй» не является необходимым: все концепции общественного развития употребляют иной термин (термины) для обозначения общества того или иного типа.

В литературе по социальным дисциплинам (философии, социологии, юриспруденции, политологии и т.д.) часто можно встретить слова «общественный строй (устройство)» или, наоборот, «строй (устройство) общества», а также иные словесные модификации данного термина в другом значении, нежели рассмотренное выше. В частности, этот тер-

мин обозначает часть общества, а именно совокупность внутренних, более или менее существенных его сторон: сущность, объективные законы, систему, содержание. В таком же смысле говорят об устройстве (строе) мира в целом, человека, природы и любого другого объекта. Подобная трактовка строя соответствует второму выделенному нами выше этимологическому значению данного слова.

Думается, «общественный строй» как совокупность некоторых признаков общества имеет весомый недостаток для науки: трудно точно установить, какие черты общества обладают той степенью существенности, которая необходима для их включения в данное понятие. Неудивительно поэтому, что в научных источниках не дается его определения, а использование этого понятия не характеризуется строгостью.

Понятие строя в названном значении может применяться к обществу, взятому на любом уровне теоретического обобщения. Существует, как известно, три таких уровня. Первый представлен понятием единичного общества, отражающим реального субъекта исторического процесса в виде конкретных социальных организмов. Второй уровень, более обобщенный, включает тип (вид) общества (особенное в обществе), о чем мы говорили применительно к первому значению понятия общественного строя. Наконец, третий уровень предполагает понятие общества вообще – идеального объекта, объединяющего «существенные свойства и признаки любого... социального коллектива, существовавшего, существующего или способного существовать в истории независимо от её стадийальных и региональных характеристик» [69, с. 82].

Остановимся на вопросе о том, какое из философско-социологических понятий общественного строя включает в качестве своей части отношения, составляющие конституционный строй. В советской науке соответствующее понятие разрабатывалось применительно к институту основ общественного строя. Категория общественно-экономической формации не могла выполнить роль такого понятия в силу высокого уровня теоретического обобщения. Если бы конституция закрепляла в разделе об основах общественного строя лишь те существенные черты социума, которые входят в категорию формации, то

многие менее принципиальные аспекты общественной жизни, которые, тем не менее, также составляют основы общества применительно к данному этапу развития, остались бы неурегулированными [111, с. 24]. Так, Конституция СССР 1936 г. в главе «Общественное устройство» регламентировала как те стороны общества, которые входят в содержание формации (тип собственности на средства производства, исторический тип государства), так и те, которые остаются за пределами данной категории (роль Советов как политической основы государства, мелкое частное хозяйство крестьян и кустарей и т.п.). Круг общественных отношений, закрепленных указанной главой Конституции СССР 1936 г., стал основой формирования специального (узкого) понятия общественного строя, несколько отличного от категории общественно-экономической формации.

Согласно распространенному в советской литературе мнению, общественный строй как специальное (узкое) понятие – это исторически определенный тип общества одной отдельно взятой страны на конкретном этапе её развития [127, с. 103; 55, с. 5, 53]. Данное определение может показаться внутренне противоречивым: в нем одновременно говорится и об особенном («тип общества»), и о единичном («одна отдельно взятая страна»). Думается однако, что противоречия здесь нет. В приведенной дефиниции общественный строй понимается как проявление законов типа общества (общественно-экономической формации) в единичном обществе (одной отдельно взятой стране), то есть как выражение особенного в единичном. Мы полагаем, что подобный подход полностью соответствует положению философии о существовании особенного (и общего) в единичном и через него [14, с. 110]. О.Е. Кутафин прямо писал, что понятие общественного строя выступает конкретизацией категории общественно-экономической формации [55, с. 10]. По широте охвата общественных отношений общественный строй совпадал с общественно-экономической формацией, ибо включал все общество в целом.

Такое философско-социологическое понятие общественного строя было сформулировано именно в юридической (прежде всего государ-

ственно-правовой) науке, а не в философии или социологии. Оно явилось результатом изучения советскими государствоведами фактических общественных отношений, закрепленных советскими конституциями в разделах об основах общественного строя, а также в остальных структурных частях конституций. Необходимость выхода юридической науки за пределы своего предмета диктовалась, видимо, отсутствием соответствующего понятия в философии и социологии. Мы не обнаружили его и в современной литературе по социальным дисциплинам. Объясняя подобную ситуацию, следует согласиться с мнением И.Е. Фарбера об отсутствии потребности неюридических наук в специальной категории общественного строя. «Философы, – писал И.Е. Фарбер, – обходятся иными научными категориями («общество», «общественно-экономическая формация», «базис и надстройка» и т.п.)» [139, с. 7].

Философия и социология оперируют более общими категориями, нежели узкое понятие общественного строя, ориентированное на относительно непродолжительный этап в развитии общества. Однако в разработке такого понятия нуждается наука конституционного права.

В.А. Ржевский не согласился с указанным представлением об общественном строе. Он считал его в принципе аналогичным понятию общественно-экономической формации, которое, по мысли ученого, «не нуждается в каких-либо аналогах» [120, с. 52]. В.А. Ржевский обосновал своё понятие общественного строя, не охватывающего всё общество и составляющего лишь его часть в виде основ господствующих отношений [121, с. 22]. Этот исследователь выделял во всяком обществе господствующие (социально-экономические, политические) и негосподствующие (брачно-семейные, имущественные) отношения. Вероятно, к числу последних относились и связи, вообще не подвергающиеся правовому регулированию (дружба, товарищество и другие морально-этические отношения) [121, с. 24]. Общественный строй, по В.А. Ржевскому, связан лишь с господствующими отношениями, включая их не в полном объеме, а на уровне основ. Чем же руководствовался ученый, конструируя такое усеченное понятие общественного строя?

Критерием отнесения тех или иных отношений к общественному строю выступает у В.А. Ржевского степень их влияния на политическую власть в обществе [121, с. 22]. Общественный строй в концепции В.А. Ржевского – это и есть предмет регулирования правового массива основ общественного строя.

Понятие общественного строя в предложенном В.А. Ржевским понимании представляется нам имеющим право на существование, как и первая точка зрения. Главное, чтобы научное понятие не было фикцией, отражало реальное явление. Нельзя отрицать реальности всего общества в целом (первая точка зрения) и отношений, оказывающих решающее влияние на характер политической власти (вторая точка зрения). Однако если учесть, что оба понятия создавались в специальных целях – для конституционно-правовой регламентации общественных отношений, то их следует оценить критически. Свою позицию применительно к первой трактовке общественного строя мы сформулируем ниже. Что касается общественного строя в концепции В.А. Ржевского, то это понятие оказалось у него не менее общим, нежели общественно-экономическая формация. В.А. Ржевский, по сути, распространил своё понятие общественного строя на ту же обширную совокупность обществ одного типа, которая входит и в категорию формации. Иное дело, что общественный строй, по мнению ученого, – часть общественно-экономической формации. Однако это не снижает степени обобщенности понятия общественного строя. В результате, понятие общественного строя В.А. Ржевского не могло включать все те черты общества (в том числе государства), которые закреплялись в первых разделах советских конституций, так как среди тех черт были и менее общие, чем этого требовало понятие общественного строя В.А. Ржевского.

Ранее мы уже писали о негативном отношении советской науки к категории общества вообще. Изучение работ советских авторов, посвященных узкому (специальному) понятию общественного строя, приводит нас к заключению об игнорировании ими и понятия единичного общества. Надо полагать, что причина такой ситуации кроется в том же политико-идеологическом факторе. Авторитетный учебник по совет-

скому государственному праву под редакцией С.С. Кравчука содержал следующие положения: «Как известно, нет, например, особых законов общественного развития для отдельной социалистической страны, однако имеются различия в формах проявления этих законов, вытекающие из конкретно-исторических условий, национальных особенностей и т.д. Игнорирование общих закономерностей, присущих всем странам, вступающим на путь социализма, проповедование особых национальных «моделей» социализма ведет к национализму» [127, с. 104]. Таким образом, считалось, что не существует единичных законов общества, а есть лишь специфика проявления особенных (типологических) законов в единичном обществе. Не подлежит сомнению наличие в единичном объекте своеобразного проявления особенных закономерностей объекта. Однако сводить понятие единичного лишь к такому своеобразию, отрицать реальность единичных законов – значит вступать в противоречие с известным положением философии (к которой как раз и апеллировали советские ученые) о диалектике общего, особенного и единичного.

Распространенное в советской науке понимание единичного выражалось применительно к специальному (узкому) понятию общественного строя в отрицании собственных законов общественного строя и сведению его к особенностям действия законов общественно-экономической формации в отдельной стране. Такая трактовка строя общества представляется нам неоправданно ограниченной. В данное понятие следует, вероятно, включать не только формы проявления особенных законов социума, но и специфические законы самого общественного строя, что не одно и то же. Только в такой трактовке общественный строй может претендовать на самостоятельное место в понятийном аппарате социальных наук. Понятие общественного строя является менее обобщенным, чем тип общества, характеризует ограниченный отрезок социального развития. Этому понятию свойственны поэтому отношения не одного типа, как это имеет место в индустриально-технологическом обществе, общественно-экономической формации, а отношения одного вида, то есть более схожие и тесно связанные отношения. Например, в рамках одной капитали-

стической формации выделяется несколько разновидностей общественного строя: строй на стадии первоначального накопления капитала, строй на монополистической стадии; строй империализма. Понятно, что четкую грань между типом общества и его видом провести невозможно. Эти понятия относительны. Вид общества в ином отношении может оказаться его типом. Тем не менее за названными понятиями стоит действительное содержание.

На основе вышеизложенного считаем возможным предложить определение общественного строя как философско-социологического понятия, включающего в качестве своей части отношения, образующие конституционный строй. Общественный строй – это имеющая свои законы функционирования и развития система всех общественных отношений одного вида. Если ещё проще, то общественный строй – это вид общества.

Общественный строй включает сферы политики, экономики, социальных отношений, культуры, все другие области социальной активности. Они характеризуются внутренними и внешними взаимодействиями, представляют собой обширное целое и в то же время сохраняют известную самостоятельность по отношению друг к другу. Общественный строй – это и государство с его властеотношениями, и материальное производство, основанное на собственности, и духовное творчество, и отношения социальных групп, и положение человека. Это картина всей человеческой жизнедеятельности.

В общественном строе нас интересуют прежде всего его основы. Понятие «основа» является философским. Оно носит ещё более общий характер, чем «общество», «общественный строй», ибо применимо не только к социальным, но и ко всем другим объектам мира. Под основой понимают совокупность наиболее глубоких, устойчивых свойств и отношений предмета, определяющих его происхождение, характер и направление развития. Схожее значение имеют термины «сущность», «принцип» [142, с. 362; 71, с. 692]. Если общественный строй определять как вид общества, то основа строя – это главный фактор жизнедеятельности данного общества, или его сущность.

По вопросу об основе общества в социальной философии и социологии конкурируют две группы теорий: монистические и плюралистические. Первые исходят из идеи о наличии в обществе одной сущности, а вторые – нескольких равнозначных сущностей. Как следует из литературы, подавляющее большинство ранее существовавших и современных теорий относится к первой группе. Фактор, который считается сущностью (основой) общества в рамках монистического подхода, имеет в различных теориях не одинаковую природу: биологическую, социально-духовную и, скажем так, социально-практическую. Биологическая природа главного фактора общественной жизни отстаивается прежде всего концепциями экологического детерминизма (А. Хайт, О. Дункан) и демографического детерминизма (О. Шпенглер). Социально-духовная основа общества может сводиться к религии (М. Вебер), мировоззрению (О. Конт), иным формам общественного сознания. Социально-практическая основа общества обосновывается индустриально-технологическими теориями, считающими такой основой технический фактор; марксизмом, усматривающим основу общества в производственных отношениях; теорией социального конфликта (Р. Дарендорф, Л. Козер) с её идеей об основополагающей роли политики в обществе.

Употребление в названии первого раздела Конституции Республики Беларусь слова «основы» (а не «основа») само по себе не означает, как нам представляется, закрепления плюралистического подхода к обществу. Достаточно сказать, что и в советские времена господства монистического марксизма первые разделы конституций употребляли слово «основы», а не «основа». По всей видимости, это объясняется практической направленностью конституционного регулирования, когда недостаточно закрепить лишь сущность общественного строя (или несколько сущностей при плюралистическом подходе). Требуется регламентация и более конкретных сторон социальной реальности.

В разделе «Основы конституционного строя» Конституции Республики Беларусь сначала идут нормы о политике, затем – экономике, после – социальных отношениях и, наконец, – духовно-культурных.

Однако, исходя из этой последовательности вряд ли можно делать вывод о философско-социологических предпочтениях нашего Основного Закона, в частности, о нормативном закреплении ведущего фактора (сферы) общественной жизни. Данная последовательность принципиально не может отразить философско-социологических аспектов проблемы, ибо является результатом правовой, в частности, конституционно-правовой, трансформации общественных отношений, имеющей свою логику и закономерности.

Элементами общественного строя на определенном этапе его развития выступают гражданское общество и государство. Гражданское общество можно назвать одним из самых популярных объектов изучения постсоветской науки [19, с. 6]. Хотелось бы остановиться на некоторых признаках данного явления, которые представляются нам наиболее существенными.

Гражданское общество – сфера общественного строя, характеризующаяся развитыми экономическими, политическими, социальными, культурными, правовыми связями, относительно независимыми от государства. Своей независимостью от государства гражданское общество противопоставлено отношениям в рабовладельческом, феодальном, тоталитарном обществах, а также сфере государственного строя. Гражданское общество представляет собой активную систему и способно самоорганизовываться, ему присущи развитые отношения [104, с. 4]. Этим оно отличается от первобытного общества с примитивными отношениями людей и сильной зависимостью от природы.

Гражданское общество и государство не изолированы друг от друга, они взаимодействуют, ибо общественный строй – единое целое. В связи с этим следует критически оценить позицию В.Е. Чиркина, выступающего против использования М.В. Баглаем и другими учеными понятия гражданского общества в конституционном праве. В.Е. Чиркин пишет, что современное государство активно регулирует различные общественные отношения, а концепция гражданского общества якобы призывает к «полному разрыву» общества и государства и пониманию гражданского общества как сферы, «совершенно независимой» от госу-

дарства [146, с. 130]. Для подобных выводов относительно концепции гражданского общества нет оснований. Во-первых, ни М.В. Баглай, ни другие правоведы не утверждают о полной независимости гражданских отношений от государства. М.В. Баглай отмечает, что гражданское общество остается свободным от государственного регулирования лишь «в главном» [3, с. 7]. Во-вторых, в социологической литературе не вызывает споров суждение, по которому «выделение гражданского общества как особой сферы ... не означает разделения социального пространства на два тщательно отгороженных друг от друга поля и понимания независимости гражданских институтов как полного отрыва их от государственных механизмов» [117, с. 12]. С.Г. Дробязко также указывает на тесную связь гражданского общества и государства: становление гражданских отношений возможно лишь в условиях одновременного формирования правового государства [28, с. 390].

В систему гражданского общества входят не только внутренние отношения, но и отношения субъектов гражданского общества с государством [118, с. 7]. С.А. Комаров охарактеризовал последние как отношения между властью и свободой [38, с. 200]. Действительно, отношения государства с гражданским обществом – это не отношения властвующих с подчиненными, то есть не властеотношения, а отношения, в которых власть должна гарантировать свободу. Видимо, к внутренним отношениям гражданского общества относятся публичные связи индивидов с обществом в целом, не опосредованные государством. Таким образом, гражданское общество включает и частные, и публичные отношения. В литературе отмечается, что существовавшая ранее четкая граница между государством и гражданским обществом сейчас размыта [16, с. 49]. Государственные организации сближаются с общественными (муниципальные органы), а общественные – с государственными (общественные объединения с публичными функциями).

Следует подчеркнуть, что гражданские отношения противостоят не политическим, а государственно-властным отношениям. Деятельность негосударственных политических субъектов (партий, движений) принадлежит к сфере гражданского общества.

«Гражданское» общество – значит общество граждан (личностей), а не государства, то есть сфера, в которой государство не участвует. Понятно, что и до периода зрелого капитализма личности существовали, но говорить о наличии их общества не приходится, ибо государство могло вмешаться в любую область их жизни. Все общество было, по сути, обществом государства. Полагаем, что нет ничего недопустимого в использовании для обозначения самоуправляющейся сферы социума публичных предикатов и понятий «гражданский», «гражданин». Мы уже отмечали, что гражданское общество имеет и публичный аспект, который, как представляется, не менее важен, нежели частный. Гражданское общество возможно лишь при определенных публичных отношениях – отношениях с государством, при которых оно не допускает прямого и произвольного вмешательства в жизнь граждан. Именно конституционному праву, предметом которого выступают главные публичные отношения, принадлежит ведущая роль в регламентации отношений гражданского общества с государством. Следовательно, гражданское общество является сегодня одним из важнейших конституционно-правовых феноменов, который может и должен изучаться с позиций науки конституционного права.

Односторонний подход к гражданскому обществу способен породить иллюзорное представление о нем как о некоем царстве свободы и благополучия. Справедливо мнение о том, что гражданское общество характеризуется единством только в его связях с государством. «Взятое вне этого принципиального соотношения, оно выглядит как сфера проявления самых разнонаправленных интересов, пронизанная многочисленными противоречиями» [16, с. 36].

Положения настоящего раздела убеждают в возможности использования различных теоретико-методологических стратегий для изучения общественного строя, включая гражданское общество. Отечественным ученым следует постепенно вводить в свой арсенал проверенные концепции и исследовательские средства зарубежной науки.

Таким образом, философско-социологическим базисом понятия «конституционный строй» служит категория общественного строя. В

специальном значении общественный строй – это имеющая свои законы функционирования и развития система всех общественных отношений одного вида.

2.2. Сущность конституционного строя и института основ конституционного строя

Поскольку рассмотрение основ конституционного строя зависит от решения более общих вопросов конституционного права, необходимо вначале очертить нашу позицию по этим вопросам.

Известно, что отрасль конституционного права, подобно любой отрасли права, выделяется прежде всего по предмету правового регулирования. Полагаем, что предметом конституционного права являются главные публичные отношения. Поскольку критерий выделения тех или иных отношений, регулируемых определенной отраслью права, и, соответственно, критерий выделения правовых отраслей должен быть единым для всей системы права, то систематизация права видится нам следующим образом. Все юридические нормы делятся на два крупных блока: публичное право и частное право. Критерием деления здесь выступает специфика опосредуемых общественных отношений, то есть предмет регулирования. Публичное право регулирует отношения, «обеспечивающие общий, совокупный (публичный) интерес ...» [152, с. 335]. Публичный интерес в литературе понимается как «интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией её существования и развития» [136, с.54]. Отношения, которые обеспечивают частные интересы, то есть интересы индивидов и их объединений (корпораций) в их имущественной деятельности и в личных отношениях, составляют предмет частного права [152, с. 435].

Далее, публичное и частное право можно поделить по степени важности регулируемых отношений на две группы норм: основополагающие и производные нормы. В качестве критерия мы берем опять же общественные отношения (предмет), однако в ином их аспекте. Основополагающей группой норм в рамках публичного права и будет отрасль кон-

ституционного права. Группа производных норм не является единой структурной частью системы права, не образует одной правовой отрасли, ибо данные нормы не характеризуются тесной взаимосвязью. И конституционное право, и группа производных норм регламентируют публичные общественные отношения. При этом конституционное право регулирует, во-первых, все данные отношения на уровне их наиболее общих, а значит и существенных черт (например, нормы об основах хозяйственных, финансовых, духовно-культурных, социальных отношений); во-вторых, некоторые, а именно главные публичные отношения регулируются конституционным правом в полном объеме (к примеру, избирательные отношения, гражданство, территориальная организация государства). Как первые, так и вторые отношения, составляющие предмет конституционного права, едины в одном – в их сущности, охватывающей или уровень (часть) отношений, или отношения в полном объеме. Кроме того, данные отношения взаимосвязаны.

Группа производных норм публичного права делится по сфере регулируемых публичных отношений на такие отрасли публичного права, как административное право, регулирующее отношения в сфере управления, финансовое право, которое определяет финансовые отношения, экологическое право, регулирующее отношения в сфере природоохраны и природопользования, и т.д.

Такие же критерии следует применять для систематизации частного права. Заметим, что на роль группы основополагающих норм в рамках частного права может претендовать гражданское право. Так, белорусский цивилист и теоретик права В.А. Витушко отмечает в своем «Курсе гражданского права», что «гражданское право является общей отраслью для всех других отраслей частного правового характера» [15, с. 60].

Приведенная модель системы права носит довольно абстрактный характер и отражает поэтому не все, а лишь наиболее существенные стороны системного аспекта права. Для адекватного воспроизведения правовой действительности данная модель требует детализации, в частности, – применения дополнительных критериев систематизации права, известных науке общей теории права.

В приведенной модели нами усматривается теоретическая основа эмпирически признаваемого большинством отечественных правоведов числа и видов отраслей права, а также (для нас это главное) роли конституционного права в системе права. Данная модель может служить теоретической базой суждения о конституционно-правовой природе тех юридических норм, которые включены в отрасль конституционного права всеми современными (белорусскими и российскими) и большинством советских ученых, в частности норм об экономических, социальных и духовно-культурных отношениях.

Все нормы конституции относятся к отрасли конституционного права, если имеют своим предметом главные публичные отношения. Конституционно-правовыми являются нормы и иных источников права, регулирующие те же отношения. Отграничить конституционную отрасль от остальных отраслей публичного права удастся лишь в принципе. Нельзя четко установить, достаточно ли важны те или иные публичные отношения, чтобы включать опосредующие их нормы в конституционное право. Здесь мы согласны с В.Ф. Котоком, полагавшим «бессмысленным искать... точную межевую линию» между конституционным правом и рядом других отраслей [50, с. 66].

В отличие от отраслей частного права, конституционное право регулирует отношения, в которых реализуется публичный интерес. По словам Ю.А. Тихомирова, «определить содержание и пределы действия публичного интереса довольно трудно» [136, с. 54]. Следовательно, нет четкой границы у конституционного права и с частными отраслями.

В современной науке признано, что публичный характер имеют не только политические отношения. Ю.А. Тихомиров отмечает, что «публичное право охватывает многие сферы. Это – устройство государства и власти, сферы управления и организации самоуправления, выражение публичного интереса... в каждой из сфер – экономической, социальной и других» [136, с. 27].

Полагаем, что не все публичные отношения, входящие в предмет конституционного права, имеют конечной целью осуществление государственной власти, создание условий для её реализации или её огра-

ничество, как утверждается в литературе. Например, конституционные нормы о неполитических правах и свободах человека призваны обеспечить его деятельность не столько в политике, сколько в иных сферах общества, а также гарантировать автономию личности и возможность вообще не проявлять социальную активность. Те же положения конституции не только ограничивают власть, но и наоборот, требуют от неё активного вмешательства в общественные процессы с целью гарантировать социальные и прочие права человека. Но главное в том, что конституционное право регулирует экономические, социальные, духовно-культурные отношения не только в силу их политической значимости. Эти отношения регулируются в той мере, в которой в них имеется публичный интерес. Такой интерес, как уже отмечалось, может быть не только политическим, но и экономическим, социальным, духовно-культурным и т.д. Конституционное право имеет целью обеспечить реализацию публичного интереса независимо от сферы общества, в которой он формируется.

Осуществление публичного интереса невозможно без участия государства. Поэтому государство является обязательным субъектом конституционно-правовых отношений. Конституционная правосубъектность государства служит средством, но не целью конституционного права.

Из сказанного вытекает, что нормы о главных публичных экономических, социальных, духовно-культурных и прочих неполитических отношениях относятся к отрасли конституционного права наряду с политическими отношениями. Таким образом, следует признать конституционно-правовую природу института основ конституционного строя, регулирующего отношения в различных сферах общества. Единство отношений, составляющих предмет конституционного права, заключается в их публичности и существенности.

Понятие основ конституционного строя производно от понятия конституционного строя, а последнее – от понятия конституции. Полагаем, что к сущностным признакам конституции следует относить не только ограничение государства. Сложно обосновать общность консти-

туций капиталистических и социалистических стран в плане ограничения государственной власти. Например, Конституция БССР 1919 г. содержала принципиальное положение о том, что «вся власть» принадлежит Советам, провозглашала задачу установления «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии» [46]. Но дело не только в особенностях конституций стран социализма. В науке признана мысль о происходящей в современном мире, в том числе в капиталистических странах, трансформации конституционных принципов, которые на заре конституционализма считались неотъемлемыми признаками ограниченной власти. Формулу французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. – «Всякое общество, в котором... не проведено разделение властей, не имеет Конституции» – нельзя сегодня принимать без оговорок. В литературе отмечается, что «тенденция усиления исполнительной власти влечет подчас искажение принципа разделения властей» [41, с. 56]. При этом ограничиваются полномочия парламента. Учеными признается и тенденция социализации конституций, выражающаяся не в ограничении, а наоборот, в усилении регулирующей роли государства применительно к обществу. В ряде новейших конституций нормы о государственной политике в самых разнообразных сферах общественной жизни занимают чуть ли не половину их текста. Вряд ли возможно усмотреть в подобных нормах сущность ограничения государственной власти.

В отмеченных тенденциях следует, пожалуй, видеть не закат конституционализма, а новый этап в его развитии, качественное преобразование юридической сущности конституции.

Исходя из сказанного выше, конституцией мы признаем основные законы не только западного, либерального образца, но и социалистической модели, не закреплявшие, например, разделения властей.

Проблема реальности конституции связана с понятием конституционного строя. Конституционный строй – это закрепленные в конституции реально существующие публичные отношения. Конституционный строй есть в том обществе, где, во-первых, принята конституция и, во-вторых, она является реальной, то есть реализуется на практике. Со-

держание конституции при этом не имеет значения, поскольку даже терминологически конституционный строй произведен от конституции вообще, а не определенной ее разновидности. Многие авторы сталкиваются с противоречием, когда считают конституционным строем реализацию лишь демократических конституций, признавая в то же время конституцией любые основные законы, в том числе авторитарные.

Конституционным строем мы называем не предмет регулирования конституции (конституционного права), как это делали И.Е. Фарбер и Ю.П. Еременко, а правоотношения, включая их фактическое содержание – действия, которые совершаются субъектами, пользующимися конституционными правами и исполняющими конституционные обязанности, а также их бездействие при соблюдении конституционных запретов [110]. Конституционный строй поэтому есть результат регулятивного воздействия конституции, а не ее предмет.

Конституционный строй – это часть общественного строя, понятие которого рассмотрено в предыдущем разделе работы. В отличие от последнего, конституционный строй включает не все общественные отношения, а лишь урегулированные конституцией. Конституция может и не закреплять существенных сторон общественного строя в целом, ограничившись, например, политической сферой. Это особенно характерно для старых конституций. Конституционный строй в таком случае не будет отражать сути общественного строя. В конституционный строй входят отношения, закрепленные любой структурной частью конституции, а не только ее общим (вводным) разделом.

Понятие конституционного строя частично пересекается с понятием государственного строя. Под последним мы понимаем государство на определенном этапе своего развития, или совокупность всех государственных отношений одного вида. Государственный строй соотносится с государством таким же образом, как общественный строй с обществом. Государственный строй включает не только внутригосударственные отношения (между государством в целом и его частями, между органами, должностными лицами), но и внешние государственно-властные отношения с индивидами, организациями, социальными общ-

ностями и т.п. Межгосударственные отношения также являются частью государственного строя. Конституционный строй охватывает не все названные отношения, а лишь те, которые урегулированы конституцией. Кроме того, конституционный строй связан с определенным, достаточно поздним этапом в развитии государственного строя, когда начинают приниматься первые конституции. Однако в одном аспекте конституционный строй шире государственного – он включает и такие закрепленные конституцией отношения, которые не являются властеотношениями: отношения в сфере гражданского общества, отношения по поводу прав и свобод человека.

Последнее обстоятельство позволяет уяснить и соотношение конституционного строя с конституционным государством: оно представляет собой часть конституционного строя. Понятие конституционного государства можно обозначить также термином «конституционный государственный строй».

Понятие конституционного строя в смысле закрепленных конституцией общественных отношений является не только научным, но и нормативным. Оно употребляется в Конституции Республики Беларусь и конституциях зарубежных государств [39]. Его можно встретить в конституциях всех стран СНГ и Балтии, кроме Молдовы и Латвии [72]. Данное понятие часто обозначается термином «конституционный строй». Например, – в статье 1 части 3, статье 5 части 3, статье 16 части 3 Конституции Республики Беларусь; статье 8 части 2, статье 20 частях 3 и 4, статье 20-а, статье 28 частях 1 и 3 Основного закона ФРГ; статье 5 части 3, статье 17 части 4 Конституции Украины; статье 3 части 2 Конституции Литовской Республики; статье 57 Конституции Республики Узбекистан. Нередко это же понятие выражается как «конституционный (право)порядок»: статья 5 абзац XLIV Конституции Бразилии; статья 52 Конституции Швейцарии; статья 8 часть 1 Конституции Испании. Кстати, соответствующий термин в бразильской Конституции переводится иногда и как «конституционный строй» [42, с. 169]. Статья 125 часть 1 Конституции Азербайджанской Республики содержит термин «конституционное устройство». Во многих языках термины

«строй», «устройство», «порядок», «система» и т. п. могут выражаться одним и тем же словом, поэтому иногда все зависит от перевода, как в случае с бразильской Конституцией.

Употреблению в основных законах понятия конституционного строя присущи некоторые закономерности. Данное понятие упоминается при необходимости выразить всю систему конституционных отношений: порядок функционирования политических институтов, взаимоотношения государства с гражданами и организациями и т. д. Такая необходимость возникает, когда, например, конституционный строй становится объектом защиты со стороны государства. (Государство защищает при этом и себя, так как в основных чертах является частью конституционного строя). В частности, конституции упоминают о конституционном строе в связи с чрезвычайным положением и запретом деятельности определенных общественных организаций (например, религиозных и иных).

Иногда из текста конституции трудно понять, используется термин «конституционный строй (устройство, порядок)» в рассматриваемом нами значении – как закрепленные конституцией общественные отношения – или он обозначает саму конституцию, то есть правовые нормы. Так, статья 55 Конституции Эстонской Республики содержит правило: «Прибывающие в Эстонию граждане других государств и лица без гражданства обязаны соблюдать конституционный строй Эстонии». Подобные трудности связаны с тем, что в содержательном плане понятия конституционного строя и конституции обозначают одно и то же явление: конституционный строй – отношения в действительности, а конституция – это отношения в правовом отражении. В большинстве случаев конституции применяют дифференцированные формулировки для выражения конституционного строя и самой конституции. Например, – «определять» конституционный строй, но «принимать» конституцию; «уважать», «быть верным» конституционному строю, но «соблюдать» конституцию; «устранить», «свергнуть» конституционный строй, но «нарушить» конституцию. Кроме того, в перечне объектов, требующих государственной защиты, вместе с конституционным стро-

ем чаще называются именно фактические ценности, а не нормы права: общественный порядок, демократическое государство, территориальная целостность государства, общественная и государственная безопасность, здоровье населения, гражданское согласие.

В качестве нормативного понятия конституционный строй включает, по всей видимости, отношения, закрепленные лишь основным законом, от названия которого – «конституция» – и происходит выражение «конституционный строй». Наука же может включать еще и понятие отношений, урегулированных всей отраслью конституционного права. Данное более широкое понятие можно назвать «конституционно-правовым строем». Такой термин, правда, в несколько ином значении, употребил профессор Н.А. Сидоров во вступительной статье к работе К. Хессе «Основы конституционного права ФРГ» [145, с. 9].

И понятие конституционного строя, и понятие конституционно-правового строя отражают действительность и имеют право на существование.

В литературе иногда встречается термин «правовой строй» [122, с. 203; 56, с. 44]. Точное объяснение его значения, как правило, отсутствует. Видимо, правовой строй – это общественные отношения, закрепленные всей совокупностью правовых норм. Конституционный строй тогда будет важнейшей частью правового строя. О правовом строе можно говорить применительно к любой отрасли права, выделяя, скажем, административно-правовой строй, финансово-правовой строй, гражданско-правовой строй.

Исходя из содержания предшествующего раздела работы в части значения термина «основа», можно сказать, что основы конституционного строя – это важнейшая часть конституционного строя, совокупность его сущностных элементов. Если конституционный строй составляют закрепленные в конституции общественные отношения, то основы конституционного строя – это наиболее существенные из данных отношений. Такое понятие основ конституционного строя встречается в конституциях, хотя и реже, чем понятие конституционного строя. Конституция Российской Федерации в статье 13 пункте 5 запрещает «со-

здание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя». В Основном законе ФРГ упоминается об «основах свободного демократического строя» (ст. 11 ч.2, ст. 21 ч.2).

Первые разделы (главы) конституций Беларуси, России, Армении, Таджикистана, Туркменистана, Абхазии называются «Основами конституционного строя». Согласно статье 16 части 1 Конституции Российской Федерации, положения ее первой главы составляют основы конституционного строя. Следовательно, под основами конституционного строя можно понимать не только наиболее существенные общественные отношения, но и нормы конституции, которые регулируют данные отношения. Эти нормы являются самыми общими и важными в конституции и конституционном праве в целом.

Конституционный строй при таком подходе – это совокупность всех норм конституции (а конституционно-правовой строй – совокупность норм отрасли конституционного права). Конституционный строй здесь оказывается тождественным конституции (конституционно-правовой строй – тождественным отрасли конституционного права). Однако в таком понятии конституционного строя нет никакой необходимости, так как оно не отражает нового явления.

Большинство конституций начинается с общего (вводного) раздела (главы). Называются они не только «Основами конституционного строя», но и, например, следующим образом: «Основные принципы» (в конституциях Италии, Молдовы), «О суверенитете» (Конституция Франции), «Вводный раздел» (Конституция Испании), «Общие положения» (конституции Швейцарии, Грузии), «Литовское государство» (Конституция Литвы). В подобных разделах содержатся в принципе такие же положения, как и в разделах «Основы конституционного строя». Дело не в названии, а в особенностях и значении норм общих (вводных) разделов. Данные разделы составляют содержание единого понятия, которое мы будем обозначать термином «основы конституционного строя».

Основы конституционного строя – один из конституционно-

правовых институтов. Известно, что институты конституционного права различаются по предмету регулирования. Можно согласиться с распространенными в науке идеями, суть которых в том, что в отличие от отрасли права, регулирующей однородные отношения, правовой институт регулирует более узкий круг отношений, а именно отношения одного вида, существующие в пределах однородных отношений. Считаем, что в юридической литературе, особенно учебного характера, недостаточное внимание уделяется мысли о том, что выделение конституционно-правовых институтов (и, думается, правовых институтов вообще) – особый вид классификации правовых норм [63, с. 29]. Институт конституционного права – это группа норм, не просто имеющих общий признак, а тесно связанных между собой. Игнорирование этой идеи может привести к отождествлению института с видом конституционно-правовых норм. Благодаря тесной связи составляющих его норм институт реально существует как единое явление. Вид конституционно-правовых норм образуют и такие нормы, которые не взаимосвязаны, а значит, не выступают единым явлением. Полагаем, что связь правовых норм, их функционирование как целого – главное в понимании института конституционного права. Этот главный аспект не должен отесняться рассуждениями о предмете, методе, содержании или каких-либо иных признаках институтов.

Нормы об основах конституционного строя выделяются в самостоятельный институт не по критерию специфики содержания и субъектов регулируемых отношений, который используется нами для формирования остальных конституционно-правовых институтов. Критерием выделения данных норм служит наибольшая степень важности регулируемых отношений. Нормы об основах конституционного строя детализируются в каждом из последующих разделов конституции. Это становится возможным в связи с закреплением данными нормами тех же отношений по содержанию и субъектам, что и иными разделами конституции. Однако основы конституционного строя отражают более существенный уровень данных отношений. Только в этом заключается особенность предмета регулирования основ конституционного строя как

института. Основы конституционного строя состоят из положений, опосредующих общие признаки государства, главные аспекты его политико-территориальной организации, взаимоотношений государственных органов, статуса коллективных субъектов (организаций, социальных групп), индивидов, основные направления политики государства по отношению к обществу. Основы конституционного строя регулируют качественно различные отношения – властные и невластные – и определяют статус различных субъектов: государства, коллективов, личности. На уровне наиболее существенных черт основы конституционного строя регулируют все отношения, входящие в предмет конституционного права, и определяют статус всех конституционно-правовых субъектов.

В институте основ конституционного строя имеются и нормы, закрепляющие главные аспекты структуры (организации) общества: формы собственности, принципы распределения материальных благ, основы политической и социальной систем, духовно-культурных отношений и т. п.

Разделы конституций об основах конституционного строя преимущественно посвящены обществу в целом, его важнейшим сферам, основам организации государства и невластных коллективных субъектов. Однако нельзя отрицать факт наличия в таких разделах и норм о статусе личности. В Конституции Республики Беларусь к основам конституционного строя отнесены положения о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью общества и государства, об ответственности гражданина перед государством за неукоснительное исполнение конституционных обязанностей (ст. 2), о принципах гражданства (ст. 10), статусе иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 11), о праве убежища (ст. 12), о свободе хозяйственной деятельности (ст. 13 ч. 2). Схожие нормы закреплены в первых разделах конституций многих постсоветских государств. Общие (вводные) разделы конституций Италии, Испании, Швейцарии, Бразилии и других стран также отражают принципиальные аспекты статуса личности.

Отсутствие у основ конституционного строя содержательно и

субъектно специфического предмета регулирования подтверждается конкретизацией и даже дублированием принципов первых разделов конституций в их последующих разделах. Например, Конституция Республики Беларусь относит к основам конституционного строя положение о том, что «народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией» (ст.3 ч.1). Конкретные же правила непосредственной и представительной демократии закрепляются в разделах III и IV Конституции, а также подконституционных актах. Конституция Испании содержит самые общие и важные положения относительно общественных организаций в разделе об основах конституционного строя («Вводном разделе») (ст.ст.6 и 7), а менее значимые положения о тех же субъектах – в последующем разделе (ст.22 ч.2–5). Нормы о гражданстве в Конституции Российской Федерации находятся и в главе об основах конституционного строя (ст.6), и в главе, закрепляющей правовой статус личности (ст.ст. 61, 62). Тем самым российский Основной Закон разграничивает эти нормы по степени важности. Таким же образом обстоит дело и с государственными органами России: их виды установлены первой главой (ст.10, ст.11 ч.1), а конкретные полномочия – главами 4–7. Конституция Италии относит к основам конституционного строя (раздел «Основные принципы») право и обязанность граждан трудиться (ст.4). Это объясняется тем, что основой государства, согласно статье 1 части 1 итальянской Конституции, является труд. Остальные права и обязанности личности содержатся в последующих разделах. Главные принципы экономики Молдовы, закрепленные статьей 9 частями 3, 1 и 2 первого раздела Конституции, продублированы в разделе IV «Национальная экономика и публичные финансы» (ст.126 ч.1), содержащем нормы института гражданского общества.

Содержательное и субъектное разнообразие норм об основах конституционного строя не исключает их взаимосвязи, благодаря которой данные нормы образуют единый конституционно-правовой институт. Так, Г.А. Василевич отмечает, что положения первого раздела Конституции Республики Беларусь обуславливают друг друга, не существуют

изолированно, только в совокупности дают картину конституционного строя как единого явления [11, с. 109]. Например, принцип высшей ценности человека связан с нормами о народном суверенитете, свободе политической, экономической, культурной деятельности. Норма о народном суверенитете, в свою очередь, обуславливает разделение властей, равенство партий. Принцип государственного суверенитета воплощен в конституционных статьях о внешней политике и территориальной организации государства. Тесная связь норм института основ конституционного строя обеспечивается регулированием общественных отношений, единых по признаку их максимальной важности. Отношения, не имеющие такого признака, не могут составлять предмет рассматриваемого института. Если бы основы конституционного строя включали все конституционно-правовые нормы о статусе коллективных общественных субъектов (партий, общественных объединений, хозяйственных организаций), то они не представляли бы собой единого института. Это объясняется отсутствием здесь единственно возможного связывающего признака – максимальной существенности регулируемых отношений [112, с. 43].

В основах конституционного строя следует различать нормы, посвященные наиболее общим аспектам отношений, и нормы, скажем так, о главных аспектах отношений. Первая группа норм закрепляет основы тех отношений, которые детализируются конституционными положениями, не относящимися к основам конституционного строя. То есть основы конституционного строя закрепляют общие признаки отношений, а иные нормы конституции – особенные признаки тех же отношений. Приведенные в качестве примеров нормы конституций, кроме итальянской, принадлежат к данной группе норм. Вторая группа норм об основах конституционного строя регулирует отношения, входящие в предмет конституции, в полном объеме. Однако эти отношения в принципе равны по своей значимости отношениям, регулируемым нормами первой группы. Например, положения Конституции Италии о праве и обязанности граждан трудиться не являются более общими по сравнению с остальными правами и обязанностями граждан, не отнесенными

к основам конституционного строя Италии. Тем не менее и вторая группа норм об основах конституционного строя выделяется по критерию наибольшей важности регулируемых отношений.

Отличить основы конституционного строя от иных конституционно-правовых положений можно лишь в принципе. Здесь имеет место такая же ситуация, как и при соотношении конституционного права с другими публичными отраслями права. Невозможно однозначно установить, какой должна быть степень важности юридической нормы, чтобы включать ее в основы конституционного строя. Всякие попытки найти жесткий перечень положений, которые относятся к основам конституционного строя, неплодотворны. Сказанное подтверждается тем, что идентичные принципы в одних конституциях находятся в разделах об основах конституционного строя, а в других – помещаются в иные разделы. Например, положения о роли политических партий и ограничениях их деятельности содержатся в разделах «Основы конституционного строя» конституций Беларуси (ст. 5) и Таджикистана (ст. 8), но в последующих разделах конституций Украины (ст.ст. 36, 37) и Молдовы (ст. 41). Вопросы гражданства регулируются разделами об основах конституционного строя в конституциях Беларуси (ст.10) и Туркменистана (ст. 7), но в последующих разделах конституций Армении (ст. 14) и Испании (ст. 11).

Конкретные конституционно-правовые институты функционируют в направлении внутриотраслевой дифференциации – подвергают специфическому регулированию определенный вид отношений в пределах предмета конституционного права. Данные институты взаимосвязаны, благодаря чему конституционное право составляет систему. Для достижения же целостности отрасли взаимных связей ее конкретных институтов недостаточно. Высшая степень целостности конституционного права возможна при условии наличия в его системе такого элемента, который связывал бы его институциональные части не только реальным (практическим), но и логическим взаимодействием; другими словами – обобщал бы конституционно-правовые институты. Таким элементом, обеспечивающим высшую степень единства конституционного права, является ведущий институт основ конституционного строя.

Соотношение института основ общественного строя, характерного для СССР и других социалистических государств, с институтом основ конституционного строя видится нам следующим образом. Предметом института основ общественного строя выступают отношения, составляющие сущностные аспекты социально-экономической и политической структуры (организации) общества и государства. Многие отношения, которые входят в предмет конституционного права, даже на уровне самых важных своих признаков не регулируются институтом основ общественного строя: отношения в области территориальной организации государства, полномочий и порядка формирования государственных органов, статуса личности. Институт основ конституционного строя регулирует основы всех отношений, образующих предмет конституционного права, независимо от того, составляют ли они структуру общества. Кроме того, даже в части закрепления структуры общества институты основ общественного строя и основ конституционного строя различаются. Основы конституционного строя не подвергают эту структуру широкому правовому воздействию, устанавливая прежде всего принципы свободы и саморегуляции общества.

Названные отличия двух институтов оправдывают использование в законодательстве и науке специального термина «основы конституционного строя». Основы конституционного строя – это основы организации и функционирования не только общества и государства, но и человека, а также создаваемых им объединений.

Среди норм об основах конституционного строя можно выделять общеотраслевые, полиинституциональные и институциональные принципы. Первые регулируют основы отношений, входящих в предмет всех конкретных конституционно-правовых институтов и таким образом оказывают на них руководящее воздействие. Вторые устанавливают отправные начала, являются общими для нескольких, но не всех институтов отрасли. Примерами общеотраслевых принципов могут служить принципы демократического, социального государства (ст.1 ч.1 Конституции Республики Беларусь, ст.1 Конституции Франции), верховенства права (ст.5 Конституции Швейцарии, ст.1 Конституции Украины), народного суве-

ренитета (ст.3 Конституции Республики Беларусь, ст.1 ч.1 Конституции Италии, ст.1 Конституции Японии), гуманизма (ст.2 ч.1 Конституции Республики Беларусь, ст.1 абз. 3 Конституции Бразилии, ст.2 Конституции Италии), справедливости (ст.1 ч.1 Конституции Испании). Полиинституциональными принципами являются, например, законность в деятельности государства (ст.7 ч.2 Конституции Республики Беларусь, ст.3 ч.1 Конституции Эстонии, ст.20 ч.3 Основного закона ФРГ), распространяющаяся на институты политико-территориальной организации государства и государственных органов; равноправие (индивидов, коллективов) (ст.1 ч.1, ст.9 ч.2 Конституции Испании) – оказывает руководящее воздействие на институты правового статуса личности и гражданского общества; на те же институты распространяются принципы свободы политической деятельности (ст.15 ч.4 Конституции Украины) и свободы предпринимательства (ст.1 абз. 4 Конституции Бразилии).

Общеотраслевые и полиинституциональные принципы составляют главную часть основ конституционного строя. Тексты конституций различных государств свидетельствуют об отнесении к основам конституционного строя также принципов, которые имеют своим предметом те же отношения по содержанию и субъектам, что и один из конкретных институтов конституционного права. Такие принципы мы называем институциональными. Основами конституционного строя признаются, например, такие институциональные принципы, как разделение властей (ст.6 Конституции Республики Беларусь, ст.3 ч.4 Конституции Казахстана), осуществление государственной власти Президентом, Федеральным Собранием, Правительством и судами (ст.11 ч.1 Конституции России) (совпадают по предмету (в части содержания и субъектов) с институтом государственных органов); унитаризм (ст.1 ч.1 Конституции Республики Беларусь), федерализм (ст.1 ч.1 Конституции Бразилии) (– с институтом политико-территориальной организации государства); свобода деятельности политических партий и ассоциаций (ст.ст.6, 7 Конституции Испании) (– с институтом гражданского общества); защита и покровительство гражданам со стороны своего государства (ст.7 ч.2 Конституции Туркменистана), равенство граждан (ст.3 ч.1 Конституции Италии) (– с институтом

правового статуса личности).

В любой конституции есть главные конституционно-правовые принципы, определяющие содержание остальных ее норм и конституционного права в целом. Данные принципы не всегда систематизированы и представлены отдельным разделом, не всегда составляют правовой институт. Несмотря на это, их можно называть основами конституционного строя соответствующего государства. Так, в Конституции США отсутствует раздел об основах строя. Тем не менее, основами конституционного строя данного государства можно считать прямо закрепленные в Конституции республиканскую форму правления (ст. IV разд. 4), верховенство Конституции (ст. VI ч. 2).

В отличие от норм права, правовые принципы существуют и имеют обязательную силу и без непосредственного закрепления в конституциях и других источниках права. Правовые принципы – это нормативные обобщения, они выводятся из содержания конкретных норм. Одни и те же конституционно-правовые принципы (основы конституционного строя) могут быть закреплены в конституционных актах непосредственно, а могут быть результатом логического вывода из совокупности конкретных юридических норм. В любом случае они не тождественны нормам права, которые реальны лишь при условии непосредственного нормативного закрепления.

Таким образом, основами конституционного строя допустимо считать не только правовой институт, то есть закрепленную в законодательстве группу взаимосвязанных юридических норм. Основы конституционного строя – это и такие положения, которые вообще не сформулированы в тексте конституции. Например, непосредственно не отражены в Конституции США, но выводятся из совокупности ее норм следующие принципы, которые следует относить к основам конституционного строя данного государства: разделение властей (ст. ст. I, II, III); народный суверенитет (ст. I разд. 1–4, ст. II разд. 1, поправка XIV разд. 2, поправка XV, поправки XVII, XIX, XXIV, XXV); федерализм (ст. I разд. 10, ст. IV разд. 3–4, ст. VI ч. 2, поправка X); свобода личности (ст. I разд. 9 ч. 2 и 3, разд. 10 ч. 1, поправки I–IX, XIII, XIV разд. 1).

Конституции относят к основам конституционного строя не только принципы, но и конкретные нормы, имеющие определяющее значение для конституционно-правового регулирования общественных отношений. В основы конституционного строя Республики Беларусь входит норма о праве политических партий и других общественных объединений пользоваться государственными средствами массовой информации (ст.5 ч.2); в основы конституционного строя Италии – норма о праве и обязанности граждан трудиться (ст.4); в главе «Основы конституционного строя» Конституции Армении содержится правило о том, что «заключенные от имени Республики Армении международные договоры применяются только после ратификации» (ст.6 ч.5).

Наличие в конституциях раздела об основах конституционного строя представляется достоинством их структуры. Едиными принципами охватываются все отношения, входящие в предмет конституционно-правового регулирования. Любые правовые нормы должны согласовываться с основами конституционного строя, что содействует единству и непротиворечивости системы права. Конституция становится совершенной нормативной системой с субординационными логическими связями ее наиболее общих и главных элементов – основ конституционного строя – с производными элементами, то есть остальной совокупностью конституционных положений.

Итак, конституционный строй – это закрепленные в конституции публичные отношения. Конституционный строй выступает частью общественного строя, включая не все общественные отношения, а лишь урегулированные конституцией. Основы конституционного строя – ведущий конституционно-правовой институт, закрепляющий важнейшие черты государства, общества, организаций и личности. Данный институт регулирует те же отношения по содержанию и субъектам, что и остальные конституционно-правовые институты в их совокупности. Специфика предмета основ конституционного строя заключается только в максимальной важности данных отношений.

2.3. Конституционно-правовой институт гражданского общества: сущность, система и соотношение с институтом основ конституционного строя

В системе конституционного права помимо ведущего и наиболее общего института основ конституционного строя мы выделяем четыре конкретных института. Это институты гражданского общества, правового статуса личности, политико-территориальной организации государства («государственного устройства»), государственных органов. Известно, что среди элементов общественных отношений есть в том числе субъекты и содержание. Данные элементы прежде всего и воплощают предмет регулирования как критерий выделения конкретных конституционно-правовых институтов. Субъекты и содержание отношений тесно взаимосвязаны, о чем применительно к конституционным правоотношениям писал С.С. Кравчук [52, с. 103].

Подчеркнем, что названные четыре института конституционного права выделяются не по сфере общества и не по степени важности регулируемых отношений. Институты гражданского общества и правового статуса личности регулируют отношения в самых разных общественных сферах: политике, экономике, социальной сфере, духовной культуре и других. Каждый из конкретных конституционно-правовых институтов закрепляет субъектно и содержательно специфические отношения. Эти отношения существуют параллельно (наряду друг с другом), не соотносятся как общее с особенным или сущность с явлением. При таких условиях не возникает ситуации, когда какой-либо конкретный институт (или несколько институтов) закрепляет основы отношений, а другие институты (или один институт) закрепляют менее важные аспекты тех же отношений.

Каждый из четырех институтов не в одинаковой мере однороден с остальными институтами. Больше сходство по предмету регулирования и содержанию норм имеет место между институтом гражданского общества и институтом правового статуса личности; между институтом

политико-территориальной организации государства и институтом государственных органов. Обязательными участниками отношений, регулируемых первыми двумя институтами, являются индивиды или их организации. По содержанию эти отношения не носят в принципе государственно-властного характера. Обязательными участниками отношений двух других институтов выступают органы государства, государство в целом, его части или народ. Содержанию этих отношений присуща государственно-властная природа.

В нашей концепции одним из институтов конституционного права является институт гражданского общества, отличный от института основ конституционного строя. Мы в принципе не включаем в институт гражданского общества конституционно-правовые нормы о государстве как субъекте отношений, являющихся по своему содержанию властеотношениями. Основные права и обязанности индивида как первичного микросубъекта общества устанавливаются конституционно-правовым институтом статуса личности. В отличие от него, институт гражданского общества регулирует жизнедеятельность вторичных, более крупных социальных феноменов: политических партий, общественных, в том числе религиозных, объединений, средств массовой информации, хозяйственных организаций, учреждений культуры, спорта и т.п., классов, возрастных и гендерных групп, этнических общностей, иных социальных групп, гражданского общества в целом. Институт гражданского общества – обширная совокупность конституционно-правовых норм, имеющая свою предметную и содержательную специфику.

В институте гражданского общества можно выделить три группы норм:

1. нормы о статусе вышеназванных коллективных общественных субъектов;
2. нормы не о субъектных, а структурно-функциональных аспектах общества;
3. нормы о политике государства применительно к обществу.

Заметим, что небольшое число самых важных норм этих групп входит не в институт гражданского общества, а в институт основ кон-

ституционного строя. Все остальные нормы, как правило рассматриваемые в литературе в качестве основ конституционного строя, относятся к самостоятельному институту гражданского общества, а не к институту основ конституционного строя. Институт гражданского общества регулирует менее значимые отношения, нежели институт основ конституционного строя.

Статус коллективных общественных субъектов качественно отличен от статуса индивидов. Первые не обладают многими правами и обязанностями, принадлежащими индивидам, что особенно наглядно проявляется, например, в области личных и социальных прав. Некоторые права и обязанности закрепляются исключительно за коллективами. Специфика данных субъектов обуславливает необходимость принятия специальных конституционно-правовых актов, которые регулируют их статус и порядок осуществления деятельности. В Беларуси это законы «О политических партиях», «Об общественных объединениях», «О свободе совести и религиозных организациях», «О печати и других средствах массовой информации», «О профессиональных союзах», «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь». Значительное число норм данных законов относится к институту гражданского общества.

Вторая группа выделенных нами норм – это положения, определяющие содержание общественных отношений, их объекты, сферы общества, общественные процессы. Такие нормы безличны, они распространяются на всех и каждого, кто соприкасается с урегулированными ими аспектами общественных отношений. Нормы данной группы опосредуют системную и функциональную характеристику общества. Сюда относятся, например, положения Конституции Республики Беларусь об элементах финансово-кредитной системы и её функционировании (раздел VII); Конституции Бразилии о принципах организации и целях экономического порядка (ст.170), социального порядка (ст.193), национальной финансовой системы (ст.192), принципах регулирования сферы образования (ст.206) и медицинской деятельности (ст.198); Конституции Испании о цели и принципах образования (ст.27 пун.2, 4), режи-

ме использования национального и государственного достояния (ст.128 пун.1, ст.132 пун.3); Основного закона ФРГ о свободе искусства, науки (ст.5 пун.3), религиозном обучении в государственных школах (ст.7 пун.3). Специфическая природа подобных норм, их несводимость к нормам о правах и свободах индивида признается как в российской [41, с. 192], так и западной науке. Известный немецкий конституционалист К. Хессе усматривал в разделе I «Основные права» Основного закона ФРГ в том числе нормы, не содержащие никаких прав личности [145, с. 147]. В противовес нормам о субъективных правах личности, эти нормы К. Хессе называл «элементами объективного правопорядка в обществе», «основами общеправового положения общества», (!) «основами общественного строя» [145, с. 147, 156].

В институт гражданского общества входят и правила, регулирующие политическую деятельность (политику государства по отношению к обществу). Они составляют значительную, если не большую, часть этого института. Политику государства следует отличать от корреспондирующих правам человека обязанностей государства, которые входят не в институт гражданского общества, а в институт правового статуса человека. Нельзя забывать, что институт правового статуса человека регулирует именно отношения, а не просто определяет конституционно-правовые характеристики одного субъекта – личности. Всякое же отношение, как известно, предполагает наличие минимум двух субъектов. В отношениях института правового статуса личности таковыми субъектами являются человек и государство. Строго говоря, данный институт закрепляет права и обязанности не только человека, но и государства применительно к нему. Отношения института правового статуса человека – это, как известно, не властеотношения. Государство здесь несёт перед человеком определенные обязанности. Понятно, что каждому конституционному праву человека корреспондирует обязанность государства. Содержанием данной обязанности выступает то или иное поведение государства по отношению только и именно к человеку как обладателю субъективного права. Такое поведение государства заключается в предоставлении индивиду определенных благ, невмешательстве в его жизнедеятельность и т.п.

А все действия, предпринимаемые государством для создания указанных благ, обеспечения условий для реального пользования индивидом своими правами, не входят в содержание обязанности государства в отношении с человеком, регулируемых институтом правового статуса личности, так как составляют содержание принципиально иных конституционно-правовых отношений.

Права человека требуют от государства предоставления таких благ, которые не возникают сами по себе, их надо создать. Некоторые блага (социальная помощь, образование, благоприятная окружающая среда) предполагают для своего обеспечения колоссальную работу государства. Чтобы осуществить эту работу, у государства должны быть значительные, особые права, в частности, властные полномочия. Только располагая правом на власть, реализуя эту власть, государство в состоянии сформировать реальные гарантии прав человека. Властная деятельность государства, имеющая конечной целью обеспечение и защиту прав человека, и есть его политическая деятельность, политика как элемент института гражданского общества. Государственная политика не охватывается полностью данным институтом, ибо несёт в себе различные аспекты. Собственно властный аспект не является принципиальным для института гражданского общества, но об этом мы скажем ниже.

Политика государства реализуется в иных конституционно-правовых отношениях, нежели обязанности государства применительно к человеку как носителю субъективных прав. Человек не вправе потребовать от государства проведения политики, предписанной конституцией. Данное обстоятельство объясняется тем, что политика – право государства, которому корреспондирует обязанность индивида, а также всех социальных субъектов подчиняться властной воле государства. Политика является и обязанностью государства. Однако данной обязанности соответствует право не индивида, а всей их совокупности, образующей народ, перед которым и несет ответственность демократическое государство. Указанное право народа закрепляется не институтом правового статуса личности, а институтами, регулирующими властеотношения.

Государственная политика не входит в институт правового статуса личности не столько по причине властного характера возникающих при этом отношений, сколько потому, что государство воздействует здесь прежде всего не на отдельного человека, а на всю совокупность общественных отношений, общество в целом и его отдельные сферы. Государственная политика в принципе осуществляется применительно к тем аспектам общества, которые закрепляются второй группой выделенных нами норм института гражданского общества.

Нормы о государственной политике содержатся, как правило, в разделах конституций о правах человека. Например, в разделе II Конституции Республики Беларусь устанавливается право человека на благоприятную окружающую среду (ст.46 ч.1). В части 2 той же статьи говорится, что «государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды». Данная норма закрепляет политику государства. Специфический характер норм о политике государства проявляется в том, что ряд новейших конституций содержит их в специальных разделах (главах), отличных от разделов о правах человека. Это конституции Бразилии, Испании, Швейцарии. В статье 225 Конституции Бразилии сказано: «Все имеют право на пользование экологически сбалансированной окружающей средой... ; обязанность защищать и сохранять эту среду для блага живущих и будущих поколений возлагается на органы государственной власти и на общество». Далее следует Параграф 1: «Для обеспечения эффективности этого права органы государственной власти компетентны:...» – и идёт перечисление соответствующих полномочий государства. В данном примере особенно отчетливо видно различие между, с одной стороны, правом человека и корреспондирующей ему обязанностью государства и, с другой стороны, политикой государства, закрепленной Параграфом 1 процитированной статьи.

Таким образом, каждая из трёх групп норм института гражданского общества качественно отличается от норм, составляющих институт правового статуса личности.

Ещё большей спецификой институт гражданского общества обладает по сравнению с конституционно-правовыми институтами государственной власти (то есть институтами политико-территориальной организации государства и государственных органов). Первые две группы норм института гражданского общества не регулируют властеотношений. В этом их главное отличие от норм институтов государственной власти. Кроме того, отличаются они от последних и по кругу субъектов, на которых распространяется их регулирующее действие. Пояснения требует соотношение с институтами государственной власти третьей группы норм о гражданском обществе – норм, предусматривающих политику государства применительно к обществу.

Властеотношения сложны по своей природе и обуславливают необходимость дифференцированного конституционно-правового регулирования. Закрепляя одни полномочия за государством в целом, а другие – за его частями (административно-территориальными единицами, субъектами федерации), институт политико-территориальной организации государства регулирует в основном властеотношения: между государством в целом и его частями, которые должны подчиняться государству; между государством в целом, его частями, с одной стороны, и обязанными подчиняться им всеми иными лицами, с другой. Институт государственных органов распределяет властные полномочия государства в целом и его частей по отдельным органам и регулирует в основном властеотношения: между вышестоящими и нижестоящими органами государства; между органами государства и всеми иными лицами, на которых лежит обязанность выполнять волю государственных органов.

Все названные нормы призваны закрепить правовую модель властеотношений: кто обладает властью, на кого она распространяется, в какой сфере она существует, какими методами она осуществляется. Данные элементы образуют механизм государственной власти как её формальный аспект. Однако помимо формы, государственная власть имеет и относительно самостоятельную содержательную сторону, которая и составляет политику государства. Наличие у регулируемых конституционным правом отношений государственной власти фор-

мального и содержательного аспектов признается в конституционно-правовой литературе [124, с. 30]. Содержание государственной власти (политика государства) – это функции государства, те действия, которые оно осуществляет по отношению к обществу. Собственно властный аспект здесь вторичен или даже не проявлен вовсе. Назначение конституционных норм о политике государства заключается не в определении полномочий государственных органов, государства в целом, его частей в отношениях друг с другом и социальными субъектами как подчиненными власти лицами, а в обустройстве общества, определении его черт. Просто это делается не непосредственно, как в двух первых группах норм о гражданском обществе, регулирующих невластные отношения, а опосредованно – через установление государственных функций применительно к обществу.

Принципиальное отличие государственной политики от механизма государственной власти как собственно властных отношений имеет эмпирическое подтверждение: конституции, как правило, распределяют две регулирующие их группы норм по разным главам. Надо иметь в виду, что словесное выражение норм о политике государства и собственно властных отношениях может быть очень схожим, поэтому в каждом случае следует точно устанавливать, с нормами какого института – гражданского общества или институтов государственной власти – мы имеем дело. Например, статья 51 часть 4 Конституции Республики Беларусь содержит норму института гражданского общества в части политики государства: «Государство содействует развитию культуры, научных и технических исследований на благо общих интересов». Властный аспект тех же отношений урегулирован нормой института государственных органов в статье 107: «Правительство Республики Беларусь... обеспечивает проведение государственной политики в области науки, культуры...». В чем заключается содержание этой «государственной политики» из последней нормы не ясно, ибо её назначение иное: определить, какой орган государства наделен полномочиями в данной сфере и, соответственно, какие органы не вправе вмешиваться в эту сферу. Очевидно, что статья 107 не конкретизирует норму статьи 51

части 4, ибо имеет специфический предмет регулирования, существующий наряду с предметом нормы статьи 51 части 4. Конституция Швейцарской конфедерации содержит положения о государственной политике в том же разделе и даже в тех же статьях, что и положения о политико-территориальной организации государства. Однако и здесь заметно отличие этих двух групп норм. Так, статья 62 часть 1 гласит: «Предоставление образования в публичных учреждениях относится к ведению кантонов». Данная норма регулирует отношения между конфедерацией и её субъектами, а также между последними и всеми иными лицами (индивидами, организациями), обязанными подчиняться воле кантонов, и входит в институт политико-территориальной организации государства. А в части 2 той же статьи сказано: «Кантоны принимают меры для получения достаточного образования для всех детей. Такое образование является обязательным, осуществляется под руководством и наблюдением органов публичной власти...». Эта норма относится к институту гражданского общества и регулирует государственную политику в сфере образования: устанавливает содержание политики и, в конечном счете, определяет черты образовательной сферы общества.

Таким образом, нормы о государственной политике как части института гражданского общества следует отличать от норм, закрепляющих государственно-властные отношения и имеющих иную институциональную принадлежность.

Кроме государственной политики в отношении общества, государство как властный субъект не опосредуется институтом гражданского общества. Государственно-властные отношения публичны по своей сути. В любом государственно организованном обществе, на любой стадии его развития они имеют принудительный характер, общесоциальное значение и не могут опосредоваться частным правом. Конституционное право с момента своего возникновения всегда регулировало и будет регулировать данные отношения. Невластные же отношения (отношения, не являющиеся государственно-властными), закрепляемые институтом гражданского общества, попадают под конституционное

воздействие лишь на определенном, достаточно позднем этапе развития конституционного права, когда утрачивают прежние частные черты и становятся публичными отношениями. Данные отношения однородны с государственно-властными отношениями лишь в той мере, какая обуславливает их регулирование одной отраслью права – конституционным правом. Такая однородность заключается в публичном и основополагающем характере как тех, так и других отношений. Благодаря этому гражданские и государственно-властные отношения образуют целостный конституционный строй. Государство обязательно участвует в отношениях, регулируемых и институтом гражданского общества, и институтами государственной власти. Однако рассматриваемые две группы отношений не являются одновидовыми, если проводить классификацию регулируемых конституционным правом отношений по конкретным субъектам и содержанию. В результате мы приходим к выводу, что невластные отношения не могут регулироваться теми же конкретными конституционно-правовыми институтами, которые регулируют государственно-властные отношения.

Институт гражданского общества не только обладает качественными особенностями по отношению ко всем другим институтам конституционного права, но и внутренне един. По своей сути он регулирует не властные, а гражданские (точнее, государственно-гражданские) отношения. В этом его содержательное единство. В поле его регулирующего действия попадают не индивиды, а вторичные, в том числе предельно масштабные общественные субъекты. В этом его субъектное единство [109, с. 184].

Большинство конституций не имеет специальных глав о гражданском обществе. Нормы данного института содержатся чаще в главах, закрепляющих правовой статус личности. Нередко в конституциях имеются отдельные структурные части о финансах. Многие нормы таких частей входят в институт гражданского общества. Однако есть в них, как правило, и нормы о полномочиях государственных органов в сфере финансов, относящиеся к другим институтам. Конституция Республики Беларусь содержит нормы о гражданском обществе в разделах

II «Личность, общество, государство», VII «Финансово-кредитная система Республики Беларусь».

В ряде новейших конституций имеются отдельные структурные части, отвечающие предлагаемому нами понятию конституционно-правового института гражданского общества. Таков раздел III «Общество и личность» Конституции Республики Узбекистан. Раздел состоит из четырех глав: «Экономические основы общества», «Общественные объединения», «Семья», «Средства массовой информации». Нормам о гражданском обществе посвящены глава 3 «Общество и государство» и глава 4 «Народное хозяйство и труд» Конституции Литовской Республики. Крупные специальные разделы объединяют большую часть норм института гражданского общества в Конституции Бразилии: раздел VII «Об экономическом и финансовом порядке», раздел VIII «О социальном порядке». Гражданское общество Испании представлено в Конституции этого государства главой 3 «О руководящих принципах социальной и экономической политики» раздела I и разделом VII «Экономика и финансы». В разделе IV «Национальная экономика и публичные финансы» Конституции Республики Молдова имеются нормы института гражданского общества.

На основе вышеизложенного допустимо ставить вопрос о необходимости самостоятельного раздела о гражданском обществе в демократических конституциях. Однако следует помнить, что система конституционного права и система конституции не совпадают. Необязательно, чтобы каждому конституционно-правовому институту соответствовала отдельная структурная часть конституции. Выделение в Конституции Республики Беларусь раздела о гражданском обществе возможно в перспективе по мере развития гражданских отношений.

Таким образом, в системе конституционного права наряду с традиционными институтами следует выделять правовой институт гражданского общества. Данный институт состоит из норм о статусе коллективных общественных субъектов, о структурно-функциональных характеристиках общества, о политике государства применительно к обществу. В предмет правового института гражданского общества входят

отношения в сферах политики, экономики, духовной культуры, социального развития. Институт гражданского общества регулирует менее значимые отношения, нежели институт основ конституционного строя.

ГЛАВА 3

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТОВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

3.1. Закрепление основ конституционного строя в Конституции Республики Беларусь

Основы конституционного строя закреплены в белорусском законодательстве непосредственно. Нет необходимости выводить их логическим путем из совокупности юридических норм. Кроме того, основы конституционного строя Беларуси систематизированы. Они представлены в одноименном разделе I Конституции. Нормы только первого раздела белорусской Конституции образуют институт основ конституционного строя.

Термин «конституционный строй» не является изобретением белорусского законодателя. В отечественное право он был введен Законом СССР от 14 марта 1990 г. «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР». На основе этого правового акта 28 июля 1990 г. в Беларуси был принят Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР», который и содержал новый для белорусского законодательства термин «конституционный строй». Закон вносил принципиальные преобразования в Конституцию БССР, в том числе в статью 7. Часть 2 данной статьи гласила (в новой редакции): «В Белорусской ССР запрещается создание и деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, имеющих целью насильственное изменение советского конституционного строя...» [97]. О «конституционном строе» упоминалось и в Постановлении Верховного Совета БССР от 25 августа 1991 г. «О текущем моменте», где осуждались действия ГКЧП [93]. Наконец, в преамбуле Закона Республики Беларусь от 11 декабря 1991 г. «О внесении изменений и дополне-

ний в Конституцию (Основной Закон) Республики Беларусь», предусматривавшем образование Совета Безопасности, также содержался термин «конституционный строй» [74].

Название раздела «Основы конституционного строя» впервые появилось не в белорусской Конституции. Ранее принимались конституции с таким разделом в Туркменистане (18 мая 1992г.), Казахстане (28 января 1993г. Сейчас в Казахстане действует новая Конституция от 30 августа 1995г., первый раздел который именуется «Общими положениями»), России (12 декабря 1993г.).

Почему же Конституция Республики Беларусь отказалась от термина «основы общественного строя», заменив его на «основы конституционного строя»? Полагаем, что это произошло по той же причине, которая обусловила противоположное решение в советский период, а именно включение в советские конституции разделов об «общественном устройстве (строе)», хотя и тогда был известен термин «конституционный строй». Современный белорусский законодатель исходил из противопоставления конституционного и общественного строя, имевшего место еще во времена В.И. Ленина, о чем мы писали в первой главе работы. При принятии действующей белорусской Конституции достоинство конституционного строя виделось в том же, в чем В.И. Ленин и советские ученые усматривали порок: в провозглашении лишь формального равенства и политической свободы, невмешательства государства в социально-экономические отношения, предоставлении прав на частную инициативу. В обстановке острых разногласий и неопределенности относительно типа общества, которое должно утвердиться в Беларуси, разработчики Конституции, вводя термин «конституционный строй», переводили вопрос в иную плоскость: не столь важно, какой общественный строй сформируется – социалистический или капиталистический. Главное, чтобы этот строй основывался на народовласти, гарантированности прав человека, недопущении государственного произвола и соответствовал конституции, то есть был конституционным. Надо признать весьма остроумным такое компромиссное и уклончивое решение проблемы выбора стратегического курса

развития общества. Мы еще вернемся к вопросу о том, усматривается ли в нормах первого раздела белорусского Основного Закона социалистическая, капиталистическая или иная социально-экономическая ориентация.

Несмотря на то, что «Основы конституционного строя» – общее название для всех двадцати статей раздела I Конституции Республики Беларусь, термин «основа» употребляется не во всех статьях данного раздела. Он присутствует в статье 4 части 1, статье 6, статье 8 части 2, статье 9 части 1, статье 14 части 1. Об «основе» говорится и в других разделах конституции, например, в статьях 32 части 2, статье 49 части 3, статье 81 части 1. Из статьи 97 пункта 2 и статьи 101 следует, что основы тех или иных отношений могут закрепляться не только в Конституции, но и, соответственно, в законах и декретах.

Таким образом, специфика раздела I Конституции не просто в том, что он содержит основы, а в том, что он содержит основы самого обширного целого – всего конституционного строя.

Не все, что является основой конституционного строя Беларуси, обозначено в разделе I словом «основа». Можно спорить, все ли положения этого раздела действительно имеют характер основы, например, нормы о праве убежища, символах и столице государства (ст.ст. 12, 19, 20). Недаром советские конституции отводили нормам о символике и столице государства место в последних разделах. О символах и столице государства упоминается в первом разделе Конституции Республики Беларусь видимо потому, что они характеризуют государство в целом, относятся не к отдельным органам или частям государства, а ко всему государственно организованному обществу. В остальном же статьи первого раздела содержат бесспорные основы строя. Так, статья 1 в части 1 устанавливает такие черты государства, которые носят характер самых глубоких основ, хотя соответствующее слово («основа») здесь и не употребляется. Показательным будет и следующий пример: многообразие политических институтов, идеологий и мнений названо в статье 4 «основой» (демократии), а равенству форм собственности в статье 13 дословно не определена роль «основы» (экономики или строя в це-

лом), хотя эта норма является не менее значимой, нежели предшествующая.

В разделе «Основы конституционного строя» встречается и термин «принцип». Обозначает он то же, что и «основа». Полагаем, что эти термины взаимозаменяемы. Разделение властей названо в статье 6 «основой», а верховенство права в статье 7 части 1 – «принципом». Здесь четко просматривается одинаково основополагающий и принципиальный характер обоих положений.

В предыдущей главе мы назвали элементами основ конституционного строя общеотраслевые, полиинституциональные и институциональные принципы и нормы. Каким же образом данные элементы представлены в статьях первого раздела Конституции Республики Беларусь?

Статья 1. Унитаризм является институциональным принципом, определяющим те же по содержанию отношения, что и институт политико-территориальной организации государства. Вряд ли оправданно, что первым признаком Республики Беларусь названа ее унитарность. Это не самая важная черта государства, уступающая его демократическому, социальному, правовому характеру. Унитаризмом следовало бы завершить перечень черт государства в части 1 рассматриваемой статьи, как это сделано, к примеру, в Основном Законе Таджикистана, либо вообще не закреплять данную черту в статье 1.

Демократизм государства является общеотраслевым принципом. Он оказывает руководящее воздействие на все конкретные институты конституционного права и находит специфическое воплощение в каждом из них. По сути, та же позиция выражена А.А. Головкин, связывающим понятие демократии с правами всех социальных субъектов: народа, его отдельных групп, личности [20, с. 39]. В институте правового статуса личности демократия представлена прежде всего политическими правами и свободами человека; в институте гражданского общества – статусом политических партий, других общественных объединений; в институте политико-территориальной организации государства – гласностью и учетом общественного мнения при решении вопросов административно-территориального устройства (ст.2 абз.10 Закона «Об ад-

министративно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» [96]); в институте государственных органов – избирательным правом, статусом представительных органов и т.д.

Положение о социальном характере Республики Беларусь можно считать общеотраслевым принципом [114]. В институте правового статуса личности данный принцип представлен социальными правами человека; в институте гражданского общества – социальной политикой государства; в институте политико-территориальной организации государства – равномерностью, сбалансированностью и комплексностью развития административно-территориальных единиц, взаимосвязью административно-территориального устройства с социально-экономическим районированием (ст.2 абз.6 упомянутого выше Закона); в институте государственных органов – распределением полномочий между органами в области социальной политики.

Республика Беларусь провозглашается правовым государством. Соответствующая норма Конституции является общеотраслевым принципом. Все субъекты – индивид, коллективы, государство в целом и его части, государственные органы – обязаны соблюдать правовые акты. Правовое качество государства в литературе связывается со всем комплексом прав и свобод человека, коллективов, разделением властей между органами государства, а также между государством в целом и его частями. Последнее обстоятельство объясняет общеотраслевую природу данного принципа.

Суверенитет Республики Беларусь закреплен нормами частей 2 и 3 рассматриваемой статьи. Этот институциональный принцип содержательно един с институтом политико-территориальной организации государства. Часть 2 статьи 1 раскрывает суть государственного суверенитета, но дословно о нем не говорит. Принципы демократического, социального, правового, унитарного государства также раскрываются в последующих статьях Конституции, но, кроме того, они прямо обозначены в части 1 статьи 1. Поэтому было бы логичным включение в перечень характеристик государства в части 1 и суверенитета Республики

Беларусь. Эта характеристика должна открывать часть 1 («Республики Беларусь – суверенное... государство»), ибо она указывает, по сути, на факт государственного бытия, которое логически предшествует сущности и содержанию государства: его демократическому, социальному и правовому характеру. Прямое закрепление суверенитета Беларуси важно и для увенчания сложной, хотя и «многовековой» (Преамбула), истории развития белорусской государственности. Суверенная черта государства открывает тексты конституций Украины, Армении, Грузии, Кыргызстана, Молдовы и других государств.

В статье 2 закрепляется общеотраслевой принцип приоритета интересов человека. По выражению М.В. Баглая, это «суперпринцип всего конституционного строя... Последующие главы Конституции, и особенно гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», – пишет М.В. Баглай об Основном Законе Российской Федерации, – подчинены этому суперпринципу, раскрывают и детализируют его» [3, с. 100–101]. Принцип приоритета интересов человека (принцип гуманизма) выражается во всех конституционно-правовых институтах. Помимо статуса человека он оказывает влияние на правовое положение коллективов, членом которых и является человек. Исходя из требования гарантировать права личности строится весь государственный механизм. Лишним представляется упоминание в части 1 рассматриваемой статьи о гарантиях реализации прав, свобод человека. Из такой формулировки буквально следует, что права и свободы личности являются высшей ценностью, даже если они не гарантированы, фиктивны. Вместе с тем очевидно, что права и свободы ценны, лишь когда реальны. Интересно отметить, что философия и социология не дают пока однозначного ответа на вопрос о соотношении интересов человека и общества: ни приоритет человека перед обществом, ни общества перед человеком нельзя признать доказанным [116, с. 23].

Закрепленный в статье 3 принцип народного суверенитета раскрывает суть положения статьи 1 части 1 о демократизме государства, поэтому и его можно считать общеотраслевым принципом.

Статья 4 также воплощает демократическую сущность конститу-

ционного строя и закрепляет политический плюрализм. Данная статья направлена прежде всего на раскрепощение политической деятельности граждан и их организаций, а не на устройство государственного аппарата. Поэтому политический плюрализм точнее можно назвать полиинституциональным принципом. Он воплощен в политических правах и свободах граждан, а также в деятельности партий, других общественных объединений, то есть в институтах правового статуса личности и гражданского общества.

Статья 5 содержит принципиальные положения о функциях и главных элементах статуса коллективных субъектов – политических партий, общественных организаций. Эти институциональные положения непосредственно определяют институт гражданского общества. По смыслу статьи 5, в Республике Беларусь не допускается существование партии, изначально являющейся руководящей и направляющей силой общества. Следовало бы прямо закрепить равенство политических партий, других общественных объединений. Подобные нормы есть в конституциях России (ст.13 ч.4), Узбекистана (ст.58 ч.1), Таджикистана (ст.8 ч.3).

Статья 6 устанавливает положение о разделении властей. Это институциональный принцип, регулирующий отношения, содержательно единые с предметом института государственных органов. Раздел IV Конституции позволяет предположить, что для государственной власти в Республике Беларусь характерно не только разделение, но и единство. Оно выражается не столько во взаимодействии ветвей власти и их общей конституционной основе, сколько в статусе Президента. Согласно статье 79, Президент олицетворяет единство народа, обеспечивает преемственность и взаимодействие государственных органов, осуществляет посредничество между ними. Полномочия Президента Республики Беларусь закреплены не исходя из классической модели разделения властей. В этой связи представляется необходимым устранить противоречие между статьей 6 и разделом IV.

Принцип верховенства права отражен в статье 7 и раскрывает положение статьи 1 части 1 о правовом характере государства. Тем не ме-

нее, в том виде, в котором сформулирован принцип верховенства права, он непосредственно определяет лишь институты государственной власти и не является общеотраслевым, так как в статье 7 закрепляются властеотношения. Подчиняться Конституции должны не только государственные субъекты, о которых упоминает часть 2. Очевидно, что соблюдать правовые акты обязаны и гражданские лица. Поэтому лучше бы перенести в статью 7 (часть 2) и норму раздела II статьи 52 об обязанности индивидов соблюдать Конституцию и законы, которая (норма) по степени важности регулируемых отношений вполне может относиться к основам конституционного строя [105, с. 10]. Кроме того, в статье 7 (части 2) допустимо сказать об аналогичной обязанности коллективов, в частности общественных объединений, убрав эту норму из статьи 5 части 1. Единые нормы, обязывающие всех лиц – государственных и гражданских – соблюдать конституцию и законы присутствуют в первых разделах конституций России (ст.15 ч.2), Таджикистана (ст.10 ч.2), Швейцарии (ст.5 ч.3), Испании (ст.9 ч.1).

Верховенство Конституции вытекает из содержания части 3 статьи 7. Прямое закрепление этот принцип нашел в разделе VIII (ст.137 ч.1). Вся правовая система строится на основе Конституции. Ее верховенство является важнейшей частью принципа верховенства права и поэтому может быть непосредственно отражено не в предпоследнем, а в первом ее разделе (в статье 7). По такому пути пошли конституции Армении (ст.6 ч.2), России (ст.15 ч.1), Грузии (ст.6 ч.1), Молдовы (ст.7).

Положения статьи 8 о роли международного права для правовой системы Беларуси воплощаются в институтах государственной власти. Иностранной в статье 8 является норма части 2. Она регулирует внешне-политические отношения, а не соотношение международного права с внутригосударственным и поэтому должна находиться вместе с положениями статьи 18.

Нормы статьи 9 непосредственно воздействуют на один институт – политико-территориальную организацию государства. Неточна формулировка части 3 данной статьи: территория не может делиться на административно-территориальные единицы. Территория – это объект конститу-

ционно-правовых отношений, а административно-территориальная единица – их субъект, а именно население, выделенное по признаку проживания на определенной территории. Корректнее было бы сформулировать эту норму так: «Территория Республики Беларусь делится на территории областей, районов, городов и иных административно-территориальных единиц». Правильны в этом смысле формулировки Закона «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь»: статья 3 части 5–8.

Статьи 10, 11, 12 Конституции содержат принципы и нормы, регулирующие отношения, единые по содержанию и субъектам с предметом института правового статуса личности. Вряд ли право убежища (ст.12) является по степени важности основой конституционного строя, тем более что оно распространяется не на граждан Республики Беларусь, а лишь на иностранцев и лиц без гражданства. Исходя из этого, норму статьи 12 лучше бы перенести в раздел II. Таким образом решен этот вопрос в конституциях России (ст.63 ч.1), Испании (ст.13, ч.4), Таджикистана (ст.16 ч.3).

В статье 13 содержится значительное число норм, большая часть которых является основой для института гражданского общества. Норму части 2 о том, что «государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности...», можно считать полиинституциональным. Право осуществлять хозяйственную деятельность имеют и индивиды (институт правового статуса личности), и коллективные субъекты (институт гражданского общества).

Схожие формулировки употреблены в частях 2 и 4 статьи 13. Часть 2 говорит о «равных правах», а часть 4 о «равных возможностях». Видимо, в последнем случае речь идет не о праве индивидов и организаций, а о политике государства в сфере экономики. Суть подобной политики удачно выражена в Конституции Италии, статья 3 часть 2 которой провозгласила задачей Республики «устранять препятствия экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой лич-

ности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны». Редакция части 5 статьи 13 представляется небезупречной. «Социальные цели» не существуют наряду с интересами «человека и общества», поэтому часть 5 достаточно изложить в следующей редакции: «Государство обеспечивает направление и координацию экономической деятельности в интересах человека и общества».

Статья 14 закрепляет принципы государственной политики применительно к социальным группам и отношений между коллективными субъектами в социально-трудовой сфере. Это институциональные принципы, имеющие в части содержания и субъектов общий предмет с институтом гражданского общества.

Такой же характер носит норма статьи 15, которая определяет государственную политику в духовно-культурной сфере общества.

Представляется необходимым сформулировать на основе статей 14 и 15 единую статью о национальной политике государства. В тексте Конституции, к сожалению, не представлена идея о белорусской нации как основе государства Республики Беларусь и о соответствующей направленности государственной национальной политики. Следовало бы включить в нашу Конституцию норму, подобную положению статьи 11 Конституции Украины: «Государство содействует консолидации и развитию украинской нации, ее исторического сознания, традиций и культуры, а также развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств Украины». Можно позаимствовать и норму статьи 11 части 4 Конституции Таджикистана: «Государство сотрудничает с зарубежными соотечественниками».

В статьях 16, 17 Конституции Республики Беларусь содержатся институциональные положения, связанные соответственно с институтом гражданского общества и институтами государственной власти.

Статья 18 регулирует политику Республики Беларусь в отношениях с другими государствами. В данном случае наше государство выступает в своем политическом качестве, поэтому закрепляемые здесь принципы

непосредственно влияют на институты государственной власти. Регулируемые конституционным правом внешнеполитические отношения довольно специфичны: государство здесь хотя и является суверенным политическим образованием, но не обладает властью над другими государствами.

Статья 19 называет виды символов Республики Беларусь как суверенного государства. Эта норма, подобно принципу государственного суверенитета, имеет общий в части содержания предмет с институтом политико-территориальной организации государства.

То же можно сказать и о статье 20, которая определяет город Минск столицей Республики Беларусь, то есть специфической административно-территориальной единицей.

Подчеркнем, что рассмотренные положения первого раздела Конституции Республики Беларусь входят только в институт основ конституционного строя, хотя и определяют содержание всех других конституционно-правовых институтов.

Расположение норм об основах конституционного строя подчинено в Конституции Республики Беларусь требованию системности. Во-первых, даже среди основ есть более и менее значимые. Соответственно выделяются две группы норм. Сначала располагаются более значимые нормы, затем – менее значимые. Вторая группа представлена лишь двумя последними статьями: 19 и 20. В первую группу входят нормы остальных статей.

Нормы первой группы довольно обширны, имеют поэтому собственную систему. Ее элементы также разновелики по объему: сначала идут «внутренние» основы конституционного строя (ст.ст. 1–17), затем – «внешние», определяющие внешнюю политику государства (ст.18).

«Внутренние» основы конституционного строя в свою очередь представлены элементами, которые выделяются по критерию сферы регулирования: политика (ст.ст. 1, 3–12), экономика (ст.13), социальная сфера (ст.14), духовная культура (ст.ст.15–17). Строго говоря, имеется здесь и надсферный элемент – нормы, опосредующие отношения во всех или нескольких сферах общества. Прежде всего это статья 2, за-

крепляющая единую сущность отношений государства и человека по поводу его политических, экономических, социальных, духовно-культурных и прочих прав, свобод, обязанностей.

Остановимся на наиболее общих аспектах содержания основ конституционного строя. В содержательном плане основы конституционного строя Беларуси – это существенные стороны общественного строя, то есть системы отношений между людьми в государственной сфере и в сфере гражданского общества. Таким образом, основы конституционного строя Беларуси характеризуют строй не только государства, но и гражданского общества. Эта мысль созвучна идеям А.В. Мицкевича, В.Е. Чиркина, О.Г. Румянцева и других авторов, признающих регулирование нормами главы «Основы конституционного строя» Конституции России как государственно-властных, так и невластных отношений. Например, А.В. Мицкевич оппонирует тем ученым, которые считают, что Конституция России (на тот момент – ее проект) не содержит положений о характере общественного строя [68, с. 15]. Отношения гражданского общества объективно требовали регламентации своих устоев в основном законе, что и было осуществлено в белорусской Конституции и конституциях других постсоветских государств.

В то же время степень регламентации отношений гражданского общества снизилась по сравнению с советскими конституциями. В них прямо закреплялся социалистический общественный строй как первый этап коммунистической общественно-экономической формации, поэтому никаких сомнений насчет конституционного типа общества быть не могло. Например, в Конституции 1978 г. наша республика дважды провозглашалась социалистическим государством (ст.1, ст.68); в Преамбуле констатировался факт существования в СССР социалистического общества; в первом и других разделах Конституции часто упоминалось о «социализме» (ст.ст.10,14,15), «социалистическом строе» (ст.37) [46]. В действующей Конституции Республики Беларусь нет формулировок о социализме. Не говорится в ней и о капиталистическом общественном строе. Значит ли это, что Конституция не закрепляет никакого

общественного строя*?

Если Преамбула Конституции СССР 1977 г. провозглашала построение коммунизма высшей целью государства, то в соответствии со статьей 2 части 1 действующей белорусской Конституции высшая цель государства – человек, его права и свободы. Конституция Республики Беларусь, согласно ее Преамбуле, принималась исходя из стремления утвердить права и свободы каждого гражданина, обеспечить гражданское согласие, незыблемые устои народовластия и правового государства. Важное значение имеет положение Преамбулы о приверженности общечеловеческим ценностям. Советские конституции и идеология не признавали или, по крайней мере, затушевывали общечеловеческие идеалы, единые для стран с разным общественным строем. Считалось, что есть лишь противостоящие друг другу социалистические и капиталистические ценности. В то же время была попытка выдать социалистические ценности за общечеловеческие. Преамбула союзного Основного Закона 1977 г. утверждала о «всемирно-историческом повороте человечества от капитализма к социализму». Рассуждая о фактическом сближении двух долго противостоявших друг другу мировых систем, А.В. Мицкевич отмечал, что «руководство КПСС, коммунистическая пропаганда продолжали не признавать не только идей конвергенции, но и реальных ее процессов» [68, с. 16]. Конституция СССР 1977 г. исходила лишь из принципа «существования государств с различным социальным строем», но никак не интеграционных идей. Приверженность общечеловеческим ценностям в действующей Конституции Республики Беларусь сама по себе означает не полный отказ от собственной (пусть даже социалистической) специфики, а отказ от противопоставления этой специфики ценностям других стран и акцент на общих ценностях всех государств мира. Это воплощение в нашей Конституции идей глобализма, о котором сегодня так много говорят и пишут. Таким образом, формула об общечеловеческих ценностях не дает ответа на вопрос о характере общественного строя Беларуси, ибо общепринятой модели

*Общественный строй здесь понимается не в специальном, а в широком значении, аналогичном категории общественно-экономической формации

устройства общества пока не существует.

Закрепляемый белорусской Конституцией строй несет в себе некоторые социалистические (точнее, социальные) элементы, выраженные в нашем Основном Законе значительно сильнее, чем, например, в Конституции России. Речь идет прежде всего о тех положениях, которые были включены в Конституцию белорусского государства на референдуме 1996 г. и касались I и II ее разделов. Так, в статье 13 весомая роль отводится нормам о государственном регулировании хозяйственной деятельности и государственном секторе экономики. Часть 8 данной статьи, гарантируя право трудящихся участвовать в управлении предприятиями, ограничивает тем самым права собственников этих предприятий. Социальные элементы явно отражены и в статье 44, предусматривающей пределы осуществления права частной собственности (часть 6). Усилена роль государства в банковской сфере: государство призвано гарантировать возврат вкладов населению (часть 4 той же статьи). Весьма радикальна социальная установка статьи 21 части 2: «Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий». Эта норма находится не среди статей о социальных правах человека, а среди принципов правового статуса личности. В то же время она сформулирована как субъективное право, а не как принцип. Возможно, право на достойный уровень жизни следует считать общим по отношению к остальным, прежде всего социальным правам человека. Оно воплощено главным образом в праве работников на справедливую долю вознаграждения не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование (ст.42), праве на социальное обеспечение в случае нетрудоспособности (ст.47), праве собственности (ст.44), праве на жилище (ст.48).

Эти и подобные им положения не являются новшеством белорусского Основного Закона. Все они встречаются в зарубежных конституциях или международных документах, хотя и нечасто. Можно по-разному оценивать целесообразность усиления регулирующей роли государства в обществе в результате внесенных в Конституцию изме-

нений на референдуме 1996 г. Однако новая редакция сделала нашу Конституцию более реальной и соответствующей действительно сильному государственному контролю над общественными процессами.

В то же время нет сомнений, что Конституция Республики Беларусь отказалась от модели социализма, который закреплялся советскими конституциями. Господству социалистической (государственной и колхозно-кооперативной) собственности Конституция противопоставила равенство всех форм собственности. Вместо запрета предпринимательской деятельности признается свобода частной экономической инициативы. Закрытый и субординационный тип социальной структуры (рабочие, а также крестьяне и интеллигенция) заменен на плюрализм и равенство социальных групп. Монополия марксистско-ленинского учения устранена принципом идеологического плюрализма. Источником государственной власти, народом считаются не только трудящиеся, но и частные собственники, представители любых социальных групп. Единая советская государственная власть разделена на три относительно самостоятельные ветви (хотя и с сохранением элементов единства). Отменена руководящая роль одной партии (КПСС), Конституция исходит из равенства политических партий. Отношения с другими государствами не ставятся в зависимость от характера их общественного строя. Следовало бы закрепить в статье 18 среди принципов внешней политики Беларуси принцип сотрудничества с членами мирового сообщества, как это сделано, например, в конституциях Украины (ст.18), Казахстана (ст.8), Туркменистана (ст.6).

Охарактеризованные нормы зачастую связываются с признаками капиталистического строя. Следует однако заметить, что Конституция Республики Беларусь не предусматривает верховенства частной собственности над государственной, частной экономической деятельности над публичной инициативой в сфере экономики. Класс собственников не назван ведущим элементом социальной структуры по отношению к трудящимся. Партии прокапиталистической ориентации не имеют конституционных преимуществ перед социалистическими или коммунистическими партиями. Таким образом, капиталистический обществен-

ный строй уравнен в Конституции с социалистическим строем, они имеют равные конституционные предпосылки. Юридически и теоретически допустима ситуация, когда социалистические формы хозяйствования в ходе свободной конкуренции возьмут верх над капиталистическими и станут монопольно господствующими. В Конституции ведь нет ограничений объемов государственной собственности и государственного сектора экономики. Подобное возможно и в политике: социалистические и коммунистические партии благодаря своей активности в рамках законодательства и в итоге демократических выборов могут стать фактическими монополистами в представительных органах власти и неизменно быть «руководящей и направляющей силой» общества. Запрещается лишь превращение фактического монополизма в юридический. Очерченная здесь модель социализма расходится с советской моделью в том, что утверждается в процессе свободной конкуренции с капиталистическим строем, а не принудительных политико-юридических мер и запрета капиталистических отношений.

Возможно и наступит когда-либо такой период в развитии человеческого общества, когда социализм будет формироваться в рамках конституционного строя, основанного на демократизме, свободе хозяйственной деятельности и равенстве субъектов во всех сферах общества. Пока этого на практике не происходит.

Итак, по своему юридическому содержанию основы конституционного строя Республики Беларусь нейтральны применительно к типу общественного строя: допускают существование социалистического, капиталистического или смешанного общественного строя.

Иное дело, что в реальной жизни формируется какой-либо один из названных типов устройства общества, который будет выступать уже не юридическим, а фактическим содержанием основ конституционного строя. Конституционные нормы, как известно, выступают лишь одним из факторов, определяющих формирование определенного общественного строя. Не меньшее, а зачастую даже большее значение имеют социально-экономические, политические условия конкретного социума. Применительно к фактическому содержанию основ конституционного

строю России А.В. Мицкевич писал, что «Системное видение общественного строя, основанного на равенстве всех форм собственности, свободе частной собственности и предпринимательства, в проекте Конституции России довольно явственно высвечивается. ...Общество, основанное на этих принципах, конечно же не социализм и не путь к его построению. Это и не «социалистический рынок». Видимо, строй, на который ориентирует проект новой Конституции России... – это современный капитализм. Он не похож на прежний, существовавший в 19 в. и даже в первой половине 20 в., но все же свобода предпринимательства ведет к капитализму» [68, с. 15]. Подобный вывод автора не лишен оснований. Полагаем однако, что существующие экономические, социальные, политические и духовно-культурные условия белорусского общества определяют формирование смешанного общественного строя, соединяющего в себе капиталистические и социалистические элементы. Этот строй и выступает на современном этапе фактическим содержанием основ конституционного строя нашего государства.

Основы конституционного строя Республики Беларусь можно свести к трем главным положениям: народовластие, свобода, равенство. Не следует преувеличивать значения двух последних принципов в ущерб первому. Если бы конституционное право было основано лишь на свободе и равенстве, то оно ничем не отличалось бы от отраслей частного права. Конституционное право призвано не только гарантировать права индивидов и коллективов, но и обеспечить подчинение их власти народа и учреждаемого им государства. В отношениях народовластия нет свободы и равенства. Любое, принятое в рамках Конституции решение властного субъекта должно строго исполняться всеми лицами. Основы конституционного строя направлены и на создание гарантий против узурпации власти. А.А. Головкич отмечает, что «народ должен самостоятельно определять путь своего развития, установление соответствующего строя, форм и методов реализации власти» [21, с. 27]. В той или иной мере народовластие воплощено в статьях 1, 3, 6, 7, 9 первого раздела Конституции нашего государства.

Свобода и равенство характеризуют сферу гражданского общества,

а не властных отношений. К основам конституционного строя Беларуси относится в целом свобода человека (ст.2), а также свобода политической (ст.4, ст.5), экономической (ст.13), национально-культурной (ст.15) и религиозной (ст.16) деятельности.

Свобода сама по себе не исключает неравенства, привилегий, поэтому третьей важнейшей основой конституционного строя Беларуси является равенство. Равны между собой политические партии, общественные объединения (ст.4), социальные, национальные и другие общности (ст.14), формы собственности (ст.13), религии и вероисповедания (ст.16).

Итак, институт основ конституционного строя Республики Беларусь исчерпывается нормами раздела I Конституции. Преобладающее число положений данного раздела относится к институциональным нормам. Представлены здесь также общеотраслевые и полиинституциональные положения. В содержательном плане основы конституционного строя Республики Беларусь – это существенные стороны общественного строя. Правовой формой данного общественного строя в белорусской Конституции выступают принципы народовластия, свободы и равенства.

3.2. Характеристика конституционно-правового института гражданского общества в Республике Беларусь

Конституционно-правовой институт гражданского общества имеет своим предметом невластные отношения в сферах политики, экономики, духовной культуры и социального развития. Самые важные отношения гражданского общества регулируются институтом основ конституционного строя. Для полноты исследования гражданских отношений мы коснемся и некоторых норм ведущего института конституционного права.

Самыми важными в политике являются отношения, связанные с устройством государственной власти [124, с. 10]. Но такие отношения не входят в предмет института гражданского общества, о чем мы писа-

ли ранее. В.С. Шевцов отмечал, что «государственная власть есть специфическая форма политических отношений и составляет лишь их часть» [149, с. 10]. Быть субъектом политики (политических отношений) – не значит обязательно располагать политической властью над обществом. Достаточно в той или иной мере воздействовать на эту власть. Подобное воздействие способны оказывать политические партии, общественные объединения, трудовые коллективы, граждане, иные субъекты. Можно говорить об обладании политической властью партиями, власть которых, однако, распространяется не на все общество, а лишь на их членов [6, с. 152]. Институт гражданского общества регулирует в Республике Беларусь политический статус партий, других общественных объединений, трудовых коллективов.

Регулирование отношений с участием названных коллективных субъектов производно от норм института основ конституционного строя. В разделе I Конституции Республики Беларусь закрепляется демократический тип политической сферы: о демократическом государстве и демократии упоминается, соответственно, в статье 1 части 1 и статье 4 части 1. В связи с этим можно отметить, что тип общественных отношений в других сферах (экономике, культуре, социальной сфере) не отражен в Конституции непосредственно. Согласно статье 4 части 1, демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия (плюрализма) политических институтов. Государство тоже является институтом, но приведенная норма означает, конечно, не множество государственных образований, органов государства. Речь идет о существовании иных, помимо государства, институтов – партий, других общественных объединений, которые выступают компонентом гражданского общества. Следовательно, статья 4 часть 1 имеет непосредственное отношение к рассматриваемому нами конституционно-правовому институту (гражданского общества): хотя и не входит в него, но оказывает руководящее воздействие.

Принцип политического плюрализма получил серьезную теоретическую разработку в трудах видных мыслителей, ученых XX века, среди которых можно выделить Г. Ласки и М. Ориу. Общей посылкой по-

литического плюрализма выступает идея о том, что государство допустимо считать демократическим только тогда, если в осуществлении государственной власти участвует множество организационных структур общества. Эта идея возникла в недрах усложненной социальной структуры зрелого капитализма, когда во многих развитых странах сформировались многопартийные системы [53, с. 281]. Принцип политического плюрализма следует отличать от принципа свободы политической деятельности. Политический плюрализм предполагает не просто свободу, а множество субъектов политики. В условиях свободной политической конкуренции фактически может утвердиться монополизм одного победившего субъекта. Принцип политического плюрализма направлен против подобного монополизма. Думается, что в качестве конституционного положения данный принцип означает прежде всего обязанность государства проводить политику по созданию условий для проявления многообразной политической инициативы субъектов гражданского общества.

Политический плюрализм необходимо сочетается с казалось бы противоположным принципом политического монизма в смысле единства источника государственной власти. «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республики Беларусь является народ», – гласит статья 3 часть 1 Конституции. Народ не делит свои суверенные права ни с кем, однако важнейшей гарантией их реализации служит плюрализм политических институтов.

В современной литературе признана мысль о том, что главным вектором демократизации сферы политики постсоветских республик является повышение роли партий, общественных движений, средств массовой информации [40, с. 178]. Политика должна быть делом не только государства, но и гражданского общества. Требуется, чтобы она перестала носить закрытый характер и допускала влияние неограниченного числа общественных формирований.

В Беларуси действует ряд нормативно-правовых актов о политических субъектах гражданского общества. Прежде всего это законы «О политических партиях», «Об общественных объединениях», «О про-

фессиональных союзах». В большинстве своем нормы этих законов принадлежат к конституционно-правовому институту гражданского общества. В содержании законов обратим внимание на два аспекта: самостоятельность указанных субъектов в отношениях с государством; их участие в осуществлении государственной власти. По Закону «О политических партиях», государственным органам и их должностным лицам запрещено вмешиваться в деятельность партий (ст.6 ч.2); одним из принципов статуса партий названо самоуправление (ст.4) [83]. Закон «Об общественных объединениях» в том же русле гарантирует самостоятельность общественных объединений (ст.4), не допускает вмешательства государственных органов и должностных лиц в их деятельность (ст.6 ч.2) [99]. Профсоюзы также пользуются самостоятельностью (по законодательной терминологии – «независимостью»), их деятельность может быть ограничена лишь в предусмотренных законодательными актами случаях (ст.3 Закона «О профессиональных союзах» [87]).

Более сложным для законодателя оказалось создание конкретного юридического механизма участия партий, общественных объединений, профсоюзов в осуществлении государственной власти. Основной возможностью партий является влияние через своих представителей в выборных государственных органах на выработку соответствующих решений. Условием реализации этой возможности служит участие партий в выборах (ст.5 ч.1 Конституции), которое имеет различные формы: выдвижение своих представителей в избирательные комиссии (ст.35 Избирательного кодекса [31]), выдвижение кандидатов в депутаты и агитация за них (ст.60 ч.3 и ст.45 ч.1 Избирательного кодекса), контроль за проведением выборов (ст.13 ч.3 и 4 Избирательного кодекса).

Закон «Об общественных объединениях» почти не предусматривает возможностей этих объединений воздействовать на государство. Закрепляется лишь их право представлять и защищать интересы своих членов в государственных органах (ст.20 абз.6), а также содержится отсылочная норма об участии общественных объединений в подготовке и проведении выборов. Это существенный недостаток Закона, тем более

что социально-экономические и социально-культурные общественные объединения играют в политических системах зарубежных стран большую и все возрастающую роль [41, с. 282]. Избирательный кодекс предусматривает право «других общественных объединений» (то есть не являющихся политическими партиями) выдвигать своих членов в состав избирательных комиссий (ст.35). Конституция предоставляет «общественным объединениям» право выдвижения кандидатов в депутаты (ст.69). Из статьи 5 и статьи 4 части 2 Конституции следует, что под «общественными объединениями» понимаются политические партии и другие общественные организации. Однако Избирательный кодекс допускает выдвижение кандидатов в депутаты лишь политическими партиями (ст.60 ч.3), на что уже обращалось внимание в литературе [18, с. 111].

Таким образом, конституционное положение о том, что общественные объединения «содействуют выявлению и выражению политической воли граждан», не получило достаточного развития в законодательстве.

Политический статус профсоюзов сильно отличается от статуса иных общественных объединений. Закон «О профессиональных союзах» наделяет их значительными правами в сфере политики. Совершенствование системы социального партнерства, взаимодействия профсоюзов, нанимателей (их объединений) и государственных органов названо в Законе одной из приоритетных задач социально-экономической политики Республики Беларусь, в разработке и реализации которой участвуют сами профсоюзы (ст.6 ч.1 и 2). Эти общественные объединения обладают правом нормотворческой инициативы по трудовым и социально-экономическим вопросам, могут участвовать в заседаниях органов исполнительной власти (ст.6 ч.3 и 4); совместно с государственными органами разрабатывают социальные программы по созданию условий, обеспечивающих достойный уровень жизни и свободное развитие личности, а также мер по социальной защите граждан; определяют основные критерии жизненного уровня (ст.11); осуществляют общественный контроль за соблюдением законодательства в социально-

экономической и экологической сферах (ст. ст.12, 13, 17–19).

Принятие законов об отдельных видах общественных объединений ведет к их неравноправию. Следует согласиться с А.В. Матусевичем, что такой путь является неверным. «Не отрицая в целом целесообразность издания законов, регулирующих деятельность различных общественных объединений, – отмечает он, – необходимо исходить из принципа равенства их правовых статусов в отношении с государством в качестве элементов политической системы» [66, с. 201]. Заметим, что если принцип равноправия партий отражен в законодательстве (ст.4 Закона «О политических партиях»), то применительно к общественным объединениям он не закреплен.

Политические права есть и у такого субъекта гражданского общества, как трудовые коллективы. Основной Закон БССР 1978 г. причислял трудовые коллективы к элементам политической системы, что было отражением чрезмерной политизации жизни советского общества. Действующая Конституция Республики Беларусь не называет их среди институтов, которые содействуют выявлению и выражению политической воли граждан (ст.5). Такой подход представляется правильным. Вместе с тем политизация трудовых коллективов фактически еще не преодолена.

Трудовые коллективы вправе выдвигать кандидатов в депутаты (ст.69 Конституции) и вести за них агитацию (ст.45 Избирательного кодекса). Представители трудовых коллективов могут входить в состав избирательных комиссий, а также быть наблюдателями на выборах (соответственно, ст.35 и ст.13 ч.3 Избирательного кодекса).

Плюрализм политических институтов дополняется в белорусской Конституции принципом идеологического плюрализма (ст.4 ч.1). В соответствии с данным принципом признается право каждого человека, каждой национальной, классовой, профессиональной и иной группы общества, каждой общественной организации иметь собственную систему взглядов на социальную реальность. Например, политические партии вправе разрабатывать и пропагандировать свои идеи, цели, программы (ст.5, ст.21 абз.2 Закона «О политических партиях»). Может ли иметь свою идеологию белорусское государство? Конституции России (ст.13

ч.2), Молдовы (ст.5 ч.2), Таджикистана (ст.8 ч.2), Узбекистана (ст.12 ч.2) запрещают установление государственной идеологии. В нашем Основном Законе такого запрета нет. Ни одно государство не в состоянии нормально функционировать без идейного обеспечения своей деятельности. Поэтому оно всегда разрабатывает определенную идеологию, что признано общей теорией государства и политологией. Весьма отрадно, что разработчики нашей Конституции не поддались господствовавшему на постсоветском пространстве стремлению к «полной деидеологизации» и не лишили государство возможности иметь собственную идеологию.

Часть 2 статьи 4 Конституции не допускает установления всеобщей обязательности идеологии части общества: социальных групп, партий, других общественных объединений. Но как быть в случае, если какие-либо идеи выражают духовные ценности не части общества, а всех или подавляющего большинства его членов? Признает ведь Конституция факт наличия общечеловеческих ценностей (Преамбула); тем более должно признаваться существование ценностей, единых для одного белорусского общества. Например, статья 54 Конституции упоминает о «национальных ценностях». Такие ценности и следует брать за основу государственной идеологии. Из части 2 статьи 4 не ясно, запрещено ли установление идеологии, отражающей ценности всего общества, в качестве обязательной. Исходя из принципа свободного развития личности (ст.2 ч.2), свободы мнений, убеждений (ст.33 ч.1), можно сделать вывод, что это запрещено. Часть 2 статьи 4 лучше бы изложить так: «Никакая идеология не может признаваться государством обязательной».

Государственность определенной идеологии не означает ее обязательности для всех, юридического верховенства над другими идеологиями. Распространение государственной идеологии должно осуществляться путем ее осознанного восприятия субъектами гражданского общества в ходе свободной конкуренции идей.

Идеологический плюрализм невозможен без свободы средств массовой информации, тем более, что в современном обществе они занимают важное место. Правовой институт гражданского общества включает конституционную норму статьи 33 части 3 о недопустимости мо-

нополитизации средств массовой информации, а также многие положения Закона «О печати и других средствах массовой информации» [82]. В теоретическом плане Закон интересен наличием всех трех групп норм института гражданского общества. Во-первых, регулируется статус субъектов средств массовой информации: их свобода и недопустимость злоупотребления ею (ст.3, ст.5), запрет цензуры (ст.4), право распространять и запрашивать информацию (ст.25, ст.32 ч.2), участвовать в международном сотрудничестве (ст.43 ч.3), обязанность бесплатно публиковать некоторые материалы (ст.29) и т.д. Во-вторых, Закон дает системную характеристику отношений в области массовой информации: согласно статье 3 части 4, система средств массовой информации – основа реализации права граждан на свободу слова и информации, важная составная часть национальной культуры. В-третьих, государственной политике посвящена норма той же статьи об определении государством мер, направленных на обеспечение экономической поддержки СМИ.

Конституция Республики Беларусь прямо не закрепляет тип экономической системы. К числу таких типов в литературе относят традиционную, командно-административную и рыночную экономику. Современное состояние последней зачастую характеризуется в качестве смешанной экономической системы или социально ориентированного рынка [33, с. 27–29]. Согласно преамбуле Закона «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь», «Закон направлен на создание условий для развития эффективной социально ориентированной рыночной экономики...». Статья 10 этого же правового акта говорит об обеспечении социального равенства «на этапе перехода к рыночной экономике» [88]. Утративший силу в 2004 г. Закон «О предприятиях» регулировал деятельность этих субъектов «в условиях развития рыночных отношений» (преамбула) [84].

Приведенные формулировки законов в совокупности с конституционными положениями о равенстве форм собственности, свободе предпринимательства, государственном регулировании экономики в социальных целях свидетельствуют, во-первых, о закреплении такого

типа экономической системы, как социально ориентированная рыночная экономика. Это признают и высокие должностные лица нашего государства [70]. Во-вторых, названная экономическая система находится в стадии становления. Хотя в конституциях западных стран не принято прямо закреплять тип экономической системы, для постсоветских обществ это вопрос актуального выбора. Видимо поэтому разработчики конституций Молдовы и Узбекистана включили в тексты положения о рынке, рыночных отношениях (соответственно, ст.9 ч.3 и ст.53 ч.1).

Известно, что основополагающим элементом экономической системы гражданского общества выступает собственность. В силу присущих им внутренних различий отношения собственности регулируются нормами различных отраслей права [120, с. 147]. Конституционное право также содержит нормы о собственности, причем они регулируют наиболее важные стороны данных отношений. В.А. Ржевский справедливо отмечал, что «при характеристике отраслевых институтов права собственности их обычно связывают со сферой имущественных или управленческих отношений и далеко не всегда в их числе упоминают конституционно-правовые институты, хотя именно последним принадлежит ведущая роль в регулировании отношений собственности» [120, с. 148]. Специфика конституционно-правовой регламентации рассматриваемых отношений выражается главным образом в определении форм собственности, признаваемых государством. Следовательно, именно конституционное право призвано закрепить положения о том, кто вправе обладать материальными благами.

Основной Закон Республики Беларусь не включает нормы о типе собственности как общей ее характеристике, определяющей иные элементы отношений присвоения. Подобная норма присутствовала в советских конституциях, где закреплялся социалистический тип собственности. Статья 13 часть 1 белорусской Конституции устанавливает две формы собственности: государственную и частную. Их особенности при этом не раскрываются. Согласно статье 213 Гражданского кодекса, субъектами права государственной собственности являются Рес-

публика Беларусь и административно-территориальные единицы, а частной собственности – физические и негосударственные юридические лица [23]. Включение собственности юридических лиц в понятие частной собственности оправдано. Критерием отнесения собственности того или иного субъекта к частной форме является наличие у него частного интереса. Такой интерес есть не только у индивидов, но и у коллективов (юридических лиц).

Закрепление в Конституции лишь двух упомянутых форм присвоения порождает трудности в квалификации собственности общественных организаций [113, с. 14]. Например, политические партии по своему предназначению служат публичным, а не частным интересам. Предпочтительнее поэтому положения Конституции Молдовы о публичной и частной формах собственности (ст.9 ч.1), Туркменистана о частной собственности, собственности объединений граждан и государственной собственности (ст.9 ч.1), России о частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст.8 ч.2).

Статья 13 часть 2 белорусской Конституции гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Равенство государственной и частной собственности является принципиальным положением. Оно определяет баланс интересов общества и личности. Это своего рода разделение властей на государственную и частную. Данные власти взаимодействуют и сдерживают друг друга.

В преамбуле Закона «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» речь идет о «многообразии форм собственности». Это выражение надо видимо понимать не столько как наличие двух форм собственности – государственной и частной, – сколько как существование многочисленных разновидностей частной собственности: акционерной, собственности иных хозяйственных обществ и товариществ, кооперативной, собственности фермерских хозяйств, индивидуальных предпринимателей и т.д.

Гарантией становления частной собственности в нашем обществе служит такой важнейший способ ее формирования, как приватизация. Это приобретение физическими и юридическими лицами права соб-

ственности на объекты, принадлежащие государству (ст.1 Закона «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь»). Приватизация, способы и темпы ее проведения вызывали и продолжают вызывать критику с различных сторон. Тем не менее В.И. Шабайлов считает, что Беларусь в этом плане имеет некоторые позитивные отличия от других постсоветских республик: «Приватизация здесь проводится не ради приватизации. ...Не ставится самоцелью приватизировать эффективно работающие предприятия (объединения)» [147, с. 44].

Частью экономической системы является экономическая организация – совокупность хозяйствующих субъектов. Последние представлены в основном предприятиями. Конституция Республики Беларусь упоминает о предприятиях лишь в связи с правом трудящихся принимать участие в управлении ими (ст.13 ч.8). Если в советский период деятельность предприятий носила ярко выраженный публичный характер, то по действующему законодательству они выступают, по сути, частными субъектами. Главной задачей предприятия является хозяйственная деятельность, направленная на получение прибыли для удовлетворения интересов членов трудового коллектива и интересов собственника имущества предприятия. В деятельности предприятия присутствует и публичный аспект, но он выполняет подчиненную роль. Законодательство предусматривает, к примеру, обязанность предприятия участвовать в работе по комплексному развитию территории, проводимой местным Советом депутатов. Вообще же удовлетворение публичных потребностей в продукции предприятия должно регулироваться государством экономическими методами. Для публично-правового статуса предприятия характерны такие принципы, как самостоятельность по отношению к государству и равноправие предприятий. Предприятие вправе по собственной инициативе принимать любые решения, не противоречащие законодательству. Государство обязано обеспечивать предприятиям независимо от форм собственности равные условия хозяйствования.

Названные принципы не реализуются в полной мере. Предприятия

различных форм собственности функционируют не в одинаковых условиях. Кроме того, хозяйствующие субъекты даже частной формы собственности, особенно принадлежавшие ранее государству, а также колхозы, далеко не самостоятельны в принятии решений.

Известно, что рыночная экономика предполагает конкуренцию субъектов хозяйствования. Именно добросовестная конкуренция является целью государственной антимонопольной политики как части экономической политики государства. Противодействие монополизму имеет конституционно-правовое значение, ибо предполагает установление публичных отношений между государством и субъектами хозяйствования. По Закону «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», государство пресекает монополизм и обеспечивает условия для развития конкуренции посредством: контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарном рынке; реорганизации и ликвидации таких субъектов; контроля за сделками с акциями, имущественными паевыми взносами; принятия иных мер (ст.8) [86].

Данные экономической науки показывают, что в условиях рыночной экономики антимонопольное регулирование выступает одной из главных экономических функций государства [33, с. 201]. В Беларуси рыночный механизм еще не сформировался, его развитие идет медленными темпами. Государство стремится непосредственно управлять хозяйствующими субъектами. Это объясняет слабый удельный вес антимонопольного регулирования в экономической политике Республики Беларусь.

Экономическая система включает и финансово-кредитные отношения. Их конституционно-правовому регулированию посвящен отдельный раздел VII Конституции. Основные законы многих государств содержат специальные структурные части о финансах и кредите. Зачастую финансово-кредитные отношения регулируются конституциями более подробно, нежели иные экономические отношения. По-видимому, это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, финансово-кредитная сфера в значительной степени имеет публичный характер.

Публичны по своей сути финансовые отношения по поводу, например, налогов и государственного бюджета. Во-вторых, как отмечается в литературе, «именно через финансовые механизмы государство в нормальных условиях решает свои экономические (и социальные) задачи», то есть проводит экономическую политику [41, с. 205].

Банковская система представляет собой составную часть финансово-кредитной системы. К субъектам банковских правоотношений Банковский кодекс относит Национальный банк, банки и небанковские кредитно-финансовые организации (ст.6) [4].

Банковская деятельность в принципе является частной, так как согласно Банковскому кодексу, направлена на извлечение прибыли (ст.12). Публичным учреждением является Национальный банк, который действует исключительно в интересах государства (ст.24), и получение прибыли не выступает основной целью его деятельности (ст.25). Среди принципов банковской деятельности Кодекс называет независимость банков – невмешательство государственных органов в их работу (ст.13). Политике государства в банковской сфере посвящена норма Конституции о том, что «государство поощряет и охраняет сбережения граждан, создает гарантии возврата вкладов» (ст.44 ч.4).

Социальные отношения, существующие наряду с политическими, экономическими отношениями, также регулируются конституционно-правовым институтом гражданского общества. В социологической литературе отмечается, что социальные отношения «складываются между субъектами... по поводу удовлетворения их потребностей в соответствующих условиях труда, материальных благах, улучшении быта и досуга, получении образования и доступа к предметам духовной культуры, а также в медицинском обслуживании и социальном обеспечении» [130, с. 134]. Такие отношения образуют социальную сферу общества. Приведенное определение социальных отношений в принципе соответствует их понятию, которое фактически используется в белорусском законодательстве. Так, Закон «О государственных минимальных социальных стандартах» перечисляет области общественной жизни, в которых устанавливаются социальные стандарты, и тем самым очерчи-

вает границы социальных отношений (социальной сферы) [75]. Согласно статье 5 Закона, государственные минимальные социальные стандарты устанавливаются в области: оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального обслуживания, социальной поддержки и социального обслуживания. Социологи подчеркивают, что где бы ни возникали социальные отношения, они всегда оказываются определенным образом организованными: одни люди и их группы выступают в качестве лидеров, другие – исполнителей; в них есть более, а есть менее уважаемые члены общества [132, с. 198]. Подобное закономерное состояние общества является одним из аспектов социальных отношений и описывается с помощью понятия социального статуса – соотносительного положения личности или группы в обществе. Данное понятие присутствует в Законе «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь» [100]. Статья 7 Закона закрепляет обязанность государства обеспечивать молодым гражданам специальные юридические и социально-экономические гарантии, компенсирующие обусловленные возрастом недостатки их социального статуса. Социальный статус – это возможности, социальные права и обязанности субъекта. Причиной того или иного социального статуса могут служить деятельность, национальность, позиция в политике, одаренность и т.д. Следствием же социального статуса и его внешним выражением являются те блага, которые получает или не получает субъект за свой социальный статус: материальные средства, престиж, награды и звания, разнообразные льготы. Думается, что конституционно-правовое регулирование социальных отношений возможно путем воздействия и на причинное основание социального статуса, и на его внешнее выражение. Например, часть 1 статьи 10 Закона «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь» предусматривает поддержку государством предпринимательской деятельности молодых граждан, а часть 3 – социальные выплаты молодежи.

Статусы всех социальных субъектов образуют социальную систему, которую социологи по традиции именуют «социальной структу-

рой». Чаще социальную структуру определяют как совокупность социальных групп, индивидов и отношений между ними. Большие и малые социальные группы участвуют в социальных отношениях, регулируемых конституционно-правовым институтом гражданского общества. Объединения людей можно выделять по самым разнообразным признакам. Но социальные группы как элементы социальной структуры выделяются не по любым, а по определенным признакам. Члены социальной группы не просто имеют общий признак, а находятся во взаимодействии, связаны друг с другом и с иными элементами социальной структуры. Те категории людей, которые не обладают указанными связями, но имеют общие черты, называются в социологии номинальными и типологическими группами [58, с. 69–70] или категориями лиц [144, с. 193]. Для обозначения всех видов объединений людей (структурных и неструктурных) иногда употребляется термин «социальная общность».

В науке признано, что структурные связи имеются внутри и между группами, выделяемыми по разным критериям. Поэтому каждое общество характеризуется не одной, а несколькими социальными структурами, которые существуют параллельно. В современном обществе выделяют профессиональную, классовую, национальную, социально-демографическую, социально-территориальную структуры. Надо полагать, что такие же социальные структуры имеются и в белорусском обществе. Главными видами социальной структуры советские ученые считали классовую и национальную [120, с. 79]. Приоритет отдавался классовой структуре, поэтому трудящиеся классы конституционно провозглашались социальной основой государства. В действующей Конституции Республики Беларусь не закрепляется какой-либо один вид социальной структуры. Допускается формирование любых социальных групп, так как в Конституции нет их закрытого перечня (ст.14 ч.1). Следовательно, можно говорить не только о политическом, экономическом, но и социальном плюрализме. Независимо от характера социальных групп, конституционно-правовые отношения между ними основаны на равенстве. Таким образом, если элементы социальной структуры

могут быть любыми, то их отношения однозначно определены.

Думается, что в целом фактическая социальная структура Беларуси находится в стадии становления и имеет смешанный характер. Ведущую роль в социальной структуре играет, видимо, профессиональная структура. Профессию (род занятий) социологи считают важнейшим критерием структурирования современного общества [17, с. 131]. Вряд ли социальную структуру белорусского общества можно в целом назвать классовой. Класс частных собственников пока немногочислен и находится на начальном этапе своего формирования. Нет четкой классовой дифференциации рабочих и крестьян – и те, и другие являются, по сути, наемными работниками. Еще менее значимой является национальная структура нашего общества. Причиной тому служит значительное преобладание белорусской нации. Белорусы составляют 81,2% от всего населения республики. Для сравнения, доля русских равна 11,4%, поляков – 3,9%, украинцев – 2,4%, евреев – 0,3% [10, с. 14]. В нашей стране нет национально-территориальных автономий.

Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» защищает их интересы в основном путем закрепления не коллективных, а индивидуальных прав граждан, относящих себя к национальным меньшинствам (ст.6) [79]. К конституционно-правовому институту гражданского общества относятся, во-первых, нормы Закона о статусе общественных объединений граждан, относящих себя к национальным меньшинствам. Данные субъекты вправе осуществлять хозяйственную деятельность (ст.9), создавать свои культурно-просветительные учреждения (ст.10); в определенных случаях их деятельность запрещена (ст.12). Во-вторых, Закон предусматривает политику государства по отношению к национальным меньшинствам: государство должно содействовать созданию материальных условий для развития образования и культуры национальных меньшинств (ст.8), охранять их историко-культурные ценности (ст.11).

В социальной сфере правовые нормы опосредуют не только социальную структуру, но и положение неструктурных общностей. Заметим, что статья 4 часть 2 Конституции Республики Беларусь говорит о

«социальных группах», а статья 14 часть 1 – о «социальных общностях». Надо полагать, что второе понятие является более широким и включает не только взаимодействующие объединения (социальные группы), но и категории лиц. Белорусское законодательство регулирует положение таких категорий, как, например, женщины, молодежь, малообеспеченные граждане, ветераны, инвалиды, трудоспособное население, пенсионеры. Согласно статье 32 части 5 Конституции, женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей во всех сферах деятельности. Эту норму надо трактовать как обязанность государства содействовать фактическому равенству женщин с мужчинами. Та же статья Конституции в частях 6 и 7 закрепляет право молодежи на всестороннее развитие и предусматривает политику, направленную на привлечение молодежи к участию в общественной жизни. Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь» дает определение понятия этой политики (ст.1), закрепляет ее принципы (ст.5) и их реализацию в отдельных сферах общества (ст.ст.8–10). Раздел IV Закона специально посвящен правовому положению молодежных общественных объединений.

Малообеспеченные граждане (семьи) в соответствии с Законом «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь» – это лица, имеющие по объективным причинам доход ниже бюджета прожиточного минимума (ст.1) [85]. Прожиточный минимум определяется Законом как минимальный набор материальных благ и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и сохранения его здоровья. Малообеспеченные граждане (семьи) имеют право на государственную социальную помощь (ст.6). Закон устанавливает направление развития политики государства в социальной сфере: «минимальные государственные социально-трудовые гарантии повышаются поэтапно с учетом экономического развития республики до уровня бюджета прожиточного минимума, а в дальнейшем – до уровня минимального потребительского бюджета соответствующих социально-демографических групп населения» (ст.7). К числу последних в Законе относятся трудоспособное население, пенсионеры, дети. Статистические данные свидетель-

ствуют, что на 1999 г. численность трудоспособных в Беларуси была равна 57,3% от всего населения; пенсионеров по возрасту – 21,5%; детей в возрасте до 15 лет – 21% [148, с. 35–36].

Конституция предписывает государству проявлять особую заботу о ветеранах войны и труда (ст.47). Государственная социальная политика в отношении ветеранов, а также инвалидов регулируется, соответственно, законами «О ветеранах» и «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» [73; 90]. Данные правовые акты закрепляют также основы статуса общественных объединений ветеранов и инвалидов. Поскольку Конституция гарантирует свободу объединений, следует критически оценить перечисление в упомянутых законах целей создания общественных объединений (соответственно, ст.28 и ст.47).

Законы «О социальном обслуживании» и «Об основах государственного социального страхования» устанавливают, по сути, такую систему социальной деятельности, которая включает государственную и частную подсистемы [91; 101]. В результате государство отказывается от монополизма в области социальной защиты. Такой подход реализуется и в охране здоровья населения. Согласно Закону «О здравоохранении», систему здравоохранения Беларуси составляют государственное и частное здравоохранение (ст.9 ч.1) [76]. Однако основой этой системы названо государственное здравоохранение (ст.9 ч.2). Последняя норма вряд ли имеет конституционное основание. Ее следовало бы закрепить в Конституции (в ст.45).

Духовно-культурные отношения являются самостоятельной сферой конституционно-правового регулирования, поэтому определяющие их нормы представляют собой отдельный элемент системы института гражданского общества. Данные нормы содержатся во многих правовых актах, принимавшихся с начала 90-х гг. для создания юридических предпосылок культурной деятельности.

Согласно статье 15 Конституции Республики Беларусь, государство проводит политику по сохранению историко-культурного и духовного наследия. Закон «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» рассматривает такую политику как систему органи-

зационных, правовых, экономических, научных, информационных и других мер, направленных на выявление объектов и результатов творчества человека, которые могут представлять историко-культурную ценность, придание этим объектам и результатам статуса историко-культурной ценности, учет и сбережение ценностей культуры (ст.1) [103]. Историко-культурное наследие – это совокупность отличительных итогов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях (ст.1 Закона). Сохранение ранее созданных благ – необходимая сторона культурной сферы. Вместе с тем, не менее, а пожалуй и более важным выступает создание новых культурных ценностей, то есть развитие культуры. Поэтому следует обратить внимание на второе направление государственной политики, закрепленное в той же статье 15, а также в статье 51 части 4 Конституции: государство должно содействовать развитию культуры.

Закон «О культуре в Республике Беларусь» закрепляет принцип культурного плюрализма [77]. В соответствии с Законом обеспечивается свобода творческой деятельности и саморазвитие культурных процессов, плюрализм направлений и стилей в творчестве, отказ от монополизма в культуре (ст.5). Отрадно, что акцент в Законе делается на возрождении белорусской культуры, одним из принципов культурной деятельности назван приоритет условий для ее развития. Полагаем, что данный принцип не противоречит конституционному положению о равенстве национальных общностей. Права последних по развитию своей культуры остаются равными, но государство в своей политике обязано в большей мере содействовать культуре именно белорусской нации. Политика заключается в правах и обязанностях государства и не определяет непосредственно правовой статус субъектов гражданского общества.

Закон «О культуре в Республике Беларусь» детально закрепляет виды коллективных субъектов в сфере культуры. Статусу общественных объединений в сфере культуры посвящен Закон «О творческих союзах и творческих работниках», который получил в литературе вполне

обоснованную критику за слабую практическую значимость и недостаточную логическую проработку [92; 62, с.12–17].

Универсальным средством олицетворения национальной культуры является язык. На основе статей 17 и 50 части 3 Конституции, а также Закона «О языках в Республике Беларусь» можно говорить о правовом положении государственных, национальных и иностранных языков [95]. Белорусский и русский языки, являясь государственными, характеризуются равным юридическим режимом. Проблема заключается в их фактическом неравенстве. По сведениям статистики, дома общаются на белорусском языке 36,7% населения республики, а на русском – 62,8% [148, с. 42]. С целью содействия фактическому равенству двух языков государству следует проводить «неравную» политику – осуществлять практические мероприятия по преимущественной поддержке белорусского языка. К сожалению, Закон «О языках в Республике Беларусь» таких мер почти не предусматривает, ограничиваясь общей нормой о том, что государство «обеспечивает всестороннее развитие и функционирование белорусского и русского языков во всех сферах общественной жизни» (ст.2).

Что касается образовательной сферы, то в соответствии с Законом «Об образовании» государственная политика основывается на принципах обязательности общего базового образования и осуществления перехода к обязательному общему среднему образованию; доступности дошкольного, профессионально-технического и на конкурсной основе среднего специального и высшего образования; научности и т.д. (ст.1) [98]. Образование подразделяется на основное и дополнительное, осуществляется оно государственными и частными учреждениями (ст.2).

Наиболее динамичной сферой постиндустриального общества считается наука. В литературе отмечается, что главным фактором общественного развития становится производство и использование знания, научно-технической и другой информации [141]. В нашей стране наука пока не является ведущей силой социальной жизни, однако в обществе зреет понимание ее перспективного значения. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы назы-

вает науку, а также образование и здравоохранение главными инструментами реализации пяти государственных приоритетов: 1) инновационного пути развития экономики, энерго- и ресурсосбережения; 2) наращивания экспортного потенциала страны; 3) развития агропромышленного комплекса и сопряженных отраслей, социальной сферы села; 4) развития малых и средних городов; 5) жилищного строительства [119, с. 24–27]. Конституция закрепляет свободу научного творчества, охрану интеллектуальной собственности, а также обязанность государства содействовать развитию научных и технических исследований (ст.51). Принят пакет законов, регулирующих отношения в сфере науки: «О научной деятельности» [81], «О научно-технической информации» [80], «Об основах государственной научно-технической политики» [102], «О Национальной академии наук Беларуси» [78]. Согласно преамбуле Закона «Об основах государственной научно-технической политики», «наука находится под опекой государства и пользуется его поддержкой как исключительно важная сфера для экономического развития, развития культуры, общественных отношений». Принципы государственного регулирования научной деятельности закреплены в Законе о ней: сочетание государственного регулирования с творческой инициативой субъектов научной деятельности и свободой научного поиска; равенство всех субъектов научной деятельности; концентрация научного потенциала на приоритетных направлениях и другие.

Для конституционно-правового регулирования традиционно значим такой участок духовно-культурной сферы, как религия. Белорусская Конституция закрепляет равенство религий и вероисповеданий, основы статуса религиозных организаций (ст.16), свободу отношения к религии (ст.31). Закон «О свободе совести и религиозных организациях» к религиозным организациям относит религиозные общины, религиозные объединения, монастыри и монашеские общины, религиозные братства и сестричества, религиозные миссии, духовные учебные заведения (ст. 13) [89]. Государству запрещено вмешиваться в деятельность религиозных организаций, а также возлагать на них государственные функции. В преамбуле Закона отмечена определяющая роль Право-

славной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Это важное положение является воплощением нормы Конституции о влиянии религиозных организаций на формирование традиций белорусского народа как факторе, с учетом которого должны определяться их взаимоотношения с государством (ст. 16 ч.2). Однако Закон «О свободе совести и религиозных организациях» недостаточно конкретизировал эту конституционную норму: остаются неясными конкретные правовые последствия признания ведущей роли Православной церкви.

Итак, в теоретическом плане нам было важно показать, что по сравнению с институтом основ конституционного строя институт гражданского общества включает более обширную совокупность конституционно-правовых норм, которые содержатся в нескольких разделах Конституции Республики Беларусь (II и VII), а также в многочисленных подконституционных актах. Мы анализировали не все, а лишь основополагающие из этих актов.

Институт гражданского общества представляется нам самым перспективным в конституционном праве. Его формирование в Республике Беларусь связано с переходом от тоталитарного к демократическому государству, предполагающему функционирование независимого от него самоуправляющегося сообщества индивидов и их групп.

Несмотря на определенные недостатки, нормативная основа гражданского общества в значительной степени сформирована. Отдельные просчеты законодателя объясняются отсутствием опыта правового регулирования отношений гражданского общества, которого на территории Беларуси никогда прежде не существовало. Принято большое количество новых правовых актов, определяющих контуры гражданских отношений. Главная и пока не вполне решенная проблема – практическая реализация этих актов и прежде всего Конституции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С.С. Собственность–право–социализм: Полемические заметки.– М.: Юрид. лит., 1989.– 173 с.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество.– М.: Политиздат, 1980.– 368 с.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учеб. для юрид. вузов и фак.– М.: Инфра-М: Норма, 1997.– 752 с.
4. Банковский кодекс: Кодекс Респ. Беларусь, 25 окт. 2000 г., № 441-3: В ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2006 г., № 145-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 2000.– № 106. – 2/1243.
5. Барабашев Г.В. Общественно-политический строй социализма.– М.: Политиздат, 1964.– 80 с.
6. Барулин В.С. Социальная философия: Учеб. для вузов.– 2-е изд., испр. и доп.– М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.– 560 с.
7. Беседы об общественном и государственном устройстве СССР: Сб. материалов для комсом. полит. кружков.– Владивосток: Примиздат, 1947.– 267 с.
8. Беседы об общественном и государственном устройстве СССР: Сб. материалов для комсом. полит. кружков.– Минск: Изд-во ЦК ЛКСМБ, 1947.– 224 с.
9. Беседы об общественном и государственном устройстве СССР: Сб. материалов для комсом. полит. кружков.– Ростов н/Д: Росиздат, 1949.– 372 с.
10. Василевич Г.А. Белорусское государство и некоторые вопросы обеспечения национального равноправия // Вестн. Молодеж. науч. о-ва.– 2000.–№ 5–6.– С. 13–17.
11. Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь.– Минск: ИООО «Право и экономика», 2002.– 686 с.
12. Василевич Г.А. Конституция Республики Беларусь: (Науч.-практ. коммент.).– Минск: Право и экономика, 2000.– 488 с.
13. Василевич Г.А. Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства: (Коммент. к ст. Конституции Респ. Беларусь).–

Минск: Право и экономика, 1999.– 192 с.

14. Введение в философию: Учеб. для вузов: В 2 ч. / И.Т. Фролов, Э.А. Араб-Оглы, Г.С. Арефьева и др.– М.: Политиздат, 1990.– Ч. 2.– 639 с.

15. Витушко В.А. Курс гражданского права: Науч.-практ. пособие.– Минск: Белорус. гос. экон. ун-т, 2001.– Т. 1.– 414 с.

16. Витюк В.В. Состав и структура гражданского общества как особой сферы социума // Гражданское общество: теория, история, современность: Сб. / Рос. акад. наук. Ин-т социологии; Отв. ред. З.Т. Голенкова.– М., 1999.– С. 28–68.

17. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: Учеб. для вузов / Под ред. В.И. Добренкова.– М.: Гардарики, 1998.– 432 с.

18. Выборы: правовые основы, избирательные технологии: Науч.-правовое и практ. пособие.– 2-е изд., испр. и доп. / С.А. Альфер, И.И. Бугрова, А.Е. Вашкевич, и др.; Отв. ред. С.А. Альфер; Науч. ред. М.Ф. Чудаков.– Минск: Тесей, 2000.– 304 с.

19. Голенкова З.Т. Альтернативы и перспективы развития гражданского общества в России // Гражданское общество: теория, история, современность: Сб./ Рос. акад. наук. Ин-т социологии; Отв. ред. З.Т. Голенкова.– М., 1999.– С. 6–28.

20. Головки А.А. Основные принципы демократии // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь.– 1997.– № 2.– С. 37–50.

21. Головки А.А. Современные проблемы государственного суверенитета в Республике Беларусь // Право и политика.– 2000.– № 1.– С. 23–30.

22. Государственное право СССР / Под ред. С.С. Кравчука.– М.: Юрид. лит., 1967.– 552 с.

23. Гражданский кодекс: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь.– 1999.– № 7–9.– Арт. 101.

24. Денисов А.И. Конституционные основы общественного устройства СССР.– М.: Мысль, 1966.– 56 с.

25. Денисов А.И. Общественное устройство СССР.– М.: Мысль, 1952.– 43 с.

26. Диалектический и исторический материализм.– 5-е изд. / Под

общ. ред. С.М. Ковалева.– М.: Политиздат, 1975.– 368 с.

27. Диалектический и исторический материализм.– 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред.: А.Г. Мысливченко, А.П. Шептулина.– М.: Политиздат, 1988.– 446 с.

28. Дробязко С.Г. Соотношение социального правового государства и правового гражданского общества // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 марта 2000 г. / Белорус. гос. ун-т; Редкол.: А.А. Головки (гл. ред.) и др.– Минск, 2000.– С. 386–390.

29. Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право: Учеб.– М.: Юристъ, 2000.– 492 с.

30. Еременко Ю.П. Государственное право социалистических стран: Учеб. пособие / Под ред. И.Е. Фарбера.– Волгоград: Высш. следств. шк. МВД СССР, 1976.– 116 с.

31. Избирательный кодекс: Кодекс Респ. Беларусь, 11 февр 2000 г., № 370-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 2000.– № 25.– 2/145.

32. Исаев М.А. Основы конституционного строя Норвегии.– М.: Муравей, 2001.– 213 с.

33. Камаев В.Д., Семенов В.Ф., Сорокин Д.Е. Учебник по основам экономической теории (экономика).– М.: ВЛАДОС, 1995.– 380 с.

34. Карпинский В.А. Как управляется наша страна.– Ташкент: Госиздат УзССР, 1946.– 39 с.

35. Карпинский В.А. Общественное и государственное устройство СССР.– Казань: Ташгосиздат, 1948.–116 с.

36. Карпинский В.А. Основы общественного и государственного строя Советского Союза.– М.: Госполитиздат, 1954.– 80 с.

37. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учеб.– М.: Юристъ, 1995. – 479 с.

38. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учеб.– 4-е изд., перераб. и доп.– М.: Юрайт, 1998.– 416 с.

39. Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие.– 3-е изд.,

перераб. и доп. / Сост. В.В. Маклаков.– М.: БЕК, 2002.– 592 с.

40. Конституционное право: Учеб. / Отв. ред. В.В. Лазарев.– М.: Юристъ, 1999.– 592 с.

41. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб.: В 4 т.– 3-е изд., обновл. и дораб. / Отв. ред. Б.А. Страшун.– М.: БЕК, 2000.– Т. 1–2.– 784 с.

42. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб.: В 4 т. / Отв. ред. Б.А. Страшун.– М.: НОРМА, 2001.– Т. 4.– 656 с.

43. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики: Принята на внеочеред. девятой сес. Верхов. Совета БССР девятого созыва 14 апр. 1978 г.– Минск: Беларусь, 1987.– 48 с.

44. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики: Утв. Чрезвычай. VII съездом Советов БССР 19 февр. 1937 г.– Минск: Изд. Верхов. Совета БССР, 1952.– 35 с.

45. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г., № 2875-XII // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 1999.– № 1.– 1/0.

46. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии: Принята I съездом Советов БССР, 3 февр. 1919 г. // История Советской Конституции 1917–1956 гг. (в документах) / Общ. ред. С.С. Студеникина.– М.: Госюриздат, 1957.– С. 228–232.

47. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочеред. седьмой сес. Верхов. Совета СССР девятого созыва, 7 окт. 1977 г. // Конституция общенародного государства: Сб.– М.: Политиздат, 1987.– С. 111–144.

48. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Утв. Чрезвычай. VIII съездом Советов Союза ССР, 5 дек. 1936 г. // Конституция общенародного государства: Сб.– М.: Политиздат, 1987.– С. 226–244.

49. Коток В.Ф. О предмете и источниках конституционного права социалистических стран // Конституционное право социалистических стран: Сб. ст. / Под ред.: В.Ф. Котока, Н.П. Фарберова.– М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.– С. 3–109.

50. Коток В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права: Сб. ст. / Отв. ред. В.Ф. Коток.– М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.– С. 3–93.

51. Коток В.Ф. Содержание конституционного права // Совет. государство и право.– 1971.– № 2.– С. 108–113.

52. Кравчук С.С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве // Совет. государство и право.– 1956.– № 10.– С. 95–105.

53. Кубеев Е.К. Основы конституционного строя Республики Казахстан: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02.– М., 1998.– 384 с.

54. Курс советского государственного права / Под ред.: Б.В. Щетинина и А.Н. Горшенева.– М.: Высш. шк., 1971.– 447 с.

55. Кутафин О.Е. Конституционные основы общественного строя и политики СССР.– М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985.– 288 с.

56. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права.– М.: Юристъ, 2001.– 444 с.

57. Лафитский В.И. Основы конституционного строя США.– М.: НОРМА, 1998.– 267 с.

58. Левада Ю.А. Лекции по социологии.– М., 1969.– 117 с.– (Информ. бюл. / Акад. наук СССР. Науч. совет по проблемам конкретных соц. исслед.– № 5 (20)).

59. Ленин В.И. Полн. собр. соч.– Т. 16.– 697 с.

60. Ленин В.И. Полн. собр. соч.– Т. 17.– 655 с.

61. Лепешкин А.И. Курс советского государственного права: В 2 т.– М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961.– Т. 1.– 558 с.

62. Лосева Г.В. Краткий комментарий к Закону «О творческих союзах и творческих работниках» // Вестн. Молодеж. науч. о-ва.– 2000.– № 4.– С. 12–18.

63. Лучин В.О. Конституционные институты // Современный конституционализм: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т государства и права; Редкол.: Е.К. Глушко и др.– М., 1990.– С. 28–37.

64. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.– 2-е изд.– Т. 6.– 761 с.

65. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.– 2-е изд.– Т. 27.– 696 с.

66. Матусевич А.В. Политическая система: В 2 кн.– Минск: Навука і тэхніка, 1992.– Кн. 1: Состояние и развитие.– 246 с.
67. Мендра А. Основы социологии: Учеб. пособие для вузов : Пер. с фр. – М.: Изд. дом «NOTA BENE», 1999.– 344 с.
68. Мицкевич А.В. Становление основ нового конституционного строя в Российской Федерации // Государство и право.– 1992.– № 8.– С. 11–17.
69. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: Учеб. пособие.– М.: Высш. шк.: Кн. дом «Университет», 1997.– 448 с.
70. Мясникович М. Белорусская государственность на магистральном пути становления // Совет. Белоруссия.– 1998.– 3 марта.– С. 2.
71. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов.– Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998.– 896 с.
72. Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. док./ Сост.: Ю.А. Дмитриев, Н.А. Михалева.– 2-е изд.– М.: Манускрипт: Юрайт, 1998.– 663 с.
73. О ветеранах: Закон Респ. Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1594-ХІІ: В ред. Закона Респ. Беларусь от 12.07.2001 г., № 44-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 2001.– № 67.– 2/787.
74. О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР: Закон БССР, 11 дек. 1991 г., № 1299-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.– 1992.– № 1.– Арт. 3.
75. О государственных минимальных социальных стандартах: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1999 г., № 322-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.–1999.– № 89.– 2/97.
76. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ: В ред. Закона Респ. Беларусь от 11.01.2002 г., № 91-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 2002.– № 10.– 2/840.
77. О культуре в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 июня 1991 г., № 832-ХІІ: В ред. Закона Респ. Беларусь от 18.05.2004 г., № 282-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.–2004.– № 87.– 2/1031.
78. О Национальной академии наук Беларуси: Закон Респ. Бела-

республика Беларусь, 5 мая 1998 г., № 159-З: В ред. Закона Республики Беларусь от 29.11.2003 г., № 252-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь.—2003.— № 136.— 2/1001.

79. О национальных меньшинствах: Закон Республики Беларусь, 11 нояб. 1992 г., № 1926-ХІІ: В ред. Закона Республики Беларусь от 5.01.2004 г., № 261-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь.—2004.— № 4.— 2/1010.

80. О научно-технической информации: Закон Республики Беларусь, 5 мая 1999 г., № 250-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь.— 1999.— № 35.— 2/25.

81. О научной деятельности: Закон Республики Беларусь, 21 окт. 1996 г., № 708-ХІІІ: В ред. Закона Республики Беларусь от 17.10.2005 г., № 46-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь.—2005.— № 171.— 2/1143.

82. О печати и других средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь, 13 янв. 1995 г., № 3515-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.— 1995.— № 12.— Арт. 121.

83. О политических партиях: Закон Республики Беларусь, 5 окт. 1994 г., № 3266-ХІІ: В ред. Закона Республики Беларусь от 19.07.2005 г., № 35-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь.—2005.— № 120.— 2/1132.

84. О предприятиях: Закон Республики Беларусь, 14 дек. 1990 г., № 462-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета БССР.— 1991.— № 3.— Арт. 13.

85. О прожиточном минимуме в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 6 янв. 1999 г., № 239-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь.— 1999.— № 5.— 2/14.

86. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции: Закон Республики Беларусь, 10 дек. 1992 г., № 2034-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.— 1992.— № 36.— Арт. 569.

87. О профессиональных союзах: Закон Республики Беларусь, 22 апр. 1992 г., № 1605-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.— 1992.— № 19.— Арт. 300.

88. О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 19 янв. 1993 г., № 2103-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.— 1993.— №

7.– Арт. 41.

89. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ: В ред. Закона Респ. Беларусь от 31.10.2002 г., № 137-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 2002.– № 123.– 2/886.

90. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1991г., № 1224-ХІІ: В ред. Закона Респ. Беларусь от 14.07.2000 г., № 418-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь.– 2000.– № 24.– Арт. 329.

91. О социальном обслуживании: Закон Респ. Беларусь, 22 мая 2000 г., № 395-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 2000.– № 50.– 2/170.

92. О творческих союзах и творческих работниках: Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 1999 г., № 342-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь.–1999.– № 36.– Арт. 586.

93. О текущем моменте: Постановление Верхов. Совета БССР, 25 авг. 1991 г., № 1013-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета БССР.– 1991.– № 28.– Арт. 433.

94. О формировании и использовании минимального потребительского бюджета: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 1992 г., № 1383-ХІІ // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.– 1992.– № 5.– Арт. 81.

95. О языках в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 26 янв. 1990 г., № 3094-ХІ: В ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.1998 г., № 187-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь.– 1998.– № 28.– Арт. 461.

96. Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 154-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь.– 1998.– № 19.– Арт. 214.

97. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Белорусской ССР: Закон БССР, 28 июля 1990 г., № 212-ХІІ // Збор законаў БССР, указаў Прэзідыума Вярхоўн. Савета БССР, пастаноў Савета Міністраў БССР.– 1990.– № 4.– Арт. 450.

98. Об образовании: Закон Респ. Беларусь, 29 окт. 1991 г., № 1202-

XII: В ред. Закона Респ. Беларусь от 19.03.2002 г., № 95-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.– 2002.– № 37.– 2/844.

99. Об общественных объединениях: Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-XII: В ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2005 г., № 36-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.–2005.– № 120.– 2/1133.

100. Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 24 апр. 1992 г., № 1629-XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.– 1992.– № 19.– Арт. 304.

101. Об основах государственного социального страхования: Закон Респ. Беларусь, 31 янв. 1995 г., № 3563-XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь.– 1995.– № 14.– Арт. 138.

102. Об основах государственной научно-технической политики: Закон Респ. Беларусь, 19 янв. 1993 г., № 2105-XII: В ред. Закона Респ. Беларусь от 12.11.1997 г., № 83-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь.– 1997.– № 33.– Арт. 657.

103. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 98-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.–2006.– № 9.– 2/1195.

104. Павлова Н.В., Степанов Г.И. Гражданское общество и правовое государство: Учеб. пособие к спецкурсу.– Минск: Белорус. гос. пед. ун-т, 1999.– 68 с.

105. Пляхимович И.И. Законность – принцип формирования и функционирования конституционного строя Беларуси // Проблемы законности и правопорядка в Республике Беларусь: Материалы респ. науч.-практ. конф., Новополоцк, 25–26 мая 2000 г. / Полоц. гос. ун-т; Гл. ред. А.А. Головки.– Новополоцк, 2000.– С. 9–11.

106. Пляхимович И.И. Институты гражданского общества в конституционном праве (новый подход) // Сборник научных статей по материалам Международного научно-образовательного форума «Европа–2002», 4 июня 2002 г. / Европ. гуманитар. ун-т; Сост. С.Д. Курочкина.– Минск, 2003.– С. 184–190.

107. Пляхимович И.И. История развития конституционного зако-

нодательства об основах общественного устройства // 210 год Канстытуцыі Рэчы Паспалітай: Гісторыя. Права. Традыцыі: Матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 27 крас. 2001 г. / Беларус. дзярж. ун-т; Адк. рэд.-склад.: К.І. Козак, М.Э. Часноўскі.– Мінск, 2002.– С. 81–83.

108. Пляхимович И.И. К вопросу о предмете конституционного права // Материалы V науч. конф. студентов и аспирантов ФУСТ БГУ, Минск, 15–18 апр. 2002 г. / Беларус. гос. ун-т; Авт.-сост. О.Р. Годунин.– Минск, 2002.– С. 34–37.

109. Пляхимович И.И. Новый конституционно-правовой институт гражданского общества // Вестн. Калининград. юрид. ин-та МВД России.– 2002.– № 2.– С. 179–184.

110. Пляхимович И.И. Понятие конституционного строя // Конституционный процесс и развитие политической системы общества: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 окт. 2002 г. / Беларус. гос. ун-т; Редкол.: Г.А. Василевич (гл. ред.) и др.– Минск, 2002.– С. 9–10.

111. Пляхимович И.И. Понятие основ государственного и общественного строя в науке конституционного права Беларуси // Государственность на Беларуси: генезис и перспективы: Сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Брест, 30 янв. 2002 г.: В 2 ч. / Брест. гос. ун-т; Гл. ред. И.В. Котляров.– Брест, 2002.– Ч. 2.– С. 23–25.

112. Пляхимович И.И. Понятие основ конституционного строя // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь.– 2002.– № 3.– С. 42–44.

113. Пляхимович И.И. Собственность как основа конституционного строя Республики Беларусь // Правовое обеспечение экономических реформ в славянских государствах: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 окт. 2000 г. / Беларус. гос. экон. ун-т; Отв. за вып. Л.А.Чеснокова.– Минск, 2000.– С. 12–15.

114. Пляхимович И.И. Социальное государство – важный элемент основ конституционного строя // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 марта 2000 г. / Беларус. гос. ун-т; Редкол: А.А. Головки (гл. ред.) и др.– Минск, 2000.– С. 124–126.

115. Пляхимович И.И. Становление и развитие правовых основ общественного строя советской Беларуси // Вестн. Молодеж. науч. о-ва.– 2002.– № 2.– С. 14–19.

116. Пляхимович И.И. Человек и общество: социологические основания конституционных отношений // Сахаровские чтения 2002 года: экологические проблемы XXI века: Материалы междунар. конф. ведущих специалистов, молодых ученых и студентов, Минск, 17–21 мая 2002 г. / Междунар. гос. экол. ун-т; Под общ. ред. А.А. Милютинина.– Минск, 2002.– С. 22–23.

117. Проблемы формирования гражданского общества: Сб. ст. / Отв. ред. З.Т. Голенкова.– М.: Ин-т социологии РАН, 1993.– 159 с.

118. Проблемы формирования гражданского общества в Беларуси / В.И. Карбалевич, В.В. Ровдо, В.Ю. Чернов, В.И. Шабайлов.– Минск: НЦСИ «Восток–Запад», 1996.– 82 с.

119. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы. – Минск: Беларусь, 2006. – 176 с.

120. Ржевский В.А. Общественный строй развитого социализма: Конституц. содерж., структура, регулирование.– М.: Юрид лит., 1983.– 247 с.

121. Ржевский В.А. Общественно-политический строй СССР как воплощение суверенитета советского народа.– Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1974.–129 с.

122. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России: Понятие, содерж., вопр. становления.– М.: Юрист, 1994.– 288 с.

123. Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории: Учеб. пособие.– М.: МФТИ, 1996.– 180 с.

124. Скуратов Ю.И. Категория «политика» в новой Конституции СССР // Теоретические проблемы советского государственного права в условиях новейшего конституционного законодательства: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Г. Судницын.– Свердловск: Урал. ун-т, 1979.– С. 25–35.

125. Скуратов Ю.И. Политические отношения как объект конституционного регулирования // Конституционные основы государствен-

ного строительства: Межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т; Редкол.: Д.Н. Бахрах, М.И. Кукушкин и др.— Свердловск: Урал. ин-т, 1981.— С. 3–14.

126. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; Пред. редкол. Ф.П. Филин.— М., 1948.— Т. 14.— 1390 с.

127. Советское государственное право: Учеб. / Под ред. С.С. Кравчука.— М.: Юрид. лит., 1980.— 632 с.

128. Советское конституционное право / Под ред. С.И. Русиновой, В.А. Рянжина.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.— 462 с.

129. Социологический энциклопедический словарь: На рус., англ., нем., фр. и чеш. яз. / Ред.-координатор Г.В. Осипов.— М.: ИНФРА-М: НОРМА, 1998.— 488 с.

130. Социология: Учеб. для студентов вузов.— 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Лавриненко, Н.А. Нартов, О.А. Шабанова, Г.С. Лукашева; Под ред. В.Н. Лавриненко.— М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.— 407 с.

131. Социология: Учеб. пособие для студентов вузов.— 2-е изд., испр. / А.Н. Елсуков, Е.М. Бабосов, А.Н. Данилов и др.; Под ред. А.Н. Елсукова.— Минск: Тетра Системс, 2000.— 544 с.

132. Социология. Основы общей теории: Учеб. пособие / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, А.В. Кабыща и др.; Под ред. Г.В. Осипова.— М.: Аспект Пресс, 1996.— 461 с.

133. Степанов И.М. Конституционализм: ценности культуры и культура ценностей // Современный конституционализм: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т государства и права; Редкол.: Е.К. Глушко и др.— М., 1990.— С. 20–28.

134. Степанов И.М. Конституция и политика.— М.: Наука, 1984.— 172 с.

135. Тененбаум В.О. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права // Проблемы конституционного права: Межвуз. науч. сб. / Редкол.: И.Е. Фарбер (отв. ред.) и др.— Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974.— Вып. 1.— С. 49–58.

136. Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учеб.— М.: БЕК, 1995.— 496 с.

137. Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сб.: Пер. с англ. / Сост. А.П. Огурцов.– М.: Прогресс, 1991.– 736 с.
138. Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами.– 4-е изд., доп. и перераб. / Под ред. С.А. Кравченко.– М.: Экзамен, 2001.– 512 с.
139. Фарбер И.Е. Общественно-политический строй – категория государственного права // Правоведение.– 1975.– № 4.– С. 7–14.
140. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права.– Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967.– Вып. 1.– 319 с.
141. Философия: Учеб. для высш. учеб. заведений.– Ростов на/Д: Феникс, 1997.– 576 с.
142. Философский словарь / Под ред.: М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина.– М.: Политиздат, 1963.– 544 с.
143. Формация и цивилизация: методологические проблемы анализа // Мировая экономика и междунар. отношения.– 1991.– № 6.– С. 52–64.
144. Фролов С.С. Социология: Учеб. для вузов.– 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Логос, 1996.– 360 с.
145. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / Пер. с нем.; Под ред. и со вступ. ст. Н.А. Сидорова.– М.: Юрид. лит., 1981.– 368 с.
146. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубеж. опыт.– М.: Зерцало, 1998.– 448 с.
147. Шабайлов В.И. Право собственности в социальном государстве // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 марта 2000 г. / Белорус. гос. ун-т; Редкол: А.А. Головки (гл. ред.) и др.– Минск, 2000.– С. 42–46.
148. Шахотько Л.П. Население Беларуси: некоторые результаты переписи 1999 г. // Белорус. экон. журн.– 2000.– № 4.– С. 31–44.
149. Шевцов В.С. Общественный строй и политическая система советского общества // Совет. государство и право.–1977.– № 8. – С. 23–29.
150. Щетинин Б.В. О понятии предмета советского государствен-

ного права // Правоведение.– 1963.– № 2.– С. 139–148.

151. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьян.– М.: Мысль, 1993.– Т. 1: Гештальт и действительность.– 663 с.

152. Юридический энциклопедический словарь.– 3-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. В.Е. Крутских.– М.: ИНФРА-М, 2000.– 450 с.

153. Яковлев А.М. Конституционный строй: Социальный и правовой аспект // Вопр. философии.– 1995.– № 10.– С. 3–12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ	9
1.1. Советская наука государственного права об основах общественного строя	9
1.2. Основы конституционного строя в современной белорусской и российской конституционно-правовой науке.....	30
ГЛАВА 2 СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ	47
2.1. Философско-социологические основания понятия конституционного строя	47
2.2. Сущность конституционного строя и института основ конституционного строя	65
2.3. Конституционно-правовой институт гражданского общества: сущность, система и соотношение с институтом основ конституционного строя	84
ГЛАВА 3 ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТОВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	96
3.1. Закрепление основ конституционного строя в Конституции Республики Беларусь	96
3.2. Характеристика конституционно-правового института гражданского общества в Республике Беларусь	113
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	135

Научное издание

Серия «Гуманитарные науки»

ПЛЯХИМОВИЧ Иван Иванович

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ: ТЕОРИЯ ИНСТИТУТА

Редактор *Гавриленко В.Г.*

Подписано в печать 06.09.2008 Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная

Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 9,5 Уч.изд.л. 9,6

Тираж 150 экз. Заказ № 633

ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0056831 от 01.04.2004

220072 Минск Сурганова 1, корп. 2. Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

Отпечатано на настольно-издательской системе XEROX

в ИООО «Право и экономика»